

ISSN 2542-1840 (print) 2541-9145 (online)

Гуманитарные
общественные науки

4

том 4
2020

ВЕСТНИК

Кемеровского государственного университета

Bulletin of Kemerovo State University.
Humanities and Social Sciences.
2020, 4(4): 287–379

Главный редактор: *Морозова И. С.*, д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Редакционная коллегия:
Абросимова Е. А., д-р юрид. наук, доцент, МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)
Агавелян Р. О., д-р психол. наук, проф., НГПУ (Новосибирск, Россия).
Бабурин С. Н., д-р юрид. наук, проф., ИГП РАН (Москва, Россия).
Бибилло В. Н., д-р юрид. наук, проф., БГУ (Минск, Беларусь).
Веряев А. А., д-р пед. наук, проф., АлтГПУ (Барнаул, Россия).
Грицков Ю. В., д-р филос. наук, проф., СФУ (Красноярск, Россия).
Жукова О. И., д-р филос. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Зникин В. К., д-р юрид. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).
Золотухин В. М., д-р филос. наук, проф., КузГТУ (Кемерово, Россия).
Ким Ю. В., д-р юрид. наук, КемГУ (Кемерово, Россия).
Красиков В. И., д-р филос. наук, проф., ВГУЮ (РПА Минюста России) (Москва, Россия).
Курдуманова О. И., д-р пед. наук, проф., ОмГПУ (Омск, Россия).
Ляковска К., д-р права (habilitation), проф., Белостокский университет (UwB, Белосток, Польша).
Мардахаев Л. В., д-р пед. наук, проф., РГСУ (Москва, Россия).
Московченко О. Н., д-р пед. наук, проф., КГПУ им. В. П. Астафьева (Красноярск, Россия).
Невзорев Б. П., д-р пед. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Невинский В. В., д-р юрид. наук, проф., МГЮА (Москва, Россия).
Осипова С. И., д-р пед. наук, проф., СФУ (Красноярск, Россия).
Остапович И. Ю., д-р юрид. наук, доцент, УрГЮУ (Екатеринбург, Россия).
Плаксина Т. А., д-р юрид. наук, доцент, ТГУ (Томск, Россия).
Самович Ю. В., д-р юрид. наук, проф., КФУ (Казань, Россия).
Халипина Л. П., д-р пед. наук, проф., СПбПУ Петра Великого (Санкт-Петербург, Россия).
Черненко Т. Г., д-р юрид. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Чурекова Т. М., д-р пед. наук, проф., КемГИК (Кемерово, Россия).
Шепель Т. В., д-р юрид. наук, проф., НГУ (Новосибирск, Россия).
Ящук Т. Ф., д-р юрид. наук, проф., ОмГУ (Омск, Россия).

Editor-in-Chief: *Irina S. Morozova*, Dr. of Psychology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Editorial board:
Elena A. Abrosimova, Dr. of Law, Ass. prof., M. V. Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).
Ruben O. Agavelyan, Dr. of Psychology, Prof., Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russia).
Sergey N. Baburin, Dr. of Law, Prof., The Institute of State and Law of The Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).
Valentina N. Bibillo, Dr. of Law, Prof., Belarusian State University (Minsk, Belarus).
Anatoliy A. Veryaev, Dr. of Pedagogic, Prof., Altai State Pedagogical University, (Barnaul, Russia).
Yuriy V. Gritskov, Dr. of Philosophy, Prof., Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia).
Olga I. Zhukova, Dr. of Philosophy, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Valeriy K. Znikin, Dr. of Law, Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).
Vladimir M. Zolotukhin, Dr. of Philosophy, Prof., Kuzbass State Technical University (Kemerovo, Russia).
Yuriy V. Kim, Dr. of Law, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Vladimir I. Krasikov, Dr. of Philosophy, Prof., All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia) (Moscow, Russia).
Olga I. Kurдуманова, Dr. of Pedagogic, Prof., Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russia).
Katarzyna Laskowska, Dr. of Law (habilitation), Prof., University of Białystok (UWB, Białystok, Poland).
Lev V. Mardakhaev, Dr. of Pedagogic, Prof., Russian State Social University (Moscow, Russia).
Olga N. Moskovchenko, Dr. of Pedagogic, Prof., V. P. Astafyev Krasnoyarsk State Pedagogical University (Krasnoyarsk, Russia).
Valeriy V. Nevinskiy, Dr. of Law, Prof., O. E. Kutafin Moscow State University of Law (Moscow, Russia).
Boris P. Nevzorov, Dr. of Pedagogic, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Svetlana I. Osipova, Dr. of Pedagogic, Prof., Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia).
Igor Yu. Ostapovich, Dr. of Law, Ass. prof., Ural State University of Law (Ekaterinburg, Russia).
Taiana A. Plaksina, Dr. of Law, Ass. prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).
Yuliya V. Samovich, Dr. of Law, Prof., Kazan Federal University (Kazan, Russia).
Lyudmila P. Khaliapina, Dr. of Pedagogic, Prof., Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russia).
Tamara G. Chernenko, Dr. of Law, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Tatiana M. Churekova, Dr. of Pedagogic, Prof., Kemerovo State Institute of Culture (Kemerovo, Russia).
Tamara V. Shepel, Dr. of Law, Prof., Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia).
Tatiana F. Yashchuk, Dr. of Law, Prof., Omsk State University (Omsk, Russia).

Учредитель: Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет».

Журнал «Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-67379

Издается с 2017 года.

Выходит 4 раза в год.

ISSN 2542-1840 (print) ISSN 2541-9145 (online)

Адрес учредителя, издателя: Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; 8(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Адрес редакции: Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; 8(3842)58-13-01; vestnik@kemsu.ru; <http://vestnik-hss.kemsu.ru>

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» – 94232

Журнал представлен в открытом доступе на сайте Российской универсальной научной электронной библиотеки и включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

Правила для авторов опубликованы на сайте издания.

Журнал не взимает платы за публикацию, издается за счет средств Кемеровского государственного университета.

Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

16+

Педагогика

Дуализм принципа аппроксимации в лингводидактике

Голованева М. А. 287

Развитие волевых качеств личности юных футболистов в тренировочном процессе

Дзвоник В. П., Муханов Г. И. 297

К проблеме разработки модели формирования навыков волевой саморегуляции обучающихся в учреждениях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей

Тимофеева И. Г. 306

Философия

Метафора в структуре познания сложности

Думов А. В. 315

Социально-философский и культурологический аспекты деятельности человека в рамках цифровой реальности

Золотухин В. М. 323

Корреляция жанра видения XIX века с протестантской и православной культурой: философско-религиоведческий анализ

Лалуев В. Я. 330

Онтологические аспекты власти в западноевропейском дискурсе

Яцевич М. Ю. 338

Юриспруденция

Историко-правовой анализ развития института адвокатуры в России

Бирюкова О. В., Бондаренко И. С., Винниченко О. Ю. 346

Ответственность за превышение средней скорости движения: еще один шаг в сторону от справедливости

Переладов А. В., Личман А. А. 353

Правопонимание института возмещения потерь

Севостьянова А. А. 365

Указатель статей, изданных за 2020 г. в журнале «Вестник КемГУ. Серия: Гуманитарные и общественные науки»

376

Founder: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kemerovo State University".

The Journal "Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences" is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications. Certificate of registration: PI no. FS 77-67379.

Founded in 2017.

Published 4 times a year.

ISSN 2542-1840 (print) ISSN 2541-9145 (online)

Address of the founder, publisher: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region, Russia, 650000; 8(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Editorial Office Address: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region, Russia, 650000; 8(3842)58-13-01; vestnik@kemsu.ru; <http://vestnik-hss.kemsu.ru>

Subscription indices: 94232 – in the United catalogue "The Press of Russia".

Free access to the Journal is provided at the website of the Russian Universal Scientific Electronic Library. The Journal is included into the database of the "Russian Science Citation Index".

Information for Authors published on the website Edition.

Journal fully funded by Kemerovo State University. Articles are available to all without charge, and there are no article processing charges for authors.

No part of the Journal can be republished without the permission of the authors or the publisher.

16+

Pedagogics

Dualism of Approximation Principle in Linguadidactics
Golovaneva M. A. 295

Developing Volitional Qualities in Young Football Players during Training
Dzvonik V. P., Mukhanov G. I. 304

Developing a Model for the Volitional Self-Direction Formation in Orphans and Abandoned Children
Timofeeva I. G. 313

Philosophy

Metaphor in the Structure of Exploring Complexity
Dumov A. V. 321

Socio-Philosophical and Cultural Aspects of Human Activity in the Framework of Digital Reality
Zolotukhin V. M. 328

How the Visions Genre Correlates in the Protestant and Orthodox Christian Culture of the Nineteenth Century: a Theological and Philosophical Analysis
Laluev V. Ya. 336

Ontological Aspects of Power in Western European Discourse
Yatsevich M. Yu. 345

Jurisprudence

Historical and Legal Analysis of the Development of the Institute of Defence Attorneys in Russia
Biryukova O. V., Bondarenko I. S., Vinnichenko O. Yu. 351

Responsibility for Exceeding the Vehicle Average Speed: Another Step away from Justice
Pereladov A. V., Lichman A. A. 364

Legal Understanding of the Institution of Indemnity
Sevostyanova A. A. 375

Index of articles published in 2020 in the journal "Bulletin of Kemerovo State University. Humanities and Social Sciences" 378

Дуализм принципа аппроксимации в лингводидактике

Марина А. Голованева^{а, @}

^а Астраханский государственный университет, Россия, г. Астрахань

[@] yagrow@inbox.ru

Поступила в редакцию 08.10.2020. Принята к печати 29.10.2020.

Аннотация: Определяются границы реализации принципа аппроксимации при изучении русского языка как иностранного, специфическое качество принципа аппроксимации – дуализм, а также степень глубины соответствующей корректировочной работы. Предметом является потенциал принципа аппроксимации в лингводидактике. Цель – определить степень эффективности его применения. Ведущий метод работы – наблюдение, анализ научной лингводидактической литературы и наиболее репрезентативных ситуаций учебного процесса. Разграничиваются приемы корректировочной работы с разными видами речевой деятельности – говорением, письмом, чтением. Отстаивается необходимость оперативного исправления допущенных ошибок и активности участия в нем обучающегося. Защищается обязательность использования графических средств передачи соответствия норме. Область применения – практическая лингводидактика. Ключевой вывод работы: активность реализации принципа аппроксимации в практической лингводидактике должна стремиться к минимуму. Однако ни в одном из трех видов речевой деятельности, затронутых в рассуждениях, невозможно отказаться от реализации данного принципа полностью. Это позволяет говорить о его дуализме. Первый из пяти лингводидактических вопросов об исправлении ошибок имеет однозначный ответ: ошибки должны исправляться. Все выявленные ошибки требуют корректив. Любая возможность графического сопровождения исправляющих комментариев должна использоваться как преподавателем, так и обучающимся. Тенденция к передаче максимума инициативы обучающемуся при исправлении ошибок должна иметь место в учебном процессе, но при условии, что роль преподавателя остается контролирующей.

Ключевые слова: обучение русскому языку как иностранному, исправление ошибок, графические обозначения, активность обучающегося, сознательный подход, норма языка, интерференция

Для цитирования: Голованева М. А. Дуализм принципа аппроксимации в лингводидактике // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2020. Т. 4. № 4. С. 287–296. DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-4-287-296>

Введение

В современной лингводидактике несомненным является факт активного функционирования принципов обучения языку, значительного влияния реализации существующих дидактических, лингвистических, психологических и собственно методических принципов на результаты обучения. Среди прочих собственно методических принципов А. Н. Щукиным был сформулирован принцип аппроксимации, подразумевающий «"сниходятельное отношение" преподавателя к допускаемым учащимися ошибкам в процессе речевой деятельности» [1, с. 173]. Однако опыт практической деятельности в области преподавания русского языка как иностранного свидетельствует о спорности лояльного отношения к допускаемым учащимися ошибкам. Дуализм принципа стал темой работы. Цель статьи – рассмотреть позиции ведущих методистов, определить специфическое качество принципа аппроксимации – дуализма, границы реализации принципа аппроксимации при изучении русского языка как иностранного (РКИ), а также степень глубины соответствующей корректировочной работы.

Естественность возникновения ошибок при овладении иностранным языком не снижает важности педагогической и методической работы по их устранению. Однако формы

этой работы, ее место в учебном процессе регулярно осмысливаются, анализируются в научно-методической литературе, а в некоторых случаях ее необходимость оспаривается. Так, 70-е гг. XX в. отмечены, как указывает Т. Г. Богданова, полным отрицанием корректирующей работы сторонниками естественного подхода, выдвигавшими на первый план мотивацию обучаемого. Возникший в 80-х гг. XX в. и актуальный до наших дней коммуникативный метод также усматривает в активной исправительной работе опасность для выработки беглости речи ученика [2, с. 67].

Современные методические исследования в разной степени активно защищают принцип аппроксимации, склоняясь, по нашим наблюдениям, все более и более к необходимости минимизации его действия. В пособиях авторитетных методистов-теоретиков А. А. Акишиной и О. Е. Каган [3, с. 202, 208, 225], Э. В. Аркадьевой и Е. В. Вайцнорене [4, с. 112], Т. И. Капитоновой, Л. В. Московкина и А. Н. Щукина [5, с. 35, 272, 276], Л. С. Крючковой и Н. В. Мошинской [6, с. 101], М. П. Чесноковой [7, с. 50, 51, 55, 56], М. Г. Архаровой [8], Т. М. Балыхиной [9, с. 58, 158–169], Н. Д. Гальсковой [10, с. 181], И. П. Лысаковой [11, с. 226], Р. П. Мильруда и Н. Н. Кондаковой [12], В. Э. Морозова [13, с. 141],

Е. Н. Солововой [14, с. 222, 223], А. Д. Климентенко и А. А. Миролюбова [15, с. 28], Н. Л. Федотовой [16, с. 46, 47], А. Н. Щукина [17, с. 301; 18, с. 311] в той или иной мере затрагивается вопрос работы над ошибками и одобряется форматирование.

В работах, отражающих современную методическую полемику практикующих педагогов, отмечаем то же. Так, в пособии астраханских авторов указана насущная необходимость корректирования учебного коммуникативного процесса [19, с. 57]. Статья С. Г. Меркуловой включает материал о причинах возникновения ошибок, об их классификации, о методах исправления [20]. В работе Н. А. Давиденко [21] приводится классификация ошибок чтения и письма при обучении иностранному языку, дается их онтологическая характеристика, что призвано облегчить процесс понимания преподавателем механизмов исправления. Н. А. Лисицкая обращает внимание на способы исправления ошибок, на основе количественных данных делает выводы о специфике отдельных процедур исправления¹. В работе А. Б. Малинина и О. В. Нефедова [22] проведена «инвентаризация» грамматических и коммуникативных ошибок, указывается на сильную позицию западных методистов-исследователей, отрицающих положительную роль исправления ошибок, но авторами статьи делается вывод о бесспорной необходимости работы над ошибками, ведется рассуждение о месте и формах подобной работы на уроке. П. Б. Тишулин [23] приводит анализ и классификацию теорий и концепций по вопросу возникновения языковых ошибок и их исправления, представленных в отечественной и зарубежной литературе. Статья содержит ценные практические советы и рекомендации по организации и осуществлению работы над ошибками. Т. М. Тренюшева² пишет об эффективности определенных форм корректировочной работы при исправлении одних типов ошибок и неэффективности этих же форм при исправлении других.

Методы и материалы. Ведущими методами являются анализ современной лингводидактической литературы, анализ наиболее репрезентативных реальных ситуаций учебного процесса по формированию знаний, навыков и умений в области обучения русскому языку как иностранному из опыта практической деятельности автора. Базой исследования стали материалы современных лингводидактических публикаций, исходные данные реальной педагогической коммуникации в условиях преподавания РКИ.

Результаты

Ключевые вопросы методики в аспекте корректировочной работы (*Когда следует исправлять ошибки? Какие ошибки следует исправлять? Как следует исправлять ошибки? Кто должен исправлять ошибки?*) остаются актуальными. Только на один вопрос: *Следует ли исправлять ошибки при*

изучении иностранного языка? – уже имеется однозначный ответ: ошибки следует исправлять в обязательном порядке. На наш взгляд, альтернативы такому решению в современной лингводидактике нет. Когнитивные основания механизмов усвоения свидетельствуют о бесполезности учебных усилий в случае бесконтрольного речепроизводства: «исправление ошибок воздействует на освоенную компетенцию, информируя обучающегося о том, что его версия осознанного (усвоенного) правила неверна» [22]. Оставлять в сознании обучающегося «белые пятна» или неверную информацию – значит аккумулировать ложные или искаженные когнитивные структуры, затрудняя его интериоризацию, дальнейший когнитивный процесс.

Принимая во внимание приведенные выше точки зрения, можно констатировать, что вопрос о делиберативности исправления ошибок в устной и письменной речи инофонов однозначно снят и можно говорить о дуализме принципа аппроксимации в методике: снисходительное отношение к нарушению нормы инофоном в процессе обучения необходимо, но оно должно иметь минимальные позиции в этом процессе. Представляется неслучайным, что в «Новом словаре методических терминов и понятий» Э. Г. Азимова и А. Н. Щукина принцип аппроксимации не включен в перечень методических принципов³.

Далее речь пойдет только о ситуациях корректирования речи обучаемых. Принимаются во внимание три вида речевой деятельности ученика: говорение, письмо, чтение. Аудирование как весьма специфический вид, включающий большое количество операций, требует особого подхода и отдельного исследования, описания, чему не отводится места в данной работе. Приведем наши обобщенные соображения с иллюстрациями из многолетней работы с туркменскими студентами уровней А1 – С1-4.

Когда следует исправлять ошибки?

Вопрос должен получить ответ только после разграничения учебных ситуаций по формированию каждого вида речевой деятельности.

Говорение – самый трудный речевой вид, требующий определенной скорости речевого производства, быстроты реакции, уверенного владения соответствующим запасом лексики, грамотностью, стилистическим чутьем, фоновыми знаниями. Весьма трудным бывает период обучения на элементарном уровне А1-1 ввиду полного отсутствия предшествующей подготовки и на уровне В2-1 в момент начала обучения в вузе на 1 курсе в условиях начала формирования социально-коммуникативной среды в учебной группе. Ведущая роль принадлежит преподавателю, в большей или меньшей степени владеющему психологическими и методическими навыками практического

¹ Лисицкая Н. А. Работа с ошибками при обучении иностранному языку: причины возникновения и способы исправления // Время Знаний. Режим доступа: <https://edu-time.ru/pub/116589> (дата обращения: 02.06.2020).

² Тренюшева Т. М. Исправлять или не исправлять ошибки? // Открытый урок. 07.01.2015. Режим доступа: <http://urok.1sept.ru/articles/652763/> (дата обращения: 02.06.2020).

³ Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: ИКАР, 2009. С. 141.

контактирования с начинающими обучающимися. Его способность расположить каждого обучающегося к имитативной или речетворческой деятельности, создать у него максимальную мотивацию, поддерживать на высоком уровне активность речи и стремление к самовыражению на занятии по РКИ выдвигаются на передний план.

Именно в этой ситуации, длящейся от одной недели до месяца-полутора, происходит поворот учебной группы на фоне положительного психологического микроклимата к тенденции наращивания темпов речевого творчества или, напротив, на фоне отрицательного психологического микроклимата – к угасанию такой тенденции. Выявление ошибок в речи начинающих говорить инофонов – необходимая, неизбежная процедура. Ввиду краткости повторяемых за преподавателем или продуцируемых самими инофонами фраз поправки возможны в любом сегменте высказывания сразу после их фиксации преподавателем или другими студентами. Бесспорно, деликатность и тактичность замечаний – основа сохранения доброжелательного и педагогически здорового климата в группе, гарант учебной активности всех ее членов. В связи с этим считаем совершенно верной позицию авторов: «Способность обучающихся общаться на иностранном языке должна являться прерогативой при формировании иноязычной коммуникативной компетенции. Исправление ошибок в том случае, когда это нарушает поток речи, допустимо лишь на начальном этапе обучения» [22].

Добавим, что подобные исправления не только желательны, но и обязательны. Именно в этот период у обучающихся, говорящих по заданию и слушающих чужой ответ, формируется культура самоконтроля, самокоррекции при условии, что обучающий педантично отмечает допущенные ошибки, акцентирует на них внимание всей группы, при возможности подробно разбирает происхождение ошибки, показывает пути ее преодоления. Оставление большей части ошибок без внимания прививает обучающимся небрежность по отношению к норме. Формирующиеся у человека в течение всей жизни навыки правильной учебной работы в подобных ситуациях претерпевают некую деградацию, и в сознании укореняется уверенность в необязательности самодисциплины. Принципы актуального сознательно-коммуникативного метода обучения РКИ [1, с. 188–193] входят в конфликт с реализуемой политикой обучения, что приводит к снижению эффективности процесса.

В дальнейшем по мере удлинения речи отвечающего количество поправок к его устному тексту уменьшается. Они производятся преподавателем только в случаях, когда становятся для данной учебной группы типичными и почти не замечаются ее членами. Считаем, что в данном случае возможно принести в жертву все иные соображения, преследуя цель коренного изменения в портрете изучаемого языка у инофонов. Например, туркменский язык не имеет категории рода (исключая отдельные случаи компенсации специальными лексемами имен существительных соответствующего рода). Интерференция приводит к массовому и регулярному искажению русской речи обучающихся

вплоть до того, что студентки старших курсов продолжают говорить о себе: *Я пришел; Я выслал Вам письмо; Я сдал Вам работу; Я переписал этот конспект* и т. п. Кроме того, отсутствие звука [ц] в туркменском языке и небрежная постановка данного звука у инофонов в период вводно-фонетического курса приводят к искажению смысла высказывания и нарушению коммуникации: *Иван начал [с]арить в России в шестнад[с]атом веке* – слушающие не понимают, о каких действиях царя говорит рассказчик (значения [ц]арить – 'царствовать' и [са]рить – 'сорить' вступают в семантический конфликт).

Помимо подобных случаев, остальные нуждаются в ином коррекционном сопровождении. Практический опыт показал, что возможно и необходимо обучение инофонов процедуре контроля чужой речи. Следует привить им навык фиксирования на бумаге или в памяти (при небольшом объеме речи) максимального количества ошибок, чтобы после ее окончания произвести глубокий анализ отмеченного. Принцип самостоятельности, когда подавляющее количество ошибок слушающие классифицируют, объясняют и исправляют сами, также реализуется. Придав данной процедуре характер систематического действия, возможно добиться объективно высоких результатов. Роль преподавателя при этом остается направляющей, контролирующей и структурирующей учебную коммуникацию, а также страхующей в случаях столкновения с образцами неизученных конструкций и сочетаний.

Письмо – письменная речь – может быть репродуктивным и продуктивным, как и устная речь. Но письмо, в отличие от устной речи, допускает более длительное осмысление получаемого результата. Однако поставленный вопрос о времени исправления допущенных ошибок заставляет учитывать тот факт, что существует работа аудиторная (с некоторым ограничением времени выполнения) и работа домашняя (без ограничения времени). Первая ситуация дает возможность проверки непосредственно после завершения работы с пространственными комментариями преподавателя, с участием всех членов группы. Это было бы идеальным вариантом в случае, если бы преподаватель мог не только на слух контролировать написанное и озвучиваемое студентами, но и сразу после написания проверить работу каждого инофона, а после этого обсудить в группе. Но второе неизбежно требует отсроченного обсуждения, что единодушно не одобряется авторами [21; 22], но является неизбежным.

Итоговым заключением, по нашему глубокому убеждению, должно стать соображение об обязательном исправлении ошибок и обязательном их анализе с озвучиванием в аудитории во всех случаях, даже требующих отсрочки. Практическое выполнение заявленного крайне трудоемко и не всегда возможно с учетом ограниченного учебного времени. Но только такое методическое сопровождение дает результат. Степень мастерства обучающего, его логистические умения позволяют с определенным успехом решать эту задачу.

Чтение – вид речевой деятельности, в большой степени зависящий от знаний, умений и навыков в говорении и письме. Принцип взаимосвязанного обучения всем видам речевой деятельности обуславливает и обратное влияние, что свидетельствует о большой важности формирования соответствующих умений. Чтение, на наш взгляд, должно исправляться в любой ситуации, кроме контрольного чтения. Обучающий может преследовать цель подачи образцового чтения. Эталон демонстрирует только преподаватель или диктор в записи. В других случаях чтение обучающегося должно исправляться сразу после озвучивания. Зрительный образ слова, входящий в процессе чтения в когнитивную сферу инофона, влияет и на успехи в говорении, и на успехи в письме. Это требует весьма щепетильного отношения к воспроизведению инофоном каждого буквосочетания. То обстоятельство, что трудности могут встречаться предельно концентрированно, не является аргументом для послаблений. Скорее, это методический просчет обучающего при подборе учебного материала или проблема комплектования учебных групп с разным уровнем знания языка у студентов. Главная причина ошибок при чтении (если исключить лингводидактические и организационные проблемы) – незнание или нетвердое знание правил чтения. Пропуск ошибок или отсутствие их анализа ведут к укоренению проблем. Специфика обучения чтению заключается в том, что большая часть тренировочной работы проводится обучающимся самостоятельно, вне аудитории, без помощи консультанта. Поэтому задача предупреждения ошибок при чтении домашнего задания решается только одним способом: на начальном этапе обучения в аудитории рассматриваются все трудности, встречающиеся в тексте, задаваемом на дом. На последующих этапах количество таких случаев уменьшается. Однако предтекстовая работа проводится всегда, поэтому фиксирование ошибок при чтении отработанного домашнего задания должно проводиться весьма кропотливо.

Подготовленное чтение часто становится свидетельством безуспешной работы и преподавателя, и студента: предупрежденные в аудитории случаи теряют свое соответствие норме после старательного, добросовестного выполнения задания студентом дома. В искаженном виде они запоминаются, закрепляются в сознании инофона, т. к. произвести коррекцию вне аудитории было некому. Именно это обстоятельство требует в обязательном порядке производить работу над ошибками при чтении подготовленного текста в аудитории.

Таким образом, вывод в данном разделе однозначный: исправления при обучении чтению должны производиться всегда, если чтение не является контрольным. Максимально интенсивной такая работа должна быть в период обучения чтению, чтобы нивелировать как можно большее количество трудноискоренимых ошибок.

Какие ошибки следует исправлять?

Второй вопрос частично был освещен при ответе на первый. Однако каждый вид речевой деятельности имеет в этом плане некую специфику. При говорении инофона

вычленяются все разновидности ошибок, указанные в работе Т. Г. Богдановой: 1) следствие интерференции; 2) следствие методических ошибок преподавания; 3) следствие некрепкого владения пройденным материалом или недопонимания теории; 4) следствие оговорки (со способностью студента быстро самостоятельно исправить ошибку); 5) следствие построения конструкций с неизученными закономерностями [2, с. 68]. Следуя уже сделанному утверждению, повторим, что при отсутствии контроля они все должны исправляться.

Говорение может происходить в самых разных формах: краткие речевые конструкции в тренировочных упражнениях; реплики в диалогах и полилогах, монологи различной длительности. Это может быть повествование, описание или рассуждение; высказывание своего мнения, своей позиции; выражение своих впечатлений и эмоций; совет, просьба, предложение помощи, поздравление, характеристика предмета и т. п. Жанровая и типовая специфика обуславливают их различие в объеме, целях и задачах, поэтому одинакового подхода к месту корректировочной работы быть не может: в одном случае не повредит исправление сразу после выявления ошибки, в другом – следует дождаться конца фразы. Исправляться должны все замеченные ошибки без исключения. Ошибки-оговорки, которые получают быструю коррекцию самого говорящего, нуждаются в подтверждении правильности исправления преподавателем. Подобное акцентирование становится направляющей метой для слушающих обучающихся. Понятна позиция методистов, защищающих цельность и органичность урокодвижения, которому, несомненно, остановки для коррекции, объяснения и повторного безошибочного произнесения выделенного фрагмента станут помехой. Но, по нашему убеждению, именно процесс исправления и является в обучении языкам сутью этого обучения. Известно, что в количественном отношении ошибки на уроке иностранного языка превосходят ошибки на уроке по любому иному предмету. Эта ситуация, как никакая другая, демонстрирует действие философского закона перехода количества в качество: при реализации принципа аппроксимации происходит укоренение ошибочных грамматических, лексических, фонетических, фонологических образцов в сознании говорящего обучающегося.

Ошибка как следствие интерференции в студенческой моногруппе по национальному составу, особенно в ситуации «затертости» такой ошибки, приобретения ею характера безобидной и «прощаемой», должна тщательно и неустанно исправляться. Так, путаница в использовании туркменскими студентами местоимений *он, она, оно* при номинации лиц женского пола и предметов женского рода, или лиц мужского пола и предметов мужского рода, или предметов среднего рода самими студентами не принимается во внимание. Не только на первом этапе обучения (на подготовительном факультете) или на первом курсе университета, но и в продолжение всего срока обучения в университете отмечаемый факт вызывает несогласие со снижением оценки. При этом студенты полностью отдают себе отчет в том,

что речь идет о грубой грамматической ошибке. Считаем, что только системное акцентирование подобных фактов может дать ощутимый результат.

Ошибка как следствие методического сбоя преподавания должна исправляться сразу при выявлении. Допущенная небрежность при обучении буквам русского алфавита и норм использования буквы Ё вызывает ошибочное произнесение отдельных слов, содержащих буквы Е и Ё. Например, туркменские студенты часто говорят *вах[т'э]р, к[р'э]стный отец, [с'э]дла, т[в'э]рдый, ч[э]лка, ч[э]рствый, ч[э]рточка, шо[ф'э]р, щ[э]лка* и др. Другой вариант: *а[ф'о]ра, пла[н'о]р, тан[к'о]р, [с'о]дло, [в'о]дро* и др. В случае, если обучающиеся не слышали образца произнесения, а почерпнули данные слова из текстов, где в большинстве своем буква Ё не имеет в печатном варианте точек, студенты произносят все как [э] или, в противоречие увиденному, как [о], предполагая, что точки отсутствуют по техническим причинам. Учитывая особый статус буквы Ё в русском языке даже для носителей языка, следует уделять повышенное методическое внимание процессу ее введения в круг знаний иностранцев.

Ошибка как следствие некрепкого владения пройденным материалом или недопонимания теории – это наиболее частая ситуация в слабых и средних учебных группах, где принцип многократного повторения пройденного, а также воспроизведения теории перед каждой тренировочной операцией действует «по умолчанию». Частотность подобных ошибок автоматическим свидетельствует о недостаточно компетентном методическом подходе к процессу объяснения. Радикальной мерой для устранения подобных ошибок на определенное правило может стать повторное обстоятельное объяснение правила, однако многообразие речевых ситуаций требует иллюстрации применения данного правила в разных конструкциях. Например, производя формирование у обучающихся навыка образования формы императива глагола, обычно преподаватель требует использования в речи следующих вариантов форм единственного и множественного числа, образованных от основ на согласную и на шипящую согласную: *несИ, несИ(ТЕ), бросЬ, бросЬ(ТЕ), не плачь, не плачь(ТЕ)*. Формы иных наклонений глагола, используемые в речи в значении повелительного наклонения, при объяснении темы также демонстрируются: *Молчать!* (адресовано одному или нескольким лицам); *Все замолчали!* (мн. ч.); *Пусть замолчат!* (мн. ч.); *Хочу, чтобы они замолчали!* (мн. ч.). Однако недостаток аудиторного времени обуславливает сосредоточенность на простейших вариантах, тогда как встречающиеся в речи нетипичные формы вызывают у обучаемых большие затруднения не только в их выявлении, классифицировании, но и в правильном производстве и уместном употреблении. В данных случаях неизбежно очередное вмешательство преподавателя в речь студента, возвращение к теории, демонстрация нормированного использования форм.

Ошибка как следствие использования неизученных конструкций – наиболее провокационный для преподавателя случай, могущий увести в сторону от запланированного хода операций. Сблудившись в объяснение правила,

предусмотренного программой в более поздние сроки, не должен овладеть преподавателем. Единственный путь исправления – предложение использовать синонимичные знакомые конструкции или лексемы. Например, желание обучающегося использовать в речи деепричастия иногда приводит к образованию студентом несуществующей формы: *Ни о чем не зная, она приехала в город; Он пошел на занятия не евши; Полюбя науки, этот человек вскоре превратился в большого ученого; Заперши дверь, мы сели смотреть телевизор*. Из опыта известно, что обращение к теме «Деепричастие» требует достаточно долгой тренировки в правильном образовании соответствующих глагольных форм. Различные программы предусматривают также расхолаживание особенностей образования форм с суффиксами *-вши, -ши, -в, -а, -я* и в частых случаях невозможность замены их друг другом. Уяснение, освоение данных положений – длительный и трудоемкий процесс. Именно поэтому преждевременное самостоятельное обращение инофона к данному пласту в большинстве случаев чревато ошибкой. Преподавателю нет смысла при сопроводительной коррекции речи вдаваться в объяснение тонкостей темы. Достаточно предложить вариант сложного предложения: *Ни о чем не зная, она приехала в город – Она ничего не знала и приехала в город*. Таким образом, исправление ошибки необходимо, но подобная ситуация представляет собой исключительный случай отсутствия ее доказательств при использовании перифраза.

В письменной речи вычленяются грамматические, смысловые, лексические ошибки. Проверка преподавателем работы сопровождается общепринятыми пометами в любом случае, однако грамматические ошибки требуют особого подхода. Если преподаватель может при проверке только указать подчеркиванием место ошибки, то у обучающихся следует формировать навыки правильного обозначения всех составляющих грамматического правила, которые они должны использовать при работе над ошибками. Так, в конструкции *Я потерял свой ручка* при исправлении студент обязан не только правильно указать окончания имени существительного и местоимения, но и сделать следующие обозначения: *Я потерял свою* (мест., ж. р., ед. ч., В. п.) *ручку* (сущ., ж. р., ед. ч., В. п.). Использование рамки для обозначения окончания еще более уточняет работу; указание крестиком главного слова в словосочетаниях *потерял ручку* и *свою ручку*, применение стрелок со смысловыми вопросами иллюстрируют весь ход рассуждений инофона. Указанные пометы являются доказательствами того, что выбор данных окончаний совершен верно. Графическая оформленность этих доказательств свидетельствует о достаточно прочной сформированности соответствующего умения в сознании инофона. Неспособность обучающегося произвести обозначения говорит о несоответствии умозрительных представлений учащегося о норме и практических навыков ее воплощения. Кроме того, необходимо культивировать способность иностранного студента проговорить правило, проиллюстрировать каждый его сегмент соответствующими обозначениями.

Одно из главных требований корректировочной работы – систематичность исправлений, систематичность применения обозначений. Обозначения должны иметь место не только при исправлении письменных текстов, но и при разъяснении случаев в устной речи. Если комментарий преподавателя или инофона сопровождается записями, схемами на доске, они должны в большинстве случаев фиксироваться слушающими в рабочих тетрадях. Исключения составляют указанные выше ошибки на еще не изученные правила.

Как уже отмечалось, при чтении должны исправляться все допущенные ошибки. Перенос ударения, перестановка букв, опущение букв, замена одного слова другим, перестановка слов, опущение слов, добавление слов, грамматические искажения, например, несогласование в роде, числе, падеже. Н. А. Давиденко подразделяет эти ошибки на шесть видов: 1) ошибки замены наличного речевого сигнала; 2) ошибки перестановки речевого сигнала; 3) ошибки добавления речевого сигнала; 4) ошибки опущения речевого сигнала; 5) ошибки искажения речевого сигнала; 6) ошибки повторения речевого сигнала [21]. Интонационный рисунок русского предложения в целом, а также интонация начала, середины и особенно конца предложения должны соблюдаться для сохранения смыслового наполнения.

Практика свидетельствует о необходимости незамедлительного исправления нарушения чтения с той целью, чтобы некорректный вариант не укоренялся в сознании как читающего, так и слушающих. На наш взгляд, способ отложенного исправления при чтении особенно вреден, т. к. восстановить прозвучавший вариант через некоторое время как самому читавшему, так и преподавателю бывает проблематично, а это мешает созданию контраста с верным вариантом для того, чтобы убедить обучающихся в необходимости поправки. Эталонный звуковой образ слова или конструкции должен быть в процессе исправления несколько раз повторен преподавателем, в редких случаях – хорошо успевающими студентами.

Именно этот аспект подтверждает правильность подготовительной работы, проводимой в аудитории перед тем, как некий текст будет задан инофонам для домашнего чтения. Максимально полный разбор трудных случаев, содержащихся в данном тексте, двух-трехразовое предварительное чтение всего текста в аудитории, применение различных приемов активизации речевой деятельности всех студентов учебной группы должны предшествовать самостоятельной работе студентов дома.

Одним из эффективных приемов предупреждения ошибок является способ одновременного чтения в аудитории всех членов группы (при отсутствии лингафонных возможностей) в течение 4–6 минут в режиме негромкого озвучивания, «вполголоса». Такое чтение осуществляется только после того, как вся возможная подготовительная и предупредительная работа была проведена. Следует отметить, что это не «хоровое» чтение, т. к. каждый инофон имеет собственную скорость, интонацию, возможность поправиться, вернуться к нужному фрагменту, перечитать какой-либо отрывок молча, попросить преподавателя помочь и т. п.

Функция преподавателя в этот период занятия – слушать выделяемую им речь, корректировать ошибки, помогать нуждающимся. Регулярное использование данного способа позволяет психологически раскрепостить отдельных студентов, добиться гарантированного участия всех членов группы в тренировке навыков чтения.

Особый разряд составляют ошибки, не влияющие на понимание смысла при говорении, письме и чтении. Современная методика упоминает в первую очередь именно эти ошибки при утверждении, что они могут быть пропущены, «прощены» преподавателем и даже не исправлены впоследствии. Приведем пример. Студент говорит: *Всем нам надо любить, беречь, [с]енить свою Родину, землю наших предков*. Вполне очевидно, что отсутствие в туркменском языке звука [ц] и соответствующее искажение звукового облика слова говорящим инофоном не мешают слушающим правильно воспринимать его смысл в контексте. Однако вне контекста, при использовании, например, этого же слова в упражнении для формирования грамматических компетенций обязательно возникнет семантический конфликт в ситуации, когда отвечающий у доски студент, прочитав его на раздаточной карточке, озвучит слово с этой же ошибкой. До того момента, как слово будет написано на доске, члены учебной группы будут воспринимать данный инфинитив как совершенно незнакомый, при попытке найти соответствующую словарную статью в толковом словаре не найдут таковой. Пример говорит о том, что разнообразие речевых ситуаций провоцирует неизбежные коммуникативные провалы в том случае, если инофоном допускаются ошибки. По нашему глубокому убеждению, снисходительное отношение к допускаемым инофоном ошибкам любой природы и в любом контексте чревато расшатыванием языковой системы в его сознании.

Как следует исправлять ошибки?

Соответствующие соображения частично были изложены выше, но требуется напомнить уже хорошо известный в лингводидактике перечень способов исправления и указания на ошибку:

- 1) непосредственное указание преподавателем на ошибку, объяснение ее сути, демонстрация верного варианта;
- 2) перифраз – замена неверного варианта речевой ситуации верным синонимичным высказыванием без привлечения доказательств;
- 3) эксплицитное указание на ошибку без ее повтора с просьбой к инофону сказать иначе то, что не понял преподаватель;
- 4) указание на ошибку без ее повтора, но с использованием терминологии (время, падеж, число и т. п.);
- 5) повторение фрагмента высказывания инофона до того места, где была допущена ошибка, с повышением тона на последнем, «предошибочном» слове;
- 6) повторение ошибочного высказывания инофона с акцентуацией на слове, содержащем ошибку.

Следует отметить, что последний прием, наиболее распространенный среди обучающихся в силу того, что именно

такая реакция преподавателя весьма непосредственна, эмоциональна, оперативна, является, на наш взгляд, методически спорным. Известно, что озвученное слово (тем более озвученное преподавателем) наиболее прочно усваивается инофоном. Учебная речевая ситуация, в которой слово или конструкция были озвучены преподавателем, через определенное время потеряет актуальность, сотрется из памяти обучающегося, но звуковой образ слова, произнесенного на особом эмоциональном фоне и с особой силой звука, неизбежно повлияет на речевой слух студента, превратится в нормативный образец. В итоге возникнет эффект, противоположный желаемому.

Кто должен исправлять ошибки?

Ориентация современной методики на максимальную активность обучающегося делает принцип интерактивности приоритетным, а следовательно, роль самого обучающегося во всех видах проверки первоочередной. Любое озвученное речепроизводство инофона (говорение) должно сопровождаться критическим вниманием слушающих студентов, непосредственно после этого принимающих активное участие в корректировании высказывания. Опыт показывает, что большая часть ошибок может быть выявлена и правильно исправлена слушающими студентами, и преподавателю требуется осуществлять контроль контроля, а также стимулировать сопровождение объяснений графическими обозначениями. При этом требуется представить первое слово речепроизводителю с целью произвести самоконтроль. Как правило, рассказывавший выявляет минимальную часть своих ошибок, что объясняется его возбужденным эмоциональным состоянием и сосредоточенностью на содержании высказывания. Однако отказываться от самоконтроля отвечающего нельзя, т. к. он повышает ответственность за выполнение задания, активизирует усилия говорящего не только в области передачи смысла, но и в области грамматики. Преподаватель также не может самоустраниться от корректировки прозвучавшего текста в случае, если обучаемые отметили и проанализировали не все случаи отклонения от нормы. Считаем, что его анализ всегда должен завершать процесс исправления.

Особую трудность представляет задача обучения слушающих делать оперативные заметки на память о допущенных говорящим ошибках. Совмещение слушания и записи ошибок весьма специфично. Однако привитие общей культуры анализа начинается именно с данного умения.

Проверка и исправление письменной речи традиционно производится преподавателем, однако привлечение обучающихся к данной процедуре не только уместно, но и весьма эффективно. В методике давно известны способы перекрестной проверки, первичной проверки хорошо успевающими студентами, самопроверки при параллельном озвучивании правильного варианта преподавателем. Понятно, что конечный результат получается только после участия преподавателя в любом из этих видов проверки, что повышает трудоемкость способа и несколько снижает его оптимальность, однако эффективность обучения

и привития общеучебных и языковых навыков студентам возрастает.

Особое внимание следует уделить, на наш взгляд, аспекту графического отражения преподавателем тех языковых и речевых явлений, которые подверглись искажению в речевой деятельности обучающегося. Доказывая необходимость исправления, преподаватель должен стремиться «изобразить» трудное место вне зависимости от того, фрагмент ли это текста для чтения, фразы для написания или фрагмент речи обучающегося. Понятно, что в процессе учебной деятельности на уроке невозможно предусмотреть все возможные ситуации затруднений и заготовить заблаговременно иллюстрационный материал с использованием медиасредств. Однако классический способ с привлечением доски и мела может в случае систематической реализации дать весомые результаты.

К примеру, в устном рассказе учащегося выявилась ошибка: *Русские писатели сделали большой вклад в мировую литературу*. Слово *писатели* туркменский студент произносит без звука *И* в первом слоге, т. к. фонетическая компрессия отмечается в речи туркмен, говорящих по-русски. Систематически это является одним из проявлений интерференции. Исправляя подобную ошибку, преподаватель должен не только правильно произнести слово, но и написать его на доске, каким-либо образом выделив букву: подчеркнуть ее, или сделать фрагментарную транскрипцию, или взять в скобки, или написать ее мелом другого цвета, шрифтом большего размера, или закрепить на доске на ее месте карточку с изображением данной буквы, или написать слово с отделением первого слога дефисом и пр. Помимо звучащих объяснений того, почему соответствующий звук в данном слове должен звучать отчетливо, обучающийся будет иметь возможность видеть графическое отражение явления. Учитывая, что только 5 % обучающихся являются аудиалами, понимаем, что ограничиваться устными исправлениями ошибки нельзя. 35 % – это визуалы, которым не обойтись без зрительного представления прецедента. Еще 25 % обучающимся-дигиалам требуется проговорить слово, чтобы оно представилось, и его графическое отражение для правильного воспроизведения необходимо. У дигиалов доминирование логики, смысловых связей, закономерностей обуславливает построение внутреннего диалога, который не может обойтись без опоры на исходный правильный образ слова. 35 % обучающихся-кинестетов ощущают необходимость в тактильном освоении явления, чему должно помочь написание примера в рабочей тетради вслед за графической демонстрацией преподавателя на доске.

Ошибки в других видах речевой деятельности (чтении и письме) должны быть рассмотрены и графически оформлены таким же образом. Различные способы подчеркиваний, применение знаков, условных обозначений, цветовых выделений на фоне устного объяснения позволяют активизировать когнитивную деятельность обучающихся со всеми типами доминирующих каналов восприятия. Пусковая, ведущая система восприятия (слух, зрение, тактильные ощущения, работа речевого аппарата) опирается

на актуальные для себя форматы информации. Обязательным компонентом остается, по нашему мнению, формат графической презентации явления.

Заключение

Мы привели доказательства в пользу того, что активность лингводидактического принципа аппроксимации в практической деятельности должна стремиться к минимуму. С другой стороны, ни в одном из трех видов речевой деятельности, затронутых в рассуждениях, невозможно отказаться от него

полностью. Это позволяет говорить о дуализме принципа. Первый из пяти лингводидактических вопросов об исправлении ошибок имеет однозначный ответ: ошибки должны исправляться. Все выявленные ошибки требуют корректив. Любая возможность графического сопровождения исправляющих комментариев должна использоваться как преподавателем, так и обучающимся. Тенденция к передаче максимума инициативы обучающемуся при исправлении ошибок должна иметь место в учебном процессе, но при условии, что роль преподавателя остается контролирующей.

Литература

1. Щукин А. Н. Методика преподавания русского языка как иностранного. М.: Высш. шк., 2003. 333 с.
2. Богданова Т. Г. Роль исправления ошибок при обучении иностранному языку в неязыковом вузе // Научный вестник Южного института менеджмента. 2014. № 4. С. 66–69.
3. Акишина А. А., Каган О. Е. Учимся учить. Для преподавателя русского языка как иностранного. 10-е изд., стереотип. М.: Рус. яз. Курсы, 2018. 256 с.
4. Живая методика для преподавателя русского языка как иностранного / сост. Э. В. Аркадьева, Е. В. Вайцнорене. М.: Рус. яз. Курсы, 2005. 334 с.
5. Капитонова Т. И., Московкин А. В., Щукин А. Н. Методы и технологии обучения русскому языку как иностранному. 4-е изд., стереотип. М.: Рус. яз. Курсы, 2018. 312 с.
6. Крючкова Л. С., Мощинская Н. В. Практическая методика обучения русскому языку как иностранному. М.: Флинта; Наука, 2011. 474 с.
7. Чеснокова М. П. Методика преподавания русского языка как иностранного. 2-е изд., перераб. М.: МАДИ, 2015. 132 с.
8. Архарова М. Г. Исправление ошибок в процессе преподавания иностранного языка: теория и практика // Просвещение. Иностранные языки. 2014. Режим доступа: <http://iyazyki.prosv.ru/2014/01/correction-mistakes/#more-14203> (дата обращения: 03.09.2020).
9. Бальхина Т. М. Методика преподавания русского языка как неродного (нового). М.: Изд-во РУДН, 2007. 185 с.
10. Гальскова Н. Д. Современная методика обучения иностранным языкам. М.: АРКТИ, 2003. 189 с.
11. Методика обучения русскому языку как иностранному / под ред. И. П. Лысаковой. М.: Рус. яз. Курсы, 2016. 320 с.
12. Мильруд Р. П., Кондакова Н. Н. Теории ошибок в методике обучения иностранному языку // Психолого-педагогический журнал Гаудеамус. 2005. Т. 1. № 7. С. 128–134.
13. Морозов В. Э. Методика урока русского языка как иностранного. 2-е изд., испр. М.: Икар, 2017. 228 с.
14. Соловова Е. Н. Методика обучения иностранным языкам: базовый курс лекций. М.: Просвещение, 2002. 238 с.
15. Теоретические основы методики обучения иностранным языкам в средней школе / под ред. А. Д. Климентенко, А. А. Миролюбова. М.: Педагогика, 1981. 456 с.
16. Федотова Н. Л. Методика преподавания русского языка как иностранного: практический курс. СПб.: Златоуст, 2013. 190 с.
17. Щукин А. Н. Методика обучения речевому общению на иностранном языке. М.: Икар, 2011. 452 с.
18. Щукин А. Н. Обучение иностранным языкам. Теория и практика. М.: Омега-Л, 2010. 480 с.
19. Золотых Л. Г., Лаптева М. Л., Кунусова М. С., Бардина Т. К. Методика преподавания русского языка как иностранного в китайской аудитории. Астрахань: Астраханский ун-т, 2012. 90 с.
20. Меркулова С. Г. Современные подходы к исправлению ошибок в устной речи при изучении иностранного языка // Английский язык. 2002. № 45. Режим доступа: <http://eng.1sept.ru/article.php?ID=200204501> (дата обращения: 02.06.2020).
21. Давиденко Н. А. Классификация ошибок чтения при обучении иностранному языку // Современный научный вестник. 2008. № 12. Режим доступа: http://rusnauka.com/12_EN_2008/Philologia/31259.doc.htm (дата обращения: 02.06.2020).
22. Малинин А. Б., Нефедов О. В. Исправление ошибок студентов при изучении иностранных языков // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. 2015. № 7. Режим доступа: <https://scipress.ru/philology/articles/ispravlenie-oshibok-studentov-pri-izuchenii-inostrannykh-yazykov.html> (дата обращения: 02.06.2020).
23. Тишулин П. Б. Виды языковых ошибок и возможности их исправления при обучении иностранному языку // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2012. № 1. С. 132–137.

Dualism of Approximation Principle in Linguadidactics

Marina A. Golovaneva^{a, @}

^a Astrakhan State University, Russia, Astrakhan

@ yarrow@inbox.ru

Received 08.10.2020. Accepted 29.10.2020.

Abstract: Dualism is a specific quality of approximation principle. The present research featured the potential of approximation principle for linguadidactics, namely to what degree it can be used to teach Russian as a foreign language and perform correction work in class. The research objective was to assess the efficiency of this principle. The study was based on the method of observation. The article introduces analyses of scientific linguadidactic literature and some typical situations of educational process. The author separates correction work from speech activity, i.e. talking, writing, and reading. The author believes that speech mistakes must be corrected immediately, involving the student in the correction process. Graphic facilities should be used to illustrate the norm. Therefore, in practical linguadidactics, approximation principle should be minimal. Yet, approximation is impossible to avoid in the abovementioned types of speech activity, which hints at the dualism of this principle. Therefore, all errors must be corrected using graphic means, if possible, by both the teacher and the student. Students should be encouraged to participate in the correction process, while the teacher maintains supervisory control.

Keywords: Russian as a foreign language, error correction, graphic signs, student activity, conscious approach, language norm, interference

For citation: Golovaneva M. A. Dualism of Approximation Principle in Linguadidactics. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennyye nauki*, 2020, 4(4): 287–296. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-4-287-296>

References

1. Shchukin A. N. *Methods of teaching Russian as a foreign language*. Moscow: Vyssh. shk., 2003, 333. (In Russ.)
2. Bogdanova T. G. The role of error correction in teaching foreign languages at business schools. *Scientific Bulletin of the Southern Institute of Management*, 2014, (4): 66–69. (In Russ.)
3. Akishina A. A., Kagan O. E. Learn to teach. *For a teacher of Russian as a foreign language*, 10th ed. Moscow: Rus. iaz. Kursy, 2018, 256. (In Russ.)
4. *Live methodology for a teacher of Russian as a foreign language*, comps. Arkadeva E. V., Vaishchnorene E. V. Moscow: Rus. iaz. Kursy, 2005, 334. (In Russ.)
5. Kapitonova T. I., Moskovkin L. V., Shchukin A. N. *Methods and technologies of teaching Russian as a foreign language*, 4th ed. Moscow: Rus. iaz. Kursy, 2018, 312. (In Russ.)
6. Kriuchkova L. S., Moshchinskaja N. V. *Practical methods of teaching Russian as a foreign language*. Moscow: Flinta; Nauka, 2011, 474. (In Russ.)
7. Chesnokova M. P. *Methods of teaching Russian as a foreign language*, 2nd ed. Moscow: MADI, 2015, 132. (In Russ.)
8. Arkharova M. G. Correction of mistakes in the process of teaching a foreign language: theory and practice. *Prosveshchenie. Inostrannye iazyki*, 2014. Available at: <http://iyazyki.prosv.ru/2014/01/correction-mistakes/#more-14203> (accessed 03.09.2020). (In Russ.)
9. Balykhina T. M. *Methods of teaching Russian as a non-native (new) language*. Moscow: Izd-vo RUDN, 2007, 185. (In Russ.)
10. Galskova N. D. *Modern methods of teaching foreign languages*. Moscow: ARKTI, 2003, 189. (In Russ.)
11. *Methods of teaching Russian as a foreign language*, ed. Lysakova I. P. Moscow: Rus. iaz. Kursy, 2016, 320. (In Russ.)
12. Millrood R. P., Kondakova N. N. Theories of mistakes in the methodics of foreign languages teaching. *Psikhologo-pedagogicheskij zhurnal "Gaudeamus"*, 2005, 1(7): 128–134. (In Russ.)
13. Morozov V. E. *Methodology of a lesson in Russian as a foreign language*, 2nd ed. Moscow: Ikar, 2017, 228. (In Russ.)
14. Solovova E. N. *Methods of teaching foreign languages: a basic course of lectures*. Moscow: Prosveshchenie, 2002, 238. (In Russ.)
15. *Theoretical foundations of methods of teaching foreign languages in secondary school*, eds. Klimentenko A. D., Miroliubov A. A. Moscow: Pedagogika, 1981, 456. (In Russ.)
16. Fedotova N. L. *Methods of teaching Russian as a foreign language: a practical course*. St. Petersburg: Zlatoust, 2013, 190. (In Russ.)
17. Shchukin A. N. *Methods of teaching speech communication in a foreign language*. Moscow: Ikar, 2011, 452. (In Russ.)
18. Shchukin A. N. *Teaching foreign languages. Theory and practice*. Moscow: Omega-L, 2010, 480. (In Russ.)

19. Zolotykh L. G., Lapteva M. L., Kunusova M. S., Bardina T. K. *Methods of teaching Russian as a foreign language in the Chinese audience*. Astrakhan: Astrakhanskii un-t, 2012, 90. (In Russ.)
20. Merkulova S. G. Modern approaches to correcting errors in oral speech in the study of a foreign language. *Angliiskii iazyk*, 2002, (45). Available at: <http://eng.1sept.ru/article.php?ID=200204501> (accessed 02.06.2020). (In Russ.)
21. Davidenko N. A. Classification of reading errors in teaching a foreign language. *Sovremennyyi nauchnyi vestnik*, 2008, (12). Available at: http://rusnauka.com/12_EN_2008/Philologia/31259.doc.htm (accessed 02.06.2020). (In Russ.)
22. Malinin A. B., Nefyodov O. V. Correction of students' errors in foreign language teaching. *Filologicheskii aspekt: mezhdunarodnyi nauchno-prakticheskii zhurnal*, 2015, (7). Available at: <https://scipress.ru/philology/articles/ispravlenie-oshibok-studentov-pri-izuchenii-inostrannykh-yazykov.html> (accessed 02.06.2020). (In Russ.)
23. Tishulin P. B. Types of language errors and the possibility of their correction when teaching a foreign language. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki*, 2012, (1): 132–137. (In Russ.)

Развитие волевых качеств личности юных футболистов в тренировочном процессе

Вероника П. Дзвоник^{а, @}; Георгий И. Муханов^а

^а Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово

@ veronika_dzvOnik@mail.ru

Поступила в редакцию 03.12.2020. Принята к печати 24.12.2020.

Аннотация: Рассмотрены возможности использования тренировочного процесса как средства развития волевых качеств личности юных футболистов. Предметом исследования является процесс развития волевых качеств личности юных футболистов в рамках занятий в спортивной школе. Описаны теоретические представления о волевых качествах личности как объекте психолого-педагогического исследования. Рассмотрены волевые качества, реализуемые в различных видах деятельности, особенности их развития у обучающихся начальной школы. Определены специфические особенности волевых качеств учащихся младших классов, которые занимаются спортом, проявляющиеся в соблюдении строгой дисциплины и достижении поставленных целей. Дополнены представления о специфике волевых качеств школьников-футболистов в отличие от сверстников, которые не занимаются спортом. Теоретически обоснованы возможности позитивных изменений в параметрах волевой сферы личности младшего школьника, занимающегося спортом. Практическая значимость исследования состоит в направленности его результатов на совершенствование процесса развития волевых качеств младших школьников в условиях организаций дополнительного образования, в разработке и апробации программы психолого-педагогического воздействия «Юные Химки», позволяющей повысить уровень волевых качеств юных футболистов. Получены экспериментальные доказательства эффективности занятий футболом, обеспечивающей развитие волевых качеств младших школьников.

Ключевые слова: обучающиеся начальной школы, спортивная деятельность, футбол, организация дополнительного образования, развитие личности

Для цитирования: Дзвоник В. П., Муханов Г. И. Развитие волевых качеств личности юных футболистов в тренировочном процессе // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2020. Т. 4. № 4. С. 297–305. DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-4-297-305>

Введение

В последние годы в России большое внимание приковано к спорту. Минувшее десятилетие запомнится стране зимними Олимпийскими играми в Сочи и Чемпионатом мира по футболу, которые вызвали большой резонанс и объединили разные поколения россиян. Это придало хороший импульс для формирования особой роли физической культуры и здорового образа жизни в стране, все больше родителей стали отдавать своих детей в спорт. В силу разных жизненных обстоятельств в чемпионы из них пробьются только единицы, однако спорт, так или иначе, поможет юным атлетам в дальнейшей жизни: благодаря ему дети смогут воспитать свои лучшие качества.

Помимо этого, аргументов, что спорт не заканчивается на подиумах, медалях и рекордах, достаточно. Бизнес – один из них. Последние опросы показывают, что спорт становится новым увлечением топ-менеджеров. Действительно, у бизнесменов набирают большую популярность тяжелые и мультиспортивные виды: триатлон или бег на длинные дистанции. Эксперты объясняют это возможностью завести новые знакомства, наладить связи благодаря общим интересам, а также проверить человека в сложных условиях. Ведь как не доверять человеку, который осилит марафонскую дистанцию и пробежит ее с тобой плечом к плечу? Это еще

одно доказательство в пользу спорта, который с годами становится неотъемлемым атрибутом успешной жизни.

Не стоит забывать и про развитие спортивного бизнеса в стране. Как показывает практика, в России топ-менеджерами в этой индустрии становятся люди, имеющие спортивное прошлое и хорошо знакомые со спецификой отрасли. После прошедших крупнейших спортивных событий у нашей страны осталось большое наследие в виде спортивных объектов мирового уровня, которые уже третий год остаются задействованными не в полной мере. Это является большой проблемой для государства, потратившего большие деньги на подготовку масштабных спортивных комплексов. Таких примеров достаточно много: инфраструктура Сочи или футбольные стадионы в Нижнем Новгороде и Саранске собирают не достаточно зрителей, чтобы оправдать постройку сооружений. С одной стороны, сказывается пока еще недостаточная увлеченность спортом людей в нашей стране, с другой – дефицит высококлассных управленческих кадров в этой индустрии, которые не могут «заполнить» арены.

С областью спорта тесно связана и медицина. Те, кто сталкивался в жизни со спортивными травмами, так или иначе, углублялись в изучение анатомии тела. Большинство атлетов знают, как работают мышцы, интересуются максимальными возможностями организма.

В центре внимания нашей работы находятся младшие школьники, которые только начали учиться и в скором времени станут фундаментом современной России. Часть из них профессионально занимается футболом, привыкая с детства бороться со стрессом, преодолевать трудности и дисциплинировать себя. Но можно ли сделать лучше юных футболистов, если начать активную работу над развитием их психологических качеств?

Исторически сложилось, что выдающиеся волевые качества носят значимый характер и приносят бессмертную славу известным героям. Со времен Древней Греции и Древней Руси остались легенды о воинах, которые заслужили известность благодаря стойкости и мужеству в боях, перевернувших историю (300 спартанцев; Д. Донской и А. Пересвет в Куликовской битве). Несмотря на то, что с развитием цивилизации больше пользы для общества стали приносить когнитивные способности людей, волевые качества остаются важнейшим звеном для роста личности. Современные младшие школьники, которые растут в эпоху быстро развивающихся информационных технологий, с детства сталкиваются с большим количеством отвлекающих факторов и меньше времени уделяют умственному и физическому развитию – качествам, которые жизненно необходимы любому человеку. Для достижения успеха необходимо быть сосредоточенным на конечной цели, противостоять соблазнам и ограничивать себя, что делает проблему формирования волевых качеств личности младших школьников одним из самых актуальных направлений теоретических и прикладных исследований.

Проблема воли, произвольной и волевой регуляции поведения и деятельности человека давно вызывают острые прения и обсуждения у многих ученых и психологов. Воля проявляется в том, что человек на протяжении длительного времени трудится, учится, отдыхает и одновременно с этим непременно движется к определенной намеченной им самим цели. Он способен отказаться от чего-либо во имя цели, которая может не приносить особой радости, но при этом являющейся необходимой. Воля является регулятором сознания, который выражается в способности человека совершать определенные поступки и действия ради цели, несмотря на трудности.

Теоретические основы

По мнению Ю. Т. Глазунова и К. Р. Сидорова, любое волеизъявление человека можно выразить посредством совокупности таких качеств, как выдержка, инициативность, настойчивость, организованность, решительность, самостоятельность и смелость [1, с. 70]. Согласно точке зрения В. А. Иванникова, воля представляет собой средство регуляции личностью ее поступков и выступает инструментом волевой личности [2, с. 102]. Н. В. Аникеева под волевыми качествами личности понимает совокупность личностных свойств, связанных с реализацией воли и преодолением препятствий на жизненном пути [3, с. 243].

Существуют и альтернативные определения волевых качеств личности. Так, на основе проведенных исследований

А. В. Монроз констатирует факт постепенности формирования волевой регуляции деятельности, определяя таким образом личностную опосредованность способов реализации деятельности [4, с. 74]. По мнению А. Р. Батыршиной, необходимо учитывать тенденцию к переходу от исследования частных (настойчивость, целеустремленность, инициативность) к исследованиям интегративных, системных (ответственность, уверенность в себе) волевых качеств [5, с. 90].

Во многих научных работах отмечается, что данное определение нуждается в уточнениях, потому что волевые качества отражают не столько произвольное управление, сколько волевою регуляцию, связанную с напряженными волевыми усилиями. Например, среди спортивных психологов принято разделять волевые качества по степени их значимости для того или иного вида спорта. В исследовании Ю. Н. Анисимовой, Г. Н. Каменевой и Г. С. Прыгина было установлено, что настойчивость спортсменов командных видов спорта проявляется в стремлении помочь другим и в достижении коллективных целей. Настойчивость спортсменов индивидуальных видов спорта касается собственных достижений, целей самореализации, независимости и самостоятельности [6, с. 51]. В. А. Москвин, Н. В. Москвина и Н. С. Шумова определили наличие взаимосвязи волевых качеств и устойчивости мотивации к занятиям футболом [7, с. 126].

И. И. Таран, М. Н. Поповская, А. А. Кондратьева выявили взаимосвязи спортивной мотивации с выраженностью волевых качеств спортсменов, занимающихся игровыми видами спорта. Авторы констатируют, что баскетболисты характеризуются выраженностью целеустремленности и настойчивости. Показатели упорства, самостоятельности и инициативности у баскетболистов достоверно выше, чем у футболистов [8].

Г. Ф. Голубева, Е. М. Фещенко, Е. Н. Бичерова определили значимые различия уровня развития целеустремленности, настойчивости и упорства в группе дзюдоистов, имеющих квалификацию кандидатов и мастеров спорта и группе спортсменов, не имеющих спортивных разрядов [9, с. 323]. Рассматривая особенности волевой сферы спортсменов, занимающихся легкой атлетикой, Ж. Г. Гаранина и Д. А. Чернущев определили выраженность личностных качеств уверенности в себе и осознанного отношения к значимости соревнования [10].

Волевые качества необходимы человеку для достижения успехов в различных областях развития. Несмотря на то, что определенную роль в развитии волевых качеств личности играет генетика, воля является частью сформировавшегося сознания. Мы согласны с точкой зрения В. В. Викторовой, которая указывает, что младший школьный возраст представляет собой период позитивных изменений в плане организованности и самоконтроля формирующейся личности [11, с. 202]. Рассматривая особенности возрастной группы младших школьников, отметим, что поступление в школу и обучение в младших классах вносит существенные изменения в жизнь ребенка. Сильно меняется установленный порядок его жизни, его социальное положение в коллективе, семье, социальной группе. Ведущей становится учебная

деятельность, требующая наличия волевых качеств ребенка. По мнению А. А. Благиной и Е. М. Свешниковой, волевые качества младших школьников возникают не сразу, а постепенно формируются в процессе деятельности [12, с. 38].

Э. В. Витушкина и Т. В. Кружилина отмечают, что в сфере контактов со взрослыми у младших школьников складывается внеситуативное, «внеконтекстное общение», главной чертой которого является произвольность, подчиненность правилу [13, с. 75]. По мнению А. А. Кулагиной, движущей силой духовно-нравственного развития младших школьников является потребность в нравственно-волевом совершенствовании [14, с. 5]. Е. М. Свешникова, анализируя влияние различных систем обучения на формирование волевых качеств младших школьников, отмечает наличие взаимосвязи успеваемости и уровня сформированности волевых качеств в различных системах обучения [15, с. 38].

Основываясь на точке зрения Н. А. Жестковой, которая констатирует, что успешное волевое развитие младших школьников возможно тогда, когда процесс обучения обеспечивает осознание учащимися смысла, значения, средства деятельности, мы считаем возможным актуализировать значение деятельности как условия развития волевых качеств обучающихся начальной школы [16, с. 257].

Мы согласны со мнением Н. Н. Каргина и В. Е. Варламовой о том, что основными средствами формирования волевых качеств личности служат физическое воспитание и спорт [17, с. 123]. В. Н. Шляпников и Ю. Н. Хрулева убедительно доказывают, что занятия спортом способствуют развитию волевых качеств, т. к. спорт предполагает высокий уровень самодисциплины и организации деятельности, постоянное преодоление как внешних, так и внутренних препятствий, постоянное самосовершенствование и работу над собой [18, с. 138].

По мнению Д. В. Щепотина, занятия спортом способствуют формированию у ребенка волевых усилий, большой волевой напряженности [19, с. 171]. Согласно точке зрения Е. П. Максачук, именно соблюдение правил тренировочного процесса обеспечивает формирование таких волевых качеств будущих спортсменов, как самоконтроль и самообладание [20, с. 121]. Подростки, сознательно занимающиеся спортом, характеризуются настойчивостью, стремлением доводить начатое дело до конца [21, с. 76]. Е. Е. Рубахин подчеркивает необходимость обеспечения работы по формированию волевых качеств личности будущего спортсмена на начальных этапах спортивной подготовки [22, с. 34].

На основе проведенного анализа мы сосредоточили внимание на возможности использования в качестве средства развития волевых качеств младших школьников занятия футболом.

Занятия футболом как условие развития волевых качеств обучающихся

Футбол – самая популярная командная игра с мячом в мире. Постоянно работая в команде, футболисты ежедневно сталкиваются с конкуренцией на футбольном поле и в тренажерном зале, контактируя друг с другом. Следует согласиться с точкой

зрения А. А. Иванова и А. И. Петрова, которые утверждают, что воспитание волевых качеств в процессе игры в футбол происходит в ситуациях преодоления различных препятствий, связанных с затратой волевых усилий [23, с. 28].

Футбольная команда представляет собой сложный механизм, который работает с учетом всех характерных особенностей футболистов, играющих в составе, которым просто необходимо не только взаимодействовать с партнерами по команде, но и быть самостоятельными личностями. Тренировочный процесс спортсменов, занимающихся индивидуальными видами спорта (легкая атлетика, спортивная гимнастика, бокс и т. д.), полностью контролируется специалистами, затрагивая и их жизненный режим. В футбольной же команде из-за большого количества игроков это сделать крайне сложно, каждый футболист предоставлен сам себе.

Большую роль в развитии волевых качеств играет личность тренера. Многие современные специалисты являются хорошими мотиваторами и психологами, которые выводят своих подопечных на новый уровень посредством психологического воздействия на игроков, учитывая их ведущие особенности. Некоторые главные тренеры прибегают к услугам профессиональных психологов, которые помогают улучшить результаты команды. В европейских футбольных клубах это стало практиковаться в 1970-х гг., в России – значительно позже. Один из самых известных тренеров современности Ж. Моуринью уделял психологии много внимания. В свои самые успешные футбольные годы в клубах «Порту», «Челси» (первый контракт) и «Интер» Ж. Моуринью работал так, что игроки чувствовали себя нужными и действительно особенными. «Он настолько хорошо знал каждого из нас, что мог контролировать наши эмоции в любой ситуации», – рассказывал вратарь В. Баия, с которым Ж. Моуринью выиграл Кубок УЕФА и Лигу чемпионов. Тренер индуцировал волевые качества своих футболистов (настойчивость, упорство и целеустремленность), воздействовал на их мотивацию, что также очень важно. Чем больше человек мотивирован, тем сильнее сформирована его система саморегуляции, тем лучше она компенсирует нежелательные особенности личности, темперамента и характера, мешающие достижению цели.

Для формирования и развития волевых качеств в спортивной школе должны быть созданы определенные условия и выстроена правильная система подготовки. В качестве примера рассмотрим деятельность одной из лучших в России футбольной академии клуба «Краснодар» (возрастной диапазон воспитанников – 12–14 лет). Программа школы носит название «Культура футбола», ее основные направления – развитие культуры игры, поведения и жизни, творческих способностей и креативности. Для юных футболистов созданы беспрецедентные условия проживания, обучения и тренировочного процесса: с 13 лет они живут в спортивном интернате, чтобы больше времени уделять футболу, и привыкают к самостоятельной жизни. Более того, с юными спортсменами внимательно работают не только тренеры, но и преподаватели, которые стараются развивать в каждом игроке индивидуальные когнитивные качества,

чтобы он мог реализовать свой потенциал даже за пределами футбольного поля.

По аналогии в тренировочный процесс спортивной школы олимпийского резерва «Химки» (СШОР «Химки») нами внедрена технология «Юные Химки». За неимением в Химках соответствующей инфраструктуры и большого штата сотрудников, как в Краснодаре, достигнуты договоренности с МБОУ СОШ № 30 городского округа Химки о формировании спортивного класса, в котором будут учиться футболисты, играющие за команду 2010 г. рождения. Таким образом решается проблема с отсутствием интерната. Соответствующий штат формируется из сотрудников похожей квалификации: главный тренер будет совмещать функционал тренера по физической подготовке и осуществлять общий контроль и управление всей командой; позицию тренера-аналитика займет оператор, который обучается на тренерском факультете в университете и проходит практику в академии. Осуществляет помощь в формировании волевых качеств в спортивном классе педагог-психолог МБОУ СОШ № 30.

Начальный период предполагает вовлечение школьников в процесс обучения в школе футбола. Это период, когда обучающиеся определились с видом спорта и только начинают приступать к физическим нагрузкам. В процессе столкновения с серьезными физическими испытаниями у юных спортсменов начинают формироваться волевые качества личности. Незначительная часть футболистов «отсеивается», и тренерский штаб понимает, на кого можно рассчитывать в формировании команды, которая будет выпускаться из академии. Реализация предлагаемой технологии базируется на интеграции деятельностного, личностного и индивидуального подходов.

Личностный подход в организации процесса развития волевых качеств личности футболистов основывается на том, что движущей силой данного процесса является расхождение между требованиями, растущими с каждым годом обучения, и реальным наличием этих качеств у юных спортсменов. Это противоречие становится началом прогресса, если выдвигаемые требования соответствуют возможностям футболистов или немного превышают их. В противном случае требования будут чрезмерно трудными или недостаточными, т. е. не будут находиться в зоне их ближайшего развития. Данное противоречие не послужит позитивному развитию качеств. Следовательно, задача тренерско-преподавательского состава состоит в том, чтобы изучить особенности личности юного спортсмена и научиться планировать ближайшие перспективы развития волевых качеств личности.

Деятельностный подход в ходе развития волевых качеств личности применяется для того, чтобы вызвать у юных футболистов желание и стремление играть в футбол и достигать определенных успехов. При помощи приемов и средств организации игровой деятельности у юных футболистов усиливается интерес к футболу, в результате чего они начинают совершать действия, которые способствуют проявлению необходимых волевых качеств.

Индивидуальный подход предусматривает учет индивидуальных особенностей воспитуемых как на индивидуальном уровне (темперамент, способности, задатки), так и на личностном (интересы, уровень притязаний). Суть индивидуального подхода в развитии волевой сферы личности заключается в гибком использовании педагогом различных форм и методов воспитания с целью достижения оптимальных результатов по отношению к каждому воспитаннику. Индивидуальный подход применяется для выявления, поощрения, коррекции тех или иных особенностей, поведения и свойств воспитанника. Примерами индивидуального подхода можно считать выбор позиции на футбольном поле, соответствующей возможностям и сильным сторонам младшего школьника; создание тренировочного плана, способствующего развитию свойств и качеств, которые помогут в прогрессе на своей позиции; проведение теоретических занятий с разбором ошибок и показательным просмотром матчей с участием лучших футболистов мира, чтобы повысить мотивацию спортсменов; беседа педагога с воспитуемым.

Методы и материалы

Экспериментальная работа осуществлялась на базе футбольного клуба «Химки». В исследовании, включающем констатирующий и формирующий этапы, участвовали 50 учащихся третьих классов МБОУ СОШ № 30 городского округа Химки в возрасте 9–10 лет. Одну группу составили участники внедренной в футбольную школу программы развития волевых качеств личности «Юные Химки» (25 человек), а вторую – школьники, которые начали заниматься в «Школе журналистики» футбольного клуба «Химки» и играть в шахматы в школьном кружке (25 человек). Исследование проходило с сентября 2018 г. по ноябрь 2019 г.

Последовательность этапов проведения формирующего эксперимента:

- 1) выбор диагностического инструментария;
- 2) проведение первичного замера, направленного на выявление волевых качеств личности школьника;
- 3) разработка и реализация на практике программы психолого-педагогического воздействия, направленной на развитие волевых качеств младших школьников;
- 4) проведение вторичного замера, направленного на выявление сформированных волевых качеств.

На первом этапе исследования мы провели теоретический анализ психологической и педагогической литературы по выбранной проблематике исследовательской работы. Были сформулированы тема, цель исследования, обозначены объект и предмет, сформулированы гипотезы. На основе цели сформулированы задачи исследования, осуществлен выбор методов и методик исследования. На начальном этапе определены база и выборка исследования. На втором этапе нами проведен констатирующий этап эксперимента. Его цель – определить взаимосвязь между показателями используемых методик, найти значимые различия в группах, выяснить общий уровень развития волевых качеств.

Определены контрольная (КГ) и экспериментальная (ЭГ) группы. На третьем этапе исследования ЭГ проходила обучение в СШОР «Химки» по технологии «Юные Химки», которая направлена на развитие волевых качеств юных футболистов. КГ обучалась в МБОУ СОШ № 30 городского округа Химки.

В качестве психодиагностических методов и методик применялись Методика диагностики коммуникативных и организаторских склонностей (КОС-2) [24, с. 263–265], Методика диагностики межличностных отношений (Т. Лири) [25, с. 221–230], «Опросник для оценки упорства» (Е. П. Ильин, Е. К. Фещенко) [26, с. 576], тест-опросник «Исследование волевой саморегуляции» (А. В. Зверьков, Е. В. Эйдман)¹.

В целях формирующего воздействия применялась программа развития волевых качеств футболистов в условиях психолого-педагогического сопровождения, включенная в план внеклассных мероприятий МБОУ СОШ № 30 городского округа Химки. Программа организована на базе футбольного клуба «Химки», который оказал помощь в проведении тренировочного процесса (4 тренировки в неделю). Для обеспечения достоверности результатов использовались математико-статистические методы: описательные статистики, t-критерий Стьюдента для зависимых и независимых выборок, корреляционные матрицы.

Результаты

На начальном этапе исследования выявлено, что у испытуемых существует взаимосвязь между показателями психологических качеств. Для анализа взаимосвязи между шкалами был использован корреляционный анализ. Использовался коэффициент корреляции Пирсона. Значимая обратная корреляция показателей была обнаружена между критериями Коммуникативность и Великодушие ($r=-0,28$; $p=0,04$). При более выраженном проявлении общительности у младших школьников уменьшается желание оказывать поддержку и делиться своими благами.

Значимые прямые взаимосвязи наблюдаются между шкалами Организаторские способности и Волевая регуляция ($r=0,45$; $p=0,04$). При более развитых организаторских качествах у младших школьников формируется навык правильного распределения и использования своих ресурсов и потребностей.

Значимые прямые взаимосвязи выявлены между показателями Волевая регуляция и Настойчивость ($r=0,31$; $p=0,02$). При наличии умения управлять своими желаниями, чтобы преодолевать трудности, развиваются черты характера, помогающие добиваться поставленных целей. Качество Самообладание прямо коррелирует с качествами Упорство ($r=0,34$; $p=0,01$) и Независимость ($r=0,31$; $p=0,02$). Чем лучше младший школьник умеет владеть собой, тем сильнее развита его способность добиваться целей и стремление к самостоятельности.

Выявлена прямая взаимосвязь показателя Властность с показателями Сотрудничество ($r=0,36$; $p=0,01$) и Великодушие ($r=0,31$; $p=0,02$). Люди, отличающиеся стремлением повелевать и распоряжаться, больше склонны к налаживанию контактов для получения определенной выгоды, готовы чаще поступаться своими интересами во имя большей цели. Обратная корреляция присутствует между показателями Властность и Покорность ($r=-0,31$; $p=0,02$). Школьники с высоким уровнем властности не склонны проявлять послушание и исполнительность.

Значимая прямая корреляция показателей обнаружена между показателями Независимость и Агрессивность ($r=0,40$; $p=0,01$), Независимость и Недоверчивость ($r=0,31$; $p=0,01$), Независимость и Великодушие ($r=0,33$; $p=0,02$). Отмечается, что самостоятельные школьники с развитым чувством личной ответственности более агрессивны и скептически. Однако при всем этом школьники, склонные к независимости, чаще готовы помогать другим.

Значимая прямая взаимосвязь присутствует между показателями Сотрудничество и Великодушие ($r=0,32$; $p=0,02$). Школьники, которые склонны работать сообща, умеют жертвовать своими интересами ради других.

По итогам сравнительного анализа ЭГ и КГ до эксперимента было выявлено отсутствие значимых различий по изучаемым параметрам, что позволяет констатировать репрезентативность выборки (табл. 1). Показатели формирующего эксперимента для ЭГ на начальном и заключительном этапах эксперимента приведены в табл. 2, они указаны по шкалам, имеющим статистически достоверные отличия значений сравниваемых параметров при уровне статистической значимости $p \leq 0,05$.

По результатам статистического анализа выявлены значимые различия между значениями параметра Волевая саморегуляция на констатирующем и контрольном этапах. В результате формирующего воздействия произошло развитие способности регулировать свое состояние и адекватно реагировать на внешние воздействия.

Значимые различия отмечены по параметру Упорство, что свидетельствует о позитивных изменениях в характеристиках волевой сферы участников тренировочного процесса. Также значимые различия между данными на констатирующем и контрольном этапах эксперимента наблюдаются в группе футболистов по параметру Настойчивость. По показателю Властность наблюдается значительная разница. Значимые различия по показателю Самообладание указывают на развитие умения личности сохранять внутреннее спокойствие в сложные моменты: во время тренировочного процесса футболисты часто сталкиваются со стрессом и склонны выходить из состояния психического равновесия, однако правила игры позволяют регулировать чрезмерную агрессию на поле. Чтобы не быть удаленными с поля и «не перегибать палку», футболисты должны держать себя в руках.

¹ Тест-опросник А. В. Зверькова и Е. В. Эйдмана «Исследование волевой саморегуляции» // Psylist.net. Режим доступа: <https://psylist.net/praktikum/00417.htm> (дата обращения: 13.11.2020).

Табл. 1. Средние значения показателей волевых качеств в КГ и ЭГ на начальном этапе

Tab. 1. Mean values of volitional qualities indicators in the control and experimental groups at the initial stage

Шкала	ЭГ	КГ	t	p
Коммуникативность	0,56	0,55	-0,32	0,74
Организаторские способности	0,55	0,55	-0,01	0,98
Волевая саморегуляция	16,3	15,7	-0,99	0,32
Настойчивость	9,8	9,7	0,12	0,90
Самообладание	8,24	8,12	0,20	0,84
Упорство	8,9	8,64	0,55	0,58
Властность	6,16	6,2	-0,06	0,95
Независимость	6,16	6,72	-0,89	0,37
Агрессивность	5,64	5,56	0,14	0,88
Недоверчивость	2,8	2,92	-0,25	0,79
Покорность	2,16	2,2	-0,10	0,91
Зависимость	4,24	3,84	0,77	0,44
Сотрудничество	6,04	5,84	0,35	0,72
Великодушие	6,52	6,8	-0,35	0,72

Табл. 2. Средние значения показателей в ЭГ на начальном (НЭ) и заключительном (ЗЭ) этапах эксперимента

Tab. 2. Mean values of indicators in the experimental group at the initial and final stages of the experiment

Шкала	НЭ	ЗЭ	t	p
Волевая саморегуляция	16,3	18,1	-3,28	0,002
Настойчивость	9,8	10,9	-2,15	0,03
Самообладание	8,24	9,52	-2,68	0,01
Упорство	8,96	11,1	-3,42	0,001
Властность	6,16	7,76	-2,18	0,03

Рассмотрим результаты сравнительного анализа показателей ЭГ и КГ на заключительном этапе эксперимента по шкалам, имеющим статистически достоверные отличия значений сравниваемых параметров при уровне статистической значимости $p \leq 0,05$ (табл. 3).

Табл. 3. Средние значения показателей в ЭГ и КГ на заключительном этапе эксперимента

Tab. 3. Mean values of indicators in the experimental and control groups at the final stage of the experiment

Шкала	ЭГ	КГ	t	p
Волевая саморегуляция	18,1	15,8	-4,29	<0,001
Настойчивость	10,9	9,2	3,06	0,004
Самообладание	9,52	8	-3,48	0,001
Упорство	11,1	8,16	-4,6	<0,001
Властность	7,76	6,24	-2,20	0,03
Недоверчивость	3,08	4,8	-3,25	0,002

Наиболее выраженные различия между показателями ЭГ и КГ наблюдаются по показателям Волевая саморегуляция, Настойчивость, Самообладание, Упорство и Властность. Рост показателей отмечается в ЭГ, участники которой были задействованы в тренировочном процессе.

Обратные значения среди показателей наблюдаются только по шкале Недоверчивость ($t = -3,25$; $p = 0,002$). Среднее значение в КГ больше среднего значения ЭГ ($4,8 > 3,08$). Объясним это тем, что школьники, которые занимались умственной деятельностью во время проведения эксперимента, привыкли анализировать ситуацию и стали склонны к сомнениям в правдивости намерений других людей, например оппонентов по шахматам. Футболисты же, которые выступают в коллективном виде спорта, должны больше доверять друг другу и быть уверены в своих партнерах по команде.

Анализ полученных результатов позволяет утверждать, что у школьников, прошедших обучение в СШОР «Химки», произошли статистически значимые изменения по волевым качествам саморегуляции, настойчивости, самообладания, упорства и властности. По итогам психолого-педагогического воздействия в ходе реализации тренировочной деятельности футболистов у участников позитивно изменился показатель Самообладание, что может быть связано с желанием футболистов соблюдать правила игры. Отмечается, что занятия спортом в коллективе способствуют общению и положительно влияют на улучшение взаимопонимания между школьниками, т. к. для достижения общей спортивной цели школьники должны общаться друг с другом и уметь быстро понимать партнеров по команде.

Заключение

Мы считаем возможным констатировать, что содержательные характеристики волевых качеств младших школьников могут быть позитивно трансформированы в специально организованных условиях.

Воля – часть сознания, поэтому она не является врожденным качеством, а формируется и развивается в процессе становления личности. Волевые качества играют ключевую роль для достижения личностью успехов в своей области развития. При рассмотрении особенностей возрастной группы младших школьников нами были приведены факты того, что поступление в школу и обучение в младших классах вносят существенные изменения в жизнь ребенка и существенно влияют на дальнейшее развитие личности и адаптацию к взрослой жизни. На улучшение волевых качеств школьника положительное воздействие оказывает спорт. Если это командный вид спорта, то ребенок учится не только быть физически сильным, но когнитивно устойчивым, коммуникабельным и разносторонним.

Развитие волевых качеств осуществляется в условиях специально организованного воздействия с учетом возрастнo-психологических особенностей обучающихся начальной школы.

Литература

1. Глазунов Ю. Т., Сидоров К. Р. О волевых качествах человека и основаниях их выделения // Вестн. Удм. ун-та. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 26. № 2. С. 64–72.
2. Иванников В. А. Воля // Национальный психологический журнал. 2010. № 1. С. 97–102.
3. Аникеева Н. В. Значение волевых качеств личности в профессиональном становлении // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 5. С. 242–245.
4. Монроз А. В. Индивидуально-типологические особенности структуры волевых качеств на ранних этапах становления волевой саморегуляции // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2015. № 2. С. 63–76.
5. Батыршина А. Р. Основные подходы в исследовании психологии воли и волевой регуляции // Вестник УРАО. 2016. № 3. С. 83–93.
6. Анисимова Ю. Н., Каменева Г. Н., Прыгин Г. С. Психологические особенности волевых качеств у спортсменов командных и индивидуальных видов спорта // Вестник Самарского государственного технического университета. Сер. Психолого-педагогические науки. 2018. № 4. С. 44–54.
7. Москвин В. А., Москвина Н. В., Шумова Н. С. Волевая регуляция и мотивация у футболистов 15–17 лет // Известия Тульского государственного университета. Физическая культура. Спорт. 2014. № 3. С. 125–132.
8. Таран И. И., Поповская М. Н., Кондратьева А. А. Сравнительный анализ взаимосвязей спортивной мотивации с волевыми качествами спортигровиков // Известия Тульского государственного университета. Физическая культура. Спорт. 2018. № 2. С. 150–154.
9. Голубева Г. Ф., Фещенко Е. М., Бичерова Е. Н. Психологические особенности волевой регуляции юношей в спортивных единоборствах // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. 2018. № 2. С. 319–324.
10. Гаранина Ж. Г., Чернущ Д. А. Особенности эмоционально-волевых качеств спортсменов // Огарёв-Online. 2018. № 16. Режим доступа: <http://journal.mrsu.ru/arts/osobennosti-emocionalno-volevyyh-kachestv-sportsmenov> (дата обращения: 03.12.2020).
11. Викторова В. В. Младший школьный возраст как период нравственного становления личности // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 5. С. 202–205.
12. Благинин А. А., Свешникова Е. М. Особенности формирования волевых качеств младших школьников различных систем обучения // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. Серия: Психология. 2009. № 4. С. 35–42.
13. Витушкина Э. В., Кружилина Т. В. Особенности формирования самооценки младших школьников как основы достижения личностного результата образования // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2014. № 1. С. 72–83.
14. Кулагина А. А. Стимулирование потребности в нравственно-волевом самосовершенствовании у учащихся начальных классов: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2000. 22 с.
15. Свешникова Е. М. Влияние волевых качеств младшего школьника на успешность учебной деятельности // Психология обучения. 2009. № 5. С. 33–40.
16. Жесткова Н. А. Развитие мотивационно-волевой сферы младших школьников в процессе обучения // Символ науки. 2016. № 6-2. С. 254–257.
17. Каргин Н. Н., Варламова В. Е. Характеристика понятия воля в структуре спортивно-педагогической деятельности // Наука-2020. 2019. № 5. С. 120–124.
18. Шляпников В. Н., Хрулева Ю. Н. Особенности волевой регуляции у спортсменов-юниоров // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 2. С. 132–140.
19. Щепотин Д. В. Аспекты военно-патриотического воспитания детей в секции каратэ на основе морально-волевой подготовки // Евразийский Союз Ученых. 2015. № 6-3. С. 170–171.
20. Максачук Е. П. Дисциплинированность юных спортсменов как основа формирования морально-волевых качеств // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. 2014. № 8. С. 121–124. DOI: 10.5930/issn.1994-4683.2014.08.114.p121-124
21. Фомина Н. А., Голубева В. А. Особенности и психологическая структура настойчивости спортсменов подросткового возраста // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2012. № 2. С. 71–76.
22. Рубахин Е. Е. Развитие волевых качеств у спортсменов на начальном этапе спортивной подготовки // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2011. № 18. С. 30–34.
23. Иванов А. А., Петров А. И. Основы волевой подготовки студентов-футболистов // Наука и общество в эпоху перемен. 2017. № 1. С. 28–30.
24. Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Изд-во Ин-та психотерапии, 2002. 448 с.
25. Пугачев В. П. Тесты, деловые игры, тренинги в управлении персоналом. М.: Аспект-пресс, 2003. 284 с.
26. Ильин Е. П. Психология индивидуальных различий. СПб.: Питер, 2011. 700 с.

Developing Volitional Qualities in Young Football Players during Training

Veronika P. Dzvoni^{a, @}; Georgy I. Mukhanov^a

^a Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

@ veronika_dzvoni@mail.ru

Received 03.12.2020. Accepted 24.12.2020.

Abstract: The present research featured the possibilities of using the training process to develop volitional character qualities in young football players in a sports school. The article describes the theoretical ideas about volitional qualities as an object of psychological and pedagogical research, as well as various types of activity where these qualities can be realized. The authors focus on the development of volitional qualities in primary school children involved in sports vs. their peers. They believe that sport brings about positive changes in the parameters of the volitional sphere of the primary school students, e.g. discipline, sense of purpose, etc. The research experimentally proved the effectiveness of football for the development of volitional qualities in primary school children. The research results can improve the process of developing various volitional qualities in pupils during extracurricular activities. The paper also introduces a program of psychological and pedagogical support, which develops volitional qualities in young football players.

Keywords: primary school students, sports activities, football, organization of additional education, personality development

For citation: Dzvoni V. P., Mukhanov G. I. Developing Volitional Qualities in Young Football Players during Training. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2020, 4(4): 297–305. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-4-297-305>

References

1. Glazunov Yu. T., Sidorov K. R. On the volitional qualities of a person and grounds for their differentiation. *Vestn. Udm. un-ta. Ser. Filosofii. Psikhologii. Pedagogika*, 2016, 26(2): 64–72. (In Russ.)
2. Ivannikov V. A. Will. *National Psychological Journal*, 2010, (1): 97–102. (In Russ.)
3. Anikeeva N. V. The value of strong-willed personality qualities for professional development. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2013, (5): 242–245. (In Russ.)
4. Monroz A. V. Individually-typological features of structure of volitional traits at early stages of formation of volitional self-regulation. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya*, 2015, (2): 63–76. (In Russ.)
5. Batyrshina A. R. The main approaches in the research of will psychology and strong-willed regulation. *Vestnik URAO*, 2016, (3): 83–93. (In Russ.)
6. Anisimova Ju. N., Kameneva G. N., Prygin G. S. Psychological characteristics of strong-willed qualities of athletes of team and individual sports. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Ser. Psikhologo-pedagogicheskiye nauki*, 2018, (4): 44–54. (In Russ.)
7. Moskvina V. A., Moskvina N. V., Shumova N. S. Strong-willed regulation and motivation the players of 15–17 years. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Fizicheskaya kul'tura. Sport*, 2014, (3): 125–132. (In Russ.)
8. Taran I. I., Popovskaya M. N., Kondratyeva A. A. Comparative analysis of interrelations of sports motivation with strong-willed qualities in students of sport games speciality. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Fizicheskaya kul'tura. Sport*, 2018, (2): 150–154. (In Russ.)
9. Golubeva G. F., Feshchenko E. M., Bicherova E. N. Psychological features of volitional regulation of the young men in combat sports. *Uchenye zapiski universiteta im. P. F. Lesgafta*, 2018, (2): 319–324. (In Russ.)
10. Garanina Zh. G., Chernus D. A. The features of emotional sphere and volition of athletes. *Ogarev-Online*, 2018, (16). Available at: <http://journal.mrsu.ru/arts/osobennosti-emocionalno-volevyx-kachestv-sportsmenov> (accessed 03.12.2020). (In Russ.)
11. Viktorova V. V. Younger school age as period of moral formation of the personality. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, 2013, (5): 202–205. (In Russ.)
12. Blaginina A. A., Sveshnikova E. M. Features of the formation of volitional qualities of younger schoolchildren of various learning systems. *Vestnik LGU im. A. S. Pushkina. Seriya: Psikhologiya*, 2009, (4): 35–42. (In Russ.)
13. Vitushkina E. V., Kruzhilina T. V. Characteristics of building students' self-esteem at primary school as the basis for achieving personal academic success. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2014, (1): 72–83. (In Russ.)
14. Kulagina A. A. *Stimulating the need for moral and volitional self-improvement in primary school students*. Cand. Ped. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2000, 22. (In Russ.)

15. Sveshnikova E. M. Influence of will qualities of an elementary school child on progress in studies. *Psikhologiya obucheniia*, 2009, (5): 33–40. (In Russ.)
16. Zhestkova N. A. Development of the motivational and volitional sphere of primary schoolchildren in the learning process. *Simvol nauki*, 2016, (6-2): 254–257. (In Russ.)
17. Kargin N. N., Varlamova V. E. Characteristic of the concept of will in the structure of sports and pedagogical activity. *Nauka-2020*, 2019, (5): 121–124. (In Russ.)
18. Shlyapnikov V. N., Khrulyova Yu. N. Volitional control in junior athletes. *Psychology. Journal of High School of Economy*, 2012, 9(2): 132–140. (In Russ.)
19. Shchepotin D. V. Aspects of military-patriotic education of children in the karate school on the basis of moral and strong-willed training. *Evrasiiskii Soiuz Uchenykh*, 2015, (6-3): 170–171. (In Russ.)
20. Maksachuk E. P. Discipline state of the young athletes as basis for formation of the moral qualities. *Uchenye zapiski universiteta im. P. F. Lesgafta*, 2014, (8): 121–124. (In Russ.) DOI: 10.5930/issn.1994-4683.2014.08.114.p121-124
21. Fomina N. A., Golubeva V. A. Peculiarities and psychological structure of persistence in teenager sportspeople. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 2012, (2): 71–76. (In Russ.)
22. Rubakhin E. E. Development of volitional qualities in athletes at the initial stage of sports training. *Psikhologiya i pedagogika: metodika i problemy prakticheskogo primeneniia*, 2011, (18): 30–34. (In Russ.)
23. Ivanov A. A., Petrov A. I. Fundamentals of strong-willed training of student football players. *Nauka i obshchestvo v epokhu peremen*, 2017, (1): 28–30. (In Russ.)
24. Fetiskin N. P., Kozlov V. V., Manuilov G. M. *Social and psychological diagnostics of the development of personality and small groups*. Moscow: Izd-vo In-ta psikhoterapii, 2002, 448. (In Russ.)
25. Pugachev V. P. *Tests, business games, and trainings in personnel management*. Moscow: Aspekt-press, 2003, 284. (In Russ.)
26. Ilin E. P. *Psychology of individual differences*. St. Petersburg: Piter, 2011, 700. (In Russ.)

К проблеме разработки модели формирования навыков волевой саморегуляции обучающихся в учреждениях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей

Ирина Г. Тимофеева^{а, @}

^а Кузбасский региональный центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи «Здоровье и развитие личности», Россия, г. Кемерово

@ timofeeva220805@mail.ru

Поступила в редакцию 19.10.2020. Принята к печати 02.11.2020.

Аннотация: Статья посвящена вопросу разработки модели формирования навыков волевой саморегуляции обучающихся в учреждениях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Предметом являются компоненты модели формирования навыков волевой саморегуляции воспитанников детских домов. Цель – выявить и охарактеризовать компоненты модели формирования навыков волевой саморегуляции детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Представлены суждения исследователей относительно сущности процесса саморегуляции. Приведены данные о специфике развития саморегуляции в подростковом возрасте. Установлено, что на современном этапе усовершенствования процесса образования проблема формирования умений произвольно регулировать свои действия и поступки у детей-сирот является недостаточно разработанной. Теоретически обосновано, что формирование навыков волевой саморегуляции воспитанников детских домов осуществляется в условиях среды их воспитания, проживания и обучения. На основе теоретического анализа предложено понятие *формирование навыков волевой саморегуляции воспитанников учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей*, которое рассматривается нами как непрерывное, целенаправленное и управляемое взаимодействие педагогов и обучающихся, ориентированное на формирование у подростков системы знаний и представлений о произвольной регуляции собственной деятельности, допустимых и приемлемых способах реагирования и автоматизированных приемах управления своим состоянием в различных ситуациях жизнедеятельности. Определены и охарактеризованы критерии и показатели сформированности навыков волевой саморегуляции детей-сирот и дополнены рекомендации по ее оценке. Представлен комплекс организационно-педагогических условий в структуре модели формирования навыков волевой саморегуляции воспитанников детских домов.

Ключевые слова: сформированность навыков волевой саморегуляции, критерии уровня сформированности, показатели уровня сформированности, блоки модели процесса формирования навыков, подростковый возраст

Для цитирования: Тимофеева И. Г. К проблеме разработки модели формирования навыков волевой саморегуляции обучающихся в учреждениях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2020. Т. 4. № 4. С. 306–314. DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-4-306-314>

Введение

Интерес исследователей к проблеме обеспечения условий для становления самоорганизующейся и саморазвивающейся личности имеет непреходящее значение. На протяжении ряда лет ведутся дискуссии о том, как способствовать развитию волевых качеств личности, не нарушая при этом естественные процессы становления психики и самосознания ребенка. Воспитание волевых качеств и формирование навыков произвольной саморегуляции выступает важнейшей детерминантой становления личности, осознанно и целенаправленно осуществляющей свой жизненный путь. Важность выявления, теоретического обоснования и экспериментальной проверки организационно-педагогических условий, обеспечивающих результативность данного процесса, определяет исследовательскую ценность и научную новизну изучения закономерностей становления и развития волевой сферы личности подростков, оказавшихся в специфических условиях социализации.

В процессе осуществления теоретического анализа заявленной проблемы, мы обращаемся к мнению С. Л. Рубинштейна, который определяет волю как направленное на осуществление сознательно поставленной цели действие, выполненное в отношении способа его регуляции [1, с. 588]. Согласно С. Л. Рубинштейну, волевой процесс имеет две разновидности, классифицированные по критерию сложности. Простой волевой акт осуществляется посредством перехода побуждения в действие. Сложный волевой акт имеет процесс осознания между побуждением и непосредственно действием [1, с. 594].

В связи с этим выделяется 4 стадии или фазы сложного волевого акта. Первая стадия – возникновение побуждения и предварительная постановка цели. Далее наступает этап принятия решения. Решение наступает само, и решение возможно только одно. У людей, подверженных импульсивному поведению, главенствующую роль в принятии решения могут оказывать обстоятельства. При этом нерешительные

люди чаще всего намеренно оттягивают решение, т. к. надеются, что изменение ситуации само даст желанный результат без их участия. Заключительная фаза представляет собой исполнение задуманного. Исполнение решения требует изменения действительности. Желания человека не могут быть исполнены самостоятельно, без участия самого человека. Часто при их осуществлении возникают реальные препятствия, требующие реального преодоления. Наличие препятствий порождает необходимость составления плана действий. Таким образом, осуществление конечной цели разделяется на несколько этапов или шагов. Следовательно, полагается ряд подчиненных целей.

Можно сделать вывод: для того чтобы решение трансформировалось в действие, человеку никак не обойтись без сознательного волевого усилия. Волевым усилием называется форма эмоционального стресса, который мобилизует внутренние ресурсы человека и создает дополнительные мотивы к действию по достижению поставленной цели.

Мы согласны с мнением О. А. Жидковой, которая подчеркивает значение саморегуляции, обеспечивающей формирование психической устойчивости и самоуправления личности [2, с. 32]. Г. С. Никифоров и С. М. Шингаев определяют психическую саморегуляцию как результат сознательного воздействия человека на его собственные психические свойства, процессы и состояния, а также на деятельность и поведение с целью обеспечения осуществления и функционирования [3, с. 92].

Анализируя теоретические основания изучения проблемы саморегуляции в аспекте учебной деятельности, Ю. Н. Петров и Н. С. Петрова убедительно доказывают, что личность в качестве субъекта деятельности обнаруживает способность к саморегуляции в процессе выполнения любой деятельности [4, с. 111].

Описывая процессуальный характер саморегуляции, Н. Р. Салихова предлагает включать регуляторные процессы в качестве частного случая самоорганизации человеческого бытия [5, с. 277]. По мнению И. С. Морозовой и Е. А. Пронина, саморегуляция представляет собой процесс самокоррекции и проявляется в случаях необходимости изменять не внешние обстоятельства, а свои внутренние параметры, диспозиции, ценности [6, с. 43].

Изучая особенности взаимосвязи саморегуляции и временной перспективы, К. Н. Белогай и др. отмечают, что развитие у обучающихся потребности анализировать свою деятельность, являющуюся признаком осознанной саморегуляции, обеспечивает процесс позитивных личностных изменений в условиях обучения [7, с. 61].

Взаимосвязь параметров саморегуляции и когнитивно-стилевой организации личности подробно описывается в работах Д. Н. Гриненко [8; 9] и И. С. Морозовой [8]. Авторы убедительно доказывают, что проявление осознанной саморегуляции взаимосвязано с преобладающим параметром когнитивного стиля студентов колледжа [8, с. 152].

В педагогических исследованиях аспекты саморегуляции рассматривались в фокусе сформированности навыков самовоспитания и самоконтроля. В. А. Галкина справедливо

указывает на то, что самоконтроль необходимо рассматривать в качестве регулятивного учебного действия, значение которого определяется востребованностью в процессе осуществления учебной деятельности ученика и адаптации его в социуме [10]. А. С. Лында отмечает, что самоконтроль может выполнять функцию самостимулирования деятельности учащихся, обеспечивая обратную связь как совокупность информации об учебных и социальных достижениях обучающихся и тех недостатках, которые были выявлены в результате самоанализа [11]. По мнению Е. В. Сергеевой, самоконтроль является механизмом перевода внешних условий (интрапсихических характеристик), презентуемых педагогом, во внутренние (интерпсихические характеристики), осознаваемые самим обучающимся [12]. Следует согласиться с мнением Д. Н. Боровской, которая аргументированно доказывает, что овладение способами самоконтроля не только активизирует процесс учения школьника, но и расширяет возможности усвоения, что в свою очередь обеспечивает становление качественно новых форм активности [13, с. 4].

Сопоставляя точки зрения исследователей, мы приходим к заключению, что феномен саморегуляции следует рассматривать в качестве логического результата онтогенеза психики человека, возникновения и развития которого является детерминантой дальнейшего самоосуществления на различных этапах жизненного пути личности. Реперной точкой для данного процесса выступает подростковый возраст [14]. Именно на этапе подростничества формирующаяся личность должна обрести такие личностные черты, как интернальность и самостоятельность, умения ставить цели и достигать их, использовать свои ресурсы для достижения поставленных целей.

Сенситивным для формирования волевой саморегуляции является подростковый возраст, обеспечивающий ребенку богатство ситуаций, требующих своего разрешения. Именно в подростковом возрасте эффективнее всего использовать методы и приемы саморегуляции, что в конечном итоге будет способствовать достижению большей успешности в практической деятельности, которая связана с преодолением трудностей, с высоким уровнем произвольности.

По мнению Е. А. Черкевич, саморегуляцию психических состояний подростка следует рассматривать как процесс сознательного воздействия на самого себя с целью осознанного изменения, преобразования и трансформации собственных психических состояний с учетом целевых ориентиров [15].

В исследовании С. А. Корнеевой и А. В. Локтевой показано, что недостаточный уровень сформированности саморегуляции детерминирует возникновение трудностей социально-психологической адаптации [16, с. 161].

Следует согласиться с мнением С. И. Поповой, которая подчеркивает, что для развития способности подростка к саморегуляции в образовательном процессе следует организовывать процесс сопровождения позитивных и купирования негативных психических состояний школьника в различных видах жизнедеятельности [17, с. 100].

Особое значение на современном этапе развития общества имеет проблема формирования волевой саморегуляции у детей, оказавшихся в сложной жизненной ситуации. Процесс формирования навыков волевой саморегуляции воспитанников детских домов имеет характерные особенности. Это связано со специфическими условиями жизни и воспитания данной группы подростков [18].

В контексте развития личности, подвергавшейся депривации, И. В. Ярославцева вводит термин *иррегулярное развитие*. Иррегулярность развития – это незрелость субъективного развития и психофизиологической деятельности организма, которая возникает в условиях сенсорного, эмоционального, информационного дефицита, недостатка тактильных и социальных контактов [19, с. 138]. Дети, оставшиеся без попечения родителей, отличаются от сверстников, воспитывающихся в благополучной семье. Дети-сироты развиваются медленнее, обладают рядом особенностей, проявляющихся на всех возрастных этапах с разной степенью интенсивности. Недостаточный уровень психического, интеллектуального и физического развития является следствием влияния на ребенка различных факторов, особенно материнской депривации, что может проявляться в деформациях или задержках психического развития. И. В. Ярославцева пишет о парциальной психической депривации, свойственной воспитанникам детского дома и проявляющейся в различных жизненных ситуациях [20, с. 37].

Дети, лишенные попечения родителей, испытывают не только материнскую, эмоциональную, но и социальную депривацию, т. к. ребенок подвергался разобщению с внешним миром. Депривация негативно влияет на интеллектуальные способности ребенка. Так, анализ психофизиологических изысканий выявил, что для развития интеллекта необходима внешняя интенсивная стимуляция. Важнейшей стимуляцией в раннем детстве является эмоциональная. В своей работе Е. И. Николаева рассматривала пример зарубежных коллег, где группа детей с умственной отсталостью, оставшихся без попечения родителей, была передана на воспитание умственно отсталым женщинам, а часть детей из этой категории остались в приюте. В результате дети, воспитывающиеся в семьях, начали меняться – их интеллектуальные способности значительно улучшились. Дети из приюта остались на прежнем уровне интеллектуального развития. Отсюда вывод Е. И. Николаевой: условия, которые созданы в детских домах и приютах, не способствуют развитию детей, т. к. такая специфическая среда не способна удовлетворить сенсорный голод [21, с. 99].

Ж. Ю. Брук и Г. В. Кухтерина приводят данные о том, что особенности волевой сферы подростков, оставшихся без попечения родителей, по сравнению с их сверстниками проявляются в наличии статистически значимо более низких показателей волевых качеств. По мнению авторов, это связано с тем, что условия воспитания вне семьи выступают дестабилизирующим фактором развития способности ребенка осознанно регулировать свои действия и поступки [22, с. 418].

Мы делаем вывод, что воспитание в детском доме на сегодняшний день не способствует успешной социализации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Одним из способов формирования навыков волевой саморегуляции детей-сирот является реализация в учебно-воспитательном процессе детского дома индивидуального подхода к воспитанию подростков с различным исходным уровнем способностей и интересов, предоставление возможности для их самоопределения и самоутверждения, способствующей мотивации к дальнейшему гармоничному развитию личности.

Модель процесса формирования навыков волевой саморегуляции воспитанников детских домов

Используя методы теоретического анализа, рассмотрим элементы изучаемого феномена. Реализация индивидуального подхода возможна в процессе построения педагогической модели изучаемого процесса. По мнению Е. В. Яковлева и Н. О. Яковлевой, применение моделирования способствует формированию целостного представления об изучаемом явлении, обеспечивает возможности трансляции полученных данных [23, с. 139]. З. В. Крецан и Е. В. Морозов интерпретируют данное понятие как метод опосредованного познания с помощью различных систем, обеспечивающих процесс замещения исследуемого объекта и систематизации новых сведений о нем [24, с. 318].

По нашему мнению, должна быть создана модель процесса формирования навыков волевой саморегуляции воспитанников детских домов в модернизированной учебно-воспитательной системе детского дома, которая будет представлена четырьмя взаимосвязанными блоками:

- целевой блок включает цель и задачи диверсификации воспитательной системы детского дома;
- структурно-содержательный раскрывает процессы формирования умений и навыков произвольной регуляции воспитанников;
- организационный описывает формы деятельности, этапы реализации процесса формирования волевых качеств и способов саморегуляции обучающихся и педагогические условия, наличие которых будет способствовать оптимизации данного процесса;
- результативный включает критериально-оценочный аппарат эффективности функционирования данной системы.

На каждом этапе предусмотрено последовательное решение поставленных целей, задач, методов и средств организации процесса формирования.

Целевой блок определяет цель, взаимосвязь и детализирует все компоненты модели. Целью является выявление, теоретические обоснования и экспериментальная проверка организационно-педагогических условий формирования навыков волевой саморегуляции обучающихся в учреждениях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. В данном блоке детализуются все компоненты модели, осуществляется постановка основных задач, которые в дальнейшем будут реализовываться на следующих этапах.

В целевом блоке формируются задачи, которые будут реализовываться в дальнейшем согласно составленной модели:

- проведение диагностических мероприятий для первичной оценки проявления навыков волевой саморегуляции у подростков;
- проведение оценки готовности педагогов к обеспечению процесса развития эмоционально-волевой сферы личности подростков;
- проведение работы по обогащению опыта педагогов по вопросам организации развития произвольной регуляции подростков на семинарах, семинарах-практикумах;
- обеспечение организации сетевого взаимодействия организаций общего и дополнительного образования, способствующего оптимизации процесса развития эмоционально-волевой сферы воспитанников и обогащающего опыт произвольной регуляции подростками своего собственного поведения;
- вовлечение воспитанников детских домов в общественно полезную деятельность с учетом индивидуально-психологических особенностей развития волевых качеств личности.

Структурно-содержательный блок модели раскрывает методологические основы формирования навыков волевой саморегуляции обучающихся в учреждениях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Он опирается на комплекс методических подходов, обеспечивающих достижение заданной цели, и на дидактические принципы формирования произвольности и волевого поведения подростков. Исходными методологическими положениями, концептуально обеспечивающими формирование навыков волевой саморегуляции воспитанников детских домов, являются системно-деятельностный и личностно-ориентированный подходы.

На наш взгляд, к общим принципам формирования навыков волевой саморегуляции обучающихся в учреждениях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, следует отнести следующие: принцип самореализации; принцип индивидуальности; принцип субъектности; принцип выбора; принцип творчества и успеха; принцип доверия и поддержки.

Методологический подход в образовании и педагогике рассматривается как система принципов и методов изучения проектирования и организации образовательного процесса, которая складывается на основе системы знаний о закономерностях взаимодействия элементов образовательного процесса.

Идея интеграции системного и деятельностного подходов является заслугой в основном отечественных ученых и возникла в первую очередь в работах философов марксистской школы и психологов. Востребованность системно-деятельностного подхода связана с разработкой и реализацией федеральных государственных образовательных стандартов.

В процессе исследования планируется проведение трех диагностирующих срезов:

- 1 срез позволит выявить начальный уровень сформированности навыков волевой саморегуляции подростков-воспитанников детских домов и наметить пути и способы работы с обучающимися;
- 2 (промежуточный) срез позволит внести коррективы в работу;
- 3 срез позволит оценить динамику сформированности навыков саморегуляции воспитанников в модернизированной воспитательной системе детского дома, определить динамику изучаемых феноменов.

Личностно-ориентированный подход представляет собой методологическую ориентацию в психолого-педагогической деятельности, которая помогает обеспечению и поддержанию процесса самопознания, самостроительства и самореализации личности ребенка, формирование его индивидуальности. Содержательными аспектами применения подхода является субъектный опыт обучающегося, его анализ и самоанализ, актуализация и самоактуализация, обогащение и саморазвитие.

Все приведенные подходы взаимосвязаны между собой и взаимодополняют друг друга, выступая методологической основой формирования навыков волевой саморегуляции обучающихся в учреждениях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Содержание, методы и приемы технологии личностно-ориентированного обучения направлены, прежде всего, на то, чтобы раскрыть и использовать субъективный опыт каждого ученика, помочь становлению личности путем организации познавательной деятельности. Принципиальным является то, что педагоги образовательного учреждения не заставляют ребенка учиться, а создают условия для грамотного выбора каждым содержания изучаемого предмета и темпов его освоения.

Для реализации личностно-ориентированного подхода главным условием становится создание личностно-утверждающей, или личностно-ориентированной, ситуации – учебной, познавательной, жизненной. Личный опыт обучающегося выступает одним из главных компонентов для создания личностно-ориентированного подхода. Другими словами, главным фактором для реализации данного подхода является ориентация на субъектный опыт обучающегося с целью самостоятельной выработки им способа учебной работы, необходимого для реализации опыта познания, и дальнейшего развития.

Организационно-технологический блок включает совокупность условий, реализация которых будет способствовать повышению результативности процесса формирования навыков волевой саморегуляции обучающихся в модернизированной воспитательной системе детского дома:

1. Готовность педагогов образовательных организаций к обеспечению процесса формирования навыков волевой саморегуляции воспитанников.
2. Организация сетевого взаимодействия организаций общего и дополнительного образования, обеспечивающего формирование навыков волевой саморегуляции детей-сирот.

3. Вовлечение обучающихся в учреждениях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в общественно полезную деятельность с учетом индивидуально-психологических особенностей развития волевых качеств личности.

Организационно-технологический блок включает средства, методы и формы развития волевой сферы личности воспитанников в модернизированной воспитательной системе детского дома для достижения заданной цели исследования.

Эффективность процесса формирования произвольной регуляции обучающихся в модернизированной воспитательной системе детского дома достигается за счет органичного применения различных средств, методов и форм организации взаимодействия с учетом потребностей обучающихся.

При этом используемые компоненты технологического блока модели должны ориентироваться на повышение интереса и активности подростков к усвоению образовательных программ; обеспечивать взаимопроникновение внешне организованной (педагогом) и самоорганизованной (самим обучающимся) деятельности при решении трудных жизненных ситуаций; обогащать деятельность подростков по самоорганизации и саморегуляции посредством освоения процедур самоанализа и оценки собственной деятельности.

По нашему мнению, педагог должен осознавать важность и необходимость деятельности по созданию условий для формирования навыков волевой саморегуляции. Педагогу необходима теоретическая и методическая готовность к проектированию и созданию ситуаций, способствующих развитию волевых качеств личности подростка, наличие которых купирует проявления негативных моделей поведения. Педагог должен иметь отчетливое представление об уровне физических, психофизиологических данных обучающихся, специфике их возрастано-психологических особенностей.

Педагогу важно владеть широким спектром приемов и методов актуализации субъектного опыта учащихся и уметь их применять в зависимости от содержания и способов организации учебного занятия, возрастных и индивидуальных особенностей учащихся, специфики конкретной учебной ситуации, иметь представление о системности и последовательности собственных действий.

Для повышения готовности педагогов и оптимизации процесса формирования навыков волевой саморегуляции обучающихся педагоги учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, были включены в следующие виды деятельности: курсы повышения квалификации по направлению деятельности; участие в конкурсах профессионального мастерства; семинары, вебинары по направлению деятельности; психологические тренинги по формированию навыков конструктивного взаимодействия с обучающимися подросткового возраста.

При организации сетевого взаимодействия образовательных учреждений по обеспечению процесса формирования умений и навыков волевой саморегуляции воспитанников важным условием является включение педагогов учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей,

и учреждений дополнительного образования в следующие виды деятельности: совместные деловые игры с участием педагогов учреждений дополнительного образования детей (тренеров-преподавателей); совместные педагогические советы; спортивные мероприятия (товарищеские матчи, спортивные эстафеты); кейсы; брифинги.

Согласно данным, полученным в наших исследованиях, сетевое взаимодействие выступает важным условием, обеспечивающим комплексный характер воздействия различных социальных институтов на процесс становления и развития личности обучающегося [25, с. 97].

Примером результативности сетевого взаимодействия образовательных организаций и учреждений дополнительного образования следует считать повышение уровня развития психических функций воспитанников. Так, в исследовании М. В. Корепановой описывается значение сетевого партнерства для обеспечения единства педагогических подходов к становлению и развитию индивидуально-психологических особенностей ребенка [26, с. 53].

Создание обогащающей образовательной среды для воспитанников детских домов сопряжено с определенными трудностями, связанными, с одной стороны, с узкой ориентированностью педагогов на выполнение своих профессиональных обязанностей в границах собственной образовательной организации, с другой – слабой заинтересованностью преподавателей учреждений дополнительного образования в работе с детьми со специфическими особенностями развития. Именно совместные усилия взрослых, направленные на мотивирование подростков, обеспечат, на наш взгляд, возможность воспитанникам детских домов получить опыт участия в различных видах деятельности, в том числе и спортивной. Тренировочные занятия, мастер-классы, товарищеские матчи, участие в соревнованиях значительно расширяют пространство ребенка, позволяют повысить самооценку, веру в свои силы и свои возможности.

Также для активизации учебно-познавательной деятельности детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, применяются эффективные методы обучения, которые мотивируют обучающихся к самостоятельному и инициативному освоению учебного материала в процессе познавательной деятельности. Метод проектов позволяет организовать выполнение групповых проектов, что способствует развитию коммуникативных способностей и формированию умений сдерживать и контролировать свои желания. Игровые технологии способствуют вовлечению и удержанию подростков в деятельность по преодолению возникающих трудностей, воздействуя на их психологические особенности. Вовлечение обучающихся в учреждениях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в общественно полезную деятельность обогащает жизненный опыт воспитанников в части осознания собственных возможностей в ситуациях оказания помощи и поддержки другим людям.

Результативный блок позволяет определить уровень сформированности навыков волевой саморегуляции воспитанников детских домов.

Изучение параметров феномена саморегуляции у детей-сирот нами проводилось на основании использования данных диагностических карт, заполняемых педагогами детского дома на каждого воспитанника, характеристик каждого ребенка, данных, полученных по самоотчетам обучающихся и результатам психологической диагностики. Данные показатели отражают степень сформированности изучаемых параметров. Выделим три уровня сформированности навыков волевой саморегуляции воспитанников детских домов.

Низкий уровень сформированности навыков волевой саморегуляции:

- когнитивный критерий – слабое, разрозненное представление о необходимости саморегуляции, отсутствие осознанного отношения к необходимости соблюдения правил поведения, неумение планировать и ставить цели;
- эмоциональный – проявления в поведении выраженных эмоциональных реакций, несформированность действий самоконтроля, частая смена настроения без проявления стремления регулировать свои эмоциональные состояния;
- деятельностный – несформированность умения выполнять задание по установленной инструкции, частичное применение умения действовать по правилам.

Средний уровень сформированности навыков волевой саморегуляции:

- когнитивный критерий – наличие представлений о необходимости саморегуляции, наличие отдельных фактов осознанного отношения к необходимости соблюдения правил поведения, частично сформированное умение планировать и ставить цели;
- эмоциональный – проявления в поведении попыток сознательного контроля собственных эмоциональных реакций, проявления эмоционального сдерживания в психотравмирующих ситуациях, проявление стремления регулировать свои эмоциональные состояния;
- деятельностный – частичная сформированность умения выполнять задание по установленной инструкции, готовность применять умения действовать по правилам.

Высокий уровень сформированности навыков волевой саморегуляции:

- когнитивный критерий – наличие структурированных представлений о необходимости саморегуляции, наличие фактов осознанного отношения к необходимости соблюдения правил поведения, наличие умений и навыков планировать и ставить цели;
- эмоциональный – проявления в поведении результативных попыток сознательного контроля собственных эмоциональных реакций, устойчивое проявление навыков эмоционального сдерживания в психотравмирующих ситуациях, проявление стремления регулировать свои эмоциональные состояния;
- деятельностный – наличие умения выполнять задание по установленной инструкции, готовность применять умения действовать по правилам, умение следовать

социальным нормам поведения и правилам в учебной и внеучебной деятельности, а также во взаимоотношениях со взрослыми и сверстниками, соблюдать правила безопасного поведения в различных ситуациях.

Таким образом, совокупность применения целевого, структурно-содержательного, организационно-технологического и результативного блоков модели способствуют повышению результативности формирования параметров саморегуляции личности подростков – воспитанников детских домов.

Использование результатов нашего исследования позволяет обеспечить процесс формирования навыков волевой саморегуляции обучающихся, способствующих обогащению возможностей адекватно реагировать на психотравмирующие ситуации и выбирать адекватные способы решения возникающих проблем. Разработанная модель обеспечивает повышение уровня сформированности способов регулировать свои действия и поступки у подростков, расширяет вариативность способов самоконтроля.

Заключение

Развитие произвольности определяется в качестве важнейшего результата возрастного психического развития человека именно в период подросткового возраста. Подростковый возраст является сенситивным для формирования волевой активности и саморегуляции. В процессе воспитания и обучения происходит становление и развитие воли на протяжении всего онтогенеза человека. На формирование волевой регуляции в подростковом возрасте имеют влияние многие факторы: возрастают требования к подросткам со стороны взрослых и общества в целом, увеличивается нагрузка по школьным предметам, появляется стремление в будущее. Возрастает необходимость в развитии уровня волевой саморегуляции, чтобы добиваться своих целей как в ученой деятельности, так и в личной жизни, быть адаптированным в обществе и т. п.

Определены и охарактеризованы критерии и показатели сформированности навыков волевой саморегуляции обучающихся в учреждениях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: когнитивный критерий, содержащий знания и представления о необходимости саморегуляции, осознанное отношение к необходимости соблюдения правил поведения, умение планировать и ставить цели; эмоциональный критерий, включающий способность адекватно проявлять в поведении выраженные эмоциональные реакции, сформированность действий самоконтроля, стремление регулировать свои эмоциональные состояния; деятельностный критерий, характеризующийся сформированностью умений выполнять задание по установленной инструкции, действовать по правилам, умение следовать социальным нормам поведения и правилам в учебной и внеучебной деятельности, а также во взаимоотношениях со взрослыми и сверстниками, соблюдать правила безопасного поведения в различных ситуациях.

Содержательно описаны уровневые характеристики сформированности навыков волевой саморегуляции:

- **низкий:** слабое, разрозненное представление о необходимости саморегуляции, отсутствие осознанного отношения к необходимости соблюдения правил поведения, неумение планировать и ставить цели; несформированность действий самоконтроля, частая смена настроения без проявления стремления регулировать свои эмоциональные состояния; несформированность умения выполнять задание по установленной инструкции, по правилам;
- **средний:** наличие представлений о необходимости саморегуляции, наличие отдельных фактов осознанного отношения к необходимости соблюдения правил поведения, частично сформированное умение планировать и ставить цели; проявления в поведении попыток сознательного контроля собственных эмоциональных реакций, частичная сформированность умения выполнять задание по установленной инструкции, готовность применять умения действовать по правилам;
- **высокий:** наличие структурированных представлений о необходимости саморегуляции, наличие фактов осознанного отношения к необходимости соблюдения

правил поведения, наличие умений и навыков планировать и ставить цели; устойчивое проявление навыков эмоционального сдерживания в психотравмирующих ситуациях, проявление стремления регулировать свои эмоциональные состояния; наличие умения выполнять инструкции, правила, умение следовать социальным нормам поведения и правилам в учебной и внеучебной деятельности.

Определена специфика взаимоотношений участников образовательных отношений в условиях детского дома, проявляющаяся в неготовности педагогов к данным условиям работы, наличии эмоционально-личностных деформаций субъектов взаимодействия.

Разработана модель формирования навыков волевой саморегуляции детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Предлагаемая модель в модернизированной учебно-воспитательной системе детского дома имеет как инвариантную характеристику (структуру, элементы, последовательность осуществления этапов), так и вариативную – включающую содержание, формы и методы работы с субъектами образовательных отношений.

Литература

1. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2001. 720 с.
2. Жидкова О. А. Развитие способностей к эмоционально-волевой саморегуляции сотрудников полиции на начальном этапе профессионального обучения // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2020. Т. 25. № 1. С. 32–36. DOI: 10.24411/1999-6241-2020-11005
3. Никифоров Г. С., Шингаев С. М. Виды психической саморегуляции // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2014. Т. 5. № 1. С. 92–101.
4. Петров Ю. Н., Петрова Н. С. Формирование саморегуляции обучающихся в процессе учебной деятельности // Вестник ФГОУ ВПО «МГАУ имени В. П. Горячкина». 2010. № 3. С. 109–112.
5. Салихова Н. Р. Построение жизни субъектом: саморегуляция и / или самоорганизация // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. Т. 154. № 6. С. 267–279.
6. Морозова И. С., Пронин Е. А. Параметры саморегуляции во взаимосвязи с личностными характеристиками курсантов-первокурсников военного вуза // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. 2019. Т. 29. С. 40–53. DOI: 10.26516/2304-1226.2019.29.40
7. Белогай К. Н., Морозова И. С., Медовикова Е. А., Сахарчук Н. Ю., Тупкина Г. Г. Особенности временной перспективы личности студентов с различным уровнем осознанной саморегуляции на этапах обучения в вузе // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2018. Т. 8. № 5. С. 57–72. DOI: 10.15293/2226-3365.1805.04
8. Гриненко Д. Н., Морозова И. С. Становление саморегуляции и когнитивно-стилевой организации личности в условиях психолого-образовательного сопровождения // Сибирский психологический журнал. 2017. № 64. С. 149–157. DOI: 10.17223/17267080/64/10
9. Гриненко Д. Н. Взаимосвязь параметров когнитивных стилей и саморегуляции у студентов организаций профессионального образования // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2016. № 4. С. 39–43. DOI: 10.18323/2221-5662-2016-4-39-43
10. Галкина В. А. Технология формирования самоконтроля в процессе обучения у младших школьников с легкой умственной отсталостью // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2014. Т. 3. № 4. С. 66–75.
11. Лында А. С. Дидактические основы формирования самоконтроля в процессе самостоятельной учебной работы учащихся. М.: Высш. шк., 1979. 159 с.
12. Сергеева Е. В. Становление действий самоконтроля и самооценки у младших школьников // Начальная школа плюс До и После. 2006. № 6. С. 28–32.
13. Боровская Д. Н. Самоконтроль как элемент учебной деятельности // Актуальные проблемы социально-гуманитарного и научно-технического знания. 2018. № 1-2. С. 3–5.
14. Русакова О. В. Формирование умений и навыков саморегуляции на основе рефлексии у младших подростков в процессе обучения: дис. ... канд. пед. наук. Киров, 2009. 209 с.

15. Черкевич Е. А. Особенности саморегуляции психических состояний личности в подростковом возрасте // Омский научный вестник. 2007. № 2. С. 164–165.
16. Корнеева С. А., Локтева А. В. Психологические особенности процессов саморегуляции у подростков с зависимым поведением // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 24. С. 159–164.
17. Попова С. И. Развитие способности подростка к саморегуляции в образовательном процессе школы // Психологическая наука и образование. 2017. Т. 22. № 6. С. 99–108. DOI: 10.17759/pse.2017220609
18. Нестеров А. Ю. Специфика процесса социализации детей-сирот в системе муниципальных интернатных учреждений: на примере Кемеровской области: дис. ... канд. социол. наук. М., 2012. 209 с.
19. Ярославцева И. В. Специфика иррегулярного развития депривированного подростка // Развитие личности. 2004. № 4. С. 137–140.
20. Ярославцева И. В. Психическая депривация: причины, проявления и механизм развития // Сибирский психологический журнал. 2013. № 47. С. 33–40.
21. Николаева Е. И. Теоретический анализ и экспериментальное решение проблемы отказа от детей-сирот в приемных семьях // Теоретическая и экспериментальная психология. 2014. Т. 7. № 4. С. 90–106.
22. Брук Ж. Ю., Кухтерина Г. В. Структура самосознания подростков, оставшихся без попечения родителей // Казанский педагогический журнал. 2015. № 6-2. С. 417–420.
23. Яковлев Е. В., Яковлева Н. О. Модель как результат моделирования педагогического процесса // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2016. № 9. С. 136–140.
24. Крецан З. В., Морозов Е. В. К проблеме моделирования в современном образовании: перспективы трансформаций моделей, риски реализации // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 3. № 4. С. 316–324. DOI: 10.21603/2542-1840-2019-3-4-316-324
25. Морозова И. С., Тимофеева И. Г. Исследование волевой саморегуляции у детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в условиях сетевого взаимодействия // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2020. № 1. С. 97–103.
26. Корепанова М. В. Организация сетевого взаимодействия дошкольных образовательных организаций и организаций дополнительного образования // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-а. 2018. № 1. С. 53–56.

original article

Developing a Model for the Volitional Self-Direction Formation in Orphans and Abandoned Children

Irina G. Timofeeva ^{a, @}^a Kuzbass Regional Center of Psychological, Pedagogical, Medical, and Social Assistance "Personal Health and Development", Russia, Kemerovo[@] timofeeva220805@mail.ru

Received 19.10.2020. Accepted 02.11.2020.

Abstract: The article introduces a new model for developing volitional self-direction skills in students of orphanage schools. The research objective was to identify and describe the components of this model. The paper explains the essence of the self-direction process and the specifics of self-direction development in adolescents. The problem of developing self-direction in orphans still remains understudied. The authors proved that volitional self-direction skills develop in orphans in the environment where they live and study. They defined the concept of developing volitional self-direction skills in orphanages as a continuous, purposeful, and controlled interaction between teachers and students, aimed at developing a system of knowledge and ideas about the volitional regulation of students' activities, as well as acceptable ways of reacting and behavioral patterns in various situations. The paper describes criteria, indicators, recommendations for assessment, and organizational conditions.

Keywords: formation of volitional self-direction skills, criteria of the level of formation, indicators of the level of formation, blocks of the model of the formation process of skills, adolescence

For citation: Timofeeva I. G. Developing a Model for the Volitional Self-Direction Formation in Orphans and Abandoned Children. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2020, 4(4): 306–314. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-4-306-314>

References

1. Rubinstein S. L. *Fundamentals of general psychology*. St. Petersburg: Piter, 2001, 720. (In Russ.)
2. Zhidkova O. A. Development of police officers' abilities for emotional-volitional self-regulation at the initial stage of professional training. *Psychopedagogy in Law Enforcement*, 2020, 25(1): 32–36. (In Russ.) DOI: 10.24411/1999-6241-2020-11005
3. Nikiforov G. S., Shingayeva S. M. Types of mental self-control. *Pushkin Leningrad State University Journal*, 2014, 5(1): 92–101. (In Russ.)
4. Petrov Yu. N., Petrova N. S. Formation of self-control trained in the course of educational activity. *Vestnik of Moscow Goryachkin Agroengineering University*, 2010, (3): 109–112. (In Russ.)
5. Salikhova N. R. Constructing your own life: self-direction and self-organization. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2012, 154(6): 267–279. (In Russ.)
6. Morozova I. S., Pronin E. A. Self-regulation parameters in relation to personality traits of first year cadets a military university. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Psychology*, 2019, 29: 40–53. (In Russ.) DOI: 10.26516/2304-1226.2019.29.40
7. Belogay K. N., Morozova I. S., Medovikova E. A., Sakharchuk N. Yu., Tupikina G. G. Peculiarities of individual temporal perspectives of university students with various levels of self-regulation at different stages of university education. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2018, 8(5): 57–72. (In Russ.) DOI: 10.15293/2226-3365.1805.04
8. Grinenko D. N., Morozova I. S. Formation of self-regulation and organization of cognitive style in terms of psychological and educational support. *Sibirskiy Psikhologicheskij Zhurnal*, 2017, (64): 149–157. (In Russ.) DOI: 10.17223/17267080/64/10
9. Grinenko D. N. The interrelation of the parameters of cognitive styles and self-regulation of the students of vocational education organizations. *Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika, psikhologiya*, 2016, (4): 39–43. (In Russ.) DOI: 10.18323/2221-5662-2016-4-39-43
10. Galkina V. A. The technology of forming self-control for children with mild mental retardation in the learning process. *Pushkin Leningrad State University Journal*, 2014, 3(4): 66–75. (In Russ.)
11. Lynda A. S. *Didactic foundations of the formation of self-control in the process of students' independent educational work*. Moscow: Vyssh. shk., 1979, 159. (In Russ.)
12. Sergeeva E. V. Formation of self-control and self-esteem actions in primary schoolchildren. *Nachalnaia shkola plus Do i Posle*, 2006, (6): 28–32. (In Russ.)
13. Borovskaia D. N. Self-control as an element of educational activity. *Aktualnye problemy sotsialno-gumanitarnogo i nauchno-tekhnicheskogo znaniia*, 2018, (1-2): 3–5. (In Russ.)
14. Rusakova O. V. *Formation of skills and abilities of self-regulation based on reflection in younger adolescents in the learning process*. Cand. Ped. Sci. Diss. Kirov, 2009, 209. (In Russ.)
15. Cherkevich E. A. The peculiarities of mental conditions self-regulation in teenagers. *Omskiy nauchnyy vestnik*, 2007, (2): 164–165. (In Russ.)
16. Korneeva S. A., Lokteva A. V. Psychological features of self-regulation processes in adolescents with dependent behavior. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2015, (24): 159–164. (In Russ.)
17. Popova S. I. Development of self-regulation in adolescents in the context of educational process. *Psikhologicheskaia nauka i obrazovanie*, 2017, 22(6): 99–108. (In Russ.) DOI: 10.17759/pse.2017220609
18. Nesterov A. Yu. *Specificity of the orphans' socialization process in the system of municipal boarding schools: the case of the Kemerovo region*. Cand. Sociol. Sci. Diss. Moscow, 2012, 209. (In Russ.)
19. Yaroslavtseva I. V. Specificity of irregular development of a deprived adolescent. *Personal Development*, 2004, (4): 137–140. (In Russ.)
20. Yaroslavtseva I. V. Psychic deprivation: its origin, symptoms and mechanism of development. *Sibirskiy Psikhologicheskij Zhurnal*, 2013, (47): 33–40. (In Russ.)
21. Nikolaeva E. I. Theoretical analysis and experimental solution of the problem of abandoning orphans in foster families. *Teoreticheskaya i eksperimentalnaya psikhologiya*, 2014, 7(4): 90–106. (In Russ.)
22. Bruk Zh. Yu., Kukhterina G. V. Structure of consciousness of youngsters deprived of parental care. *Kazan pedagogical journal*, 2015, (6-2): 417–420. (In Russ.)
23. Yakovlev E. V., Yakovleva N. O. Model as an outcome of education process modeling. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2016, (9): 136–140. (In Russ.)
24. Kretsan Z. V., Morozov E. V. To the problem of modeling in modern education: prospects for model transformations and implementation risks. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2019, 3(4): 316–324. (In Russ.) DOI: 10.21603/2542-1840-2019-3-4-316-324
25. Morozova I. S., Timofeeva I. G. Research of volitional self-regulation in orphaned and children left without parental care in the conditions of network interaction. *Professional education in Russia and abroad*, 2020, (1): 97–103. (In Russ.)
26. Korepanova M. V. Organization of network interaction of preschool educational institutions and additional education institutions. *Izv. Volgogr. gos. ped. un-ta*, 2018, (1): 53–56. (In Russ.)

Метафора в структуре познания сложности

Александр В. Думов^{а, @}

^а Сибирский федеральный университет, Россия, г. Красноярск

[@] avdumov@inbox.ru

Поступила в редакцию 26.10.2020. Принята к печати 17.11.2020.

Аннотация: Рассматривается совокупность воззрений представителей современной философской и теоретико-методологической рефлексии проблем познания сложности на значение и роль метафоры в процессах познания, в исследовательской коммуникации и трансляции знания о сложном. Предлагается подход к классификации метафор, существующих в контексте исследований сложности. Представленный подход основан на выявлении определенного онтологического и эпистемического содержания используемых метафорических конструкций. Данными аспектами содержания метафоры определяется ее контекстуальная роль в организации процессов познания. Анализируются группы метафорических конструкций, связанных с характерными для рефлексии сложности тематиками самоорганизации, экологии, диалога. Показано значение метафор в создании сложного видения взаимосвязи познающего разума и мира. Рассматриваются аксиологические аспекты содержания метафор, фигурирующих в исследованиях сложности. Исследуется связь метафоры и нового видения рациональности, характерного для представителей философской рефлексии сложности. Показан эвристический и коммуникативно-организационный потенциал метафоры в условиях методологической неопределенности. Исследование значения метафоры в контексте философской и теоретико-методологической рефлексии сложности направлено на выявление специфики существующих моделей познания сложности и характерной для них когнитивной стилистики.

Ключевые слова: онтологическая сложность, эпистемическая сложность, эвристическая ценность, рациональность, неопределенность

Для цитирования: Думов А. В. Метафора в структуре познания сложности // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2020. Т. 4. № 4. С. 315–322. DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-4-315-322>

Введение

Для постнеклассической философии и науки характерна теоретико-методологическая рефлексия над феноменом сложности. Различаются онтологический и эпистемический ракурсы рассмотрения феномена сложности. В онтологическом смысле под сложностью системы понимается, во-первых, наличие в ней комплекса взаимосвязанных разнородных детерминант ее существования и взаимодействия со средой; во-вторых, наличие свойства генерировать новые детерминанты своего функционирования и развития (автономно определять номологические основания своего существования, поддерживать или изменять их).

Способность системы активно участвовать в создании своего будущего в условиях неопределенности выступает онтологической предпосылкой эпистемической сложности, выражающейся, в частности, в невозможности создания универсального набора теоретических и методологических средств, позволяющих адекватно моделировать жизнедеятельность и эволюционные траектории сложных систем. То есть методологическая сложность исследования сложности системы во многом обусловлена постоянно воспроизводимой самой системой принципиальной неопределенностью, незавершенностью ее онтологической структуры.

Различные формы философской и научной рефлексии знания о сложности тяготеют к интеграции и взаимодействию,

и их разграничение зачастую не представляется возможным: в этом смысле философия, по выражению Б. Рассела, не имеет особого «источника мудрости» [1, с. 114] и вместе с наукой находится в поле реализации единой гносеологической функции. В этом проявляется предельное значение феномена сложности – его исследование осуществляется представителями различных форм познания на одном уровне. Иными словами, многообразие способов рефлексии сложности не исключает возможности говорить о единстве феномена сложности как вызова для человеческого познания и стимула для его развития.

Ряд тенденций в развитии современной критической рефлексии знания определяет и характер коммуникативных средств, используемых в познавательной активности. В качестве основных постнеклассических тенденций нередко выделяются социокультурная детерминация познания и методологический плюрализм [2, с. 5], которые могут быть объединены под наименованием плюралистических тенденций в онтологии знания, т. к. обращение к социальным и культурным детерминантам подразумевает погружение в контекст многообразия оснований знания. Данным обстоятельством определяется и потребность постнеклассического знания в форме выражения, способной интегрировать в исследовательском контексте различные по своим парадигмальным, методологическим и мировоззренческим ориентациям

позиции. Важнейшим из таких средств для ряда теоретиков познания представляется метафора. К обсуждению роли и значения метафоры в контексте познания сложности обращается множество исследователей, большинством из них метафоричность рассматривается как важнейшее свойство знания о сложности. Ими не только создаются новые метафоры, но и раскрывается метафорический потенциал различных понятий. Анализ взаимосвязей между понятиями и метафорами в контексте языка исследований сложности представляет собой одну из задач настоящего рассмотрения.

Метафора рассматривается не только как средство передачи знания о сложности, вовлечения в контекст совместного постижения, но и как источник развития самого познания. В. В. Налимовым отмечается возрастающая метафоричность современных научных теорий, в связи с чем им делается вывод, что познавательная активность ученого основана на производстве эффективных метафор, стимулирующих воображение и тем самым открывающих новые пути к пониманию мира, его закономерностей и места человека в нем [3, с. 21]. В свою очередь, французский философ и исследователь сложности Э. Морен отмечает, что для познания сложности необходимы особые концептуальные инструменты [4, с. 87]. Эти средства, а именно диалогика, идея *Unitas Multiplex*, представление феномена рациональности в терминах игры, являются примерами теоретико-познавательной метафорики, цель которой – экспликация принципов познания сложности посредством создания продуктивной аналогии. Мысль об актуальном характере создания и использования метафор в науке и философии развивает и J. B. Callicott, исследователь в области философской экологии и этики: метафора несет в себе аксиологическое содержание познания. Ввиду этого ученый призывает исследователей к тому, чтобы их подход к синтезу и использованию метафор был рефлексивным и ответственным, основанным на учете социальных и этических следствий [5, p. 110].

Изучение положения метафоры в структуре языка познания сложности, а также ее когнитивной функции представляется важным в контексте формирования представлений о гносеологической специфике познания сложности как направления развития познавательной активности человека. Метафора, по замечанию Е. В. Решетниковой, представляет собой «семантическую инновацию» [2, с. 91], и это обстоятельство обуславливает актуальность обращения к метафоре в контексте анализа трансформаций языка философии и науки. Немаловажным является анализ коммуникативных средств сложностных исследований и для уточнения онтологического содержания понятия сложности. Обращение к используемым в контексте рефлексии сложности метафорам необходимо для выявления и классификации способов понимания сложности и требуемых условий взаимодействия с ней. Наконец, актуальное значение осмысления метафорических средств познания сложности определяется возможностью установления степени эффективности использования метафор в организации междисциплинарной коммуникации.

Методологические основы выявления и классификации метафор в рефлексии сложности

В своей фундаментальной работе «Субстанция мышления: язык как окно в человеческую природу» философ и исследователь языка С. Пинкер заключает, что феномен метафоры является настолько всепроникающим, что примеры выражения абстрактных понятий, которые не были бы метафоричными, практически не встречаются [6, с. 15]. Однако непротиворечивое отождествление абстракции и метафоры не представляется возможным, что отмечается самим С. Пинкером в критике концепции метафоры Д. Лакоффа: «нельзя думать, используя одну лишь метафору» [6, с. 308]. Для выявления базовых метафор в структуре языка исследований сложности используются более конкретные по содержанию определения метафоры подходы, нежели предложенный Д. Лакоффом и М. Джонсоном. С. Пинкер фиксирует одну из существенных характеристик метафор, определяя их в качестве обобщений, подводящих конкретный случай под общую категорию, степень работоспособности которых может быть оценена согласно тому, насколько верно ими отражается структура мира [6, с. 320]. Другой функциональный аспект метафоры раскрывается в определении Н. Д. Арутюновой: метафора – это то, что индивидуализирует предмет посредством отнесения его к тому классу, к которому он не принадлежит, это «вторжение индивидуальности в зону классов» [7, с. 348]. Метафора не только обобщает, указывая на принадлежность предмета к классу посредством аналогии, но и индивидуализирует предмет, подчеркивая его существенные свойства. Иными словами, метафора – это способ манифестации онтологического статуса обсуждаемого феномена.

Для описания функционального положения метафоры в языке сложностных исследований используются подходы к пониманию роли метафоры, предложенные Н. Д. Арутюновой, Д. Лакоффом, М. Джонсоном. Метафоры обеспечивают концептуализацию того или иного фрагмента действительности по аналогии с уже сложившейся системой понятий [7, с. 379]. Метафора представляет собой механизм, предшествующий концептуализации предмета рассмотрения в понятии, она является смыслопорождающим средством. Она также рассматривается как феномен, обеспечивающий понимание [8, с. 208], из чего следует, что определенные метафоры могут влиять на то, каким именно образом будет пониматься предмет исследования. Подход, связывающий метафору и понимание, представленный в работе Д. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем», в особенности интересен в контексте обсуждения аксиологического содержания метафор и его влияния на организацию человеческой деятельности [8]. Несмотря на присущий концепции Д. Лакоффа релятивизм, ценность ее содержания состоит в указании на то, что использование ряда метафор определяется аксиологическими детерминантами.

Не менее важная функциональная особенность метафоры состоит в возможности описания неопишуемого [6, с. 335]. Метафора существует на пересечении рационального

и иррационального, она может способствовать концептуализации феномена и его встраиванию в понятийно-категориальный аппарат исследования, но может способствовать и передаче особого опыта, пережитого во взаимодействии с феноменом. В этом заключается ценность метафор для выражения содержания философской рефлексии: возможность описания такого содержания с помощью единиц существующей философской терминологии присутствует не всегда. Терминологический пробел может преодолеваться посредством введения эффективных метафор. Это обстоятельство приводит некоторых исследователей к заключениям о том, что в основе философской теории лежат не фундаментальные истины о реальности, а конкретные взаимосвязанные наборы метафор [9, р. 48]. Подобные заключения не вызывают доверия по той причине, что любая конфронтация между направлениями философской мысли низводится ими, по выражению С. Пинкера, до уровня «конкурса красоты» [6, с. 334]. Содержательные различия, приводящие к возникновению такого противодействия, игнорируются в пользу расхождений в выборе выразительных средств. Маловероятно, что подобный редуцирующий взгляд на метафору мог бы способствовать пониманию роли метафорических средств в познании действительности.

Сущность метафоры представляет собой предмет активных дискуссий в среде лингвистов, философов и предстателей когнитивных наук. Можно сказать, что риторический вопрос, поставленный Г. Дойчером относительно языка, может быть применен и к сущности метафоры: является ли она природным наследием или артефактом культуры? [10, с. 16]. Наивность крайних позиций в решении вопроса об основаниях метафоры (предполагающих либо отделение метафоры от объективной реальности, либо установление связи между ними) является очевидной, и вопрос о генезисе метафоры подлежит скорее компромиссному, нежели однозначному ригористическому решению.

Поскольку настоящее рассмотрение направлено на выявление и классификацию конкретных метафор, имеющих теоретико-познавательное значение в контексте исследований сложности, детальный анализ вопроса о генезисе метафоры не представляется целесообразным. Необходимым является выделение функциональных типов метафор, которые могут использоваться в языке сложностных исследований. Так, в классификации, предложенной Д. Лакоффом и М. Джонсоном, выделяются онтологические метафоры (предполагающие понимание опыта в терминах объектов и веществ [8, с. 49]), ориентационные метафоры (организуящие одну концептуальную область в отношении другой [8, с. 36]), структурные метафоры (структурирующие один концепт в терминах другого [8, с. 31]). Эта классификация позволяет установить границы области применения метафоры, что определяет ее продуктивность для понимания эпистемической функции различных метафор. Приведенные выше определения метафоры и классификация ее функциональных типов использованы в настоящем рассмотрении для выявления и описания метафор в структуре исследований сложности.

Результаты

Несмотря на то, что спектр используемых в рефлексии сложности метафор является достаточно широким, среди них может быть выделена группа метафор, имеющих «базовый» характер. Подобные метафоры зачастую являются исходными для создания более сложных метафорических конструкций. К числу таких метафор могут быть отнесены *самоорганизация – это творчество, жизнь – это машина, действие – это стратегия, рациональность – это игра, познание – это диалог, мир – это экосистема*. Анализ содержания и функций данных метафор составляет основное содержание настоящего рассмотрения. Метафоры исследуются в контексте сложностных исследований, осуществленных Э. Мореном, К. Майнцером, В. В. Налимовым, Р. Cilliers, Н. Е. Longino, М. Mitchell. Несмотря на то, что философские ориентиры и исследовательские цели этих авторов различны, их объединяет эпистемическая ориентация к сложности, следствием чего является использование ими соответствующих языковых средств, включая данные метафоры.

Метафора *самоорганизация – это творчество* развивается и активно используется в работах Э. Морена, В. В. Налимова. Последний интерпретирует сложность как сознание или слабую форму его проявления, а само сознание понимается им как первичный образ самоорганизации [3, с. 103, 104]. Им развивается философская гипотеза о всеобъемлющем характере сознания и творчества как имманентной ему деятельности. В терминах сознания и творчества как присущей обладающим сознанием человеческим существам упорядочивающей активности им конструируется понимание феномена самоорганизации как такового. Подобные метафорические описания встречаются и у более ранних авторов. Так, Новалис называет мир «тропом духа», пишет, что сущность человека является аббревиатурой, а универсум мира – элонгатурой одной и той же субстанции [11, с. 181].

Признание одухотворенности мира В. В. Налимов считает условием познания его сложности. Этим, в частности, обусловлена его критика синергетического подхода как основанного на механицизме [3, с. 114]. Но возможен и другой ракурс рассмотрения рефлексии сложности, осуществленной ученым: если отвлечься от антиматериалистического пафоса его работ, то можно обратить внимание, что в терминах сознания и творчества им описываются организационные свойства систем определенного типа. Его рассуждение строится вокруг способности биологических систем к саморегуляции и преобразованию среды. Однако аксиологические установки автора препятствуют полноценной концептуализации самоорганизации в неживой природе, и, говоря о физических системах, он «отклоняется» в сторону тематики антропного принципа, утверждая приспособленность Вселенной к разуму человека и сообразность ему. Естественным следствием данных рассуждений является и критика теории самоорганизации как механистической: В. В. Налимов приходит к заключению, что если теория самоорганизации оказывается несостоятельной в объяснении спонтанного возникновения Универсума и раскрытия

сознания в нем, то она не должна препятствовать созданию такого объяснения [3, с. 114]. В контексте понимания сложности, предложенного В. В. Налимовым, метафора *самоорганизация – это творчество* служит средством приобщения к развиваемой автором метафизической концепции.

В первом томе своей основополагающей работы «Метод» Э. Морен также обращается к объяснению самоорганизации в терминах творчества. Им вводятся понятие компетентности для описания организационной способности системы, способности детерминировать определенное разнообразие действий, трансформаций и процессов производства (а значит, и производства себя) и понятие практики для наименования совокупности действий, которые направлены на реализацию компетентности [12, с. 191]. Данные концепты используются им в контексте рефлексии любых систем с активной организацией, а отнюдь не только обладающих сознанием. Это позволяет сделать вывод, что истоки формирования концептуального аппарата, используемого Э. Мореном для описания феномена самоорганизации, являются метафорическими. Описание самоорганизации в терминах сознательной активности и творчества выполняет в рефлексии сложности, осуществляемой философом, двойственную задачу. С одной стороны, сознательная активность и творчество – примеры необычайной сложности, открывающиеся человеку в его собственном существовании, и потому метафоры, основанные на аналогизации с данными феноменами, являются продуктивными ввиду своей демонстративности. С другой стороны, метафоры, связанные с сознательной активностью и творчеством, указывают на включенность человека в контекст онтологической сложности феномена самоорганизации как такового и явления организации как фундаментального бытийного основания мира в целом.

Метафора *жизнь – это машина* занимает особое место в контексте рефлексии сложности, но наиболее яркое выражение она получает в уже упомянутой работе Э. Морена. Машина определяется им как практическое физическое существо, осуществляющее свою активность в силу наличия организационной компетентности [12, с. 192]. Это понятие по своему содержанию является крайне отдаленным от технического, механицистского представления о машине. Почему же Э. Морен предпочитает описание организационной активности живых систем с помощью машинной терминологии? С одной стороны, использование метафоры машины применительно к описанию живых систем может быть объяснено исходя из понимания функции метафоры, предложенного Н. Д. Арутюновой: метафора индивидуализирует нечто путем его описания в терминах класса, к которому оно не принадлежит [7, с. 348]. Но с другой стороны, не привлекается ли Э. Мореном данная метафора для восстановления иных смыслов термина *машина*? Не является ли метафора *жизнь – это машина* средством реконцептуализации феномена машины в контексте философской критики возможностей описания и осмысления сложности, предпринимаемой автором? Посредством использования онтологической метафоры машины, позволяющей

интерпретировать организационные явления в мире живых систем, Э. Морен создает новый путь интерпретации самого понятия машины как деятельной организации, существование которой связано с генеративностью и самовоспроизводством [12, с. 193]. Метафора не только дает понятию машины новую жизнь, но и реализует его интерпретационный потенциал.

Обсуждение феномена действия в терминах стратегии представляет собой пример использования структурной метафоры в рефлексии сложности. Эта метафора основана на противопоставлении программы и стратегии. Если программа представляется в качестве неизменного и предопределенного порядка действий, то стратегия понимается как образ организации деятельности, позволяющей предусмотреть определенное количество сценариев действия, которые могут быть изменены в соответствии с изменяющимися условиями среды. Как отмечает Э. Морен, стратегия борется со случайностью и ищет информацию [4, с. 168]. Иными словами, основная черта стратегии состоит в ее адаптивности, которая основана на рефлексии совершающегося действия и совершенствуется за счет обучения и анализа рисков. С этим согласуется и утверждение Р. Cilliers о том, что человеческий мозг (как пример системы, обладающей способностью к активной самоорганизации) не содержит программ познания и действия *ab initio*, т. е. предустановленных алгоритмов действия, определяющих содержание реализации его активности [13, р. 90]. Метафорическое представление действия в терминах стратегии способствует пониманию сложности его природы, которая существует во взаимодействии с риском и неопределенностью, и потому предполагает рефлексивность и адаптивность средств познания и действия к изменчивым, зачастую неустойчивым и непредсказуемым условиям.

Основными структурными метафорами, фигурирующими в рассмотрении эпистемической сложности, являются *рациональность – это игра* и *познание – это диалог*. Называя рациональность игрой, Э. Морен подчеркивает ее коммуникативный и адаптивный характер: разум создает логические структуры и применяет их к миру, находясь во взаимодействии с ним [4, с. 156]. Рациональность как образ активности познания, как совокупность эпистемических принципов, не является статичной и неизменной: она рождается в содействии с постигаемой действительностью и в ее контексте. Ее следует отличать от рационализации как стремления к редукции действительности познаваемого явления (и постигаемой реальности в целом) к определенному набору схем, к системе положений, познавательная значимость которых абсолютизируется. Рациональность и рационализация имеют один источник – стремление к связанному видению вещей мира и реальности, цель которого – обеспечение успешной деятельности, адекватной условиям среды. Но развиваясь, они становятся, по выражению Э. Морена, врагами друг друга [4, с. 157].

Стремление к рационализации, выражающееся в переоценке определенных теоретических инструментов, противоречит духу сложностных исследований.

Конечно же, для сложностных исследований недостаточность концептуального аппарата, методологическая и терминологическая неопределенность составляют существенную проблему. Сама по себе возрастающая заинтересованность в достижении определенности в понимании сложности и возможностей ее описания, отмечаемая в том числе М. Mitchell [14, р. 301], не является проявлением редутивных тенденций. Именно попытки создания единых теорий, претендующих на универсальное и исчерпывающее объяснение сложных феноменов, являются примером негативной рационализации. Метафора *рациональность – это игра* выражает базовую эпистемическую установку сложностных исследований на сохранение многообразия теоретических подходов и методологических средств. Интересен тот факт, что в самом понятии сложности может быть обнаружен «заряд» метафоричности: англоязычный термин *complex*, обозначающий характеристику сложности, происходит от латинского *plectere* – ткать, переплести [14, р. 4]. Метафора переплетения, ткани представляет собой одно из базовых средств формирования представлений об онтологии сложных систем и особенностях организации их исследования: сложность феномена познается как переплетение разнородных составляющих и многообразных факторов, определяющих облик его существования.

Метафора *познание – это диалог* тоже представляет собой одно из базовых средств описания эпистемической специфики сложностных исследований. Диалог в данном случае не тождественен консенсусу: он предполагает и различные формы содействия, и противоречия, и конкуренцию сторон в их взаимодействии. В концепциях диалогии познания активно используется термин *логика*, которым обозначается определенная форма разума, предполагающая соответствующие ей способы осмысления и понимания феномена. Диалогическая метафора является продолжением изначальной тенденции к представлению действительности сложных феноменов с помощью образа переплетения: ткань знания о сложности рождается в содействии содержательно различных форм и способов ее представления. Смысл диалогической метафоры эксплицируется в утверждении В. С. Библера о том, что в среде господствующей монологии нет логики творчества [15, с. 55].

Диалог является не только символом интеграции: важная содержательная особенность диалогических метафор состоит в том, что они обращают к необходимости признания уникальности другого, принятия существования иных путей развития, рассмотрения, исследования как равноправных. Диалогические метафоры выражают один из базовых аксиологических принципов сложностного подхода, подчеркнутый К. Майнцером: в сложном мире не существует единственного метода прогнозирования и принятия решений [16, с. 416]. Представления К. Майнцера о диалогичности познания как условия организации сложностных исследований выражаются в его рассуждениях о возрастающей интеграции исследователей в коммуникативные сети, исключающие централизованное управление. Следует отметить, что понятие сети содержит

в себе проявление фундаментальной для понимания сложности онтологической метафоры переплетения. К анализу онтологического содержания диалогического отношения обращается Э. Морен. Оно понимается как симбиоз двух логик, которые одновременно находятся в отношениях взаимоположения, антагонизма, конкуренции и содействия [12, с. 107]. Диалог подразумевает содействие взаимоисключающих и онтологически разнородных сил [4, с. 220]. Диалогические метафоры познания позволяют акцентировать внимание на том, что естественная несонаправленность исследовательских позиций и различие в их фундаментальных теоретических установках не исключают их кооперации, а существующие между ними противоречия не являются деструктивными для самого контекста постижения мира человеком.

В языке сложностных исследований присутствуют экологические метафоры. Типичным примером экологической метафоры будет представление мира (общества, конкретной сферы человеческой деятельности, исследовательской отрасли и т. д.) в терминах экосистемы. В теоретико-познавательном контексте экологические метафоры используются для объяснения взаимодействия между исследовательскими позициями: экологичность эпистемологической сложности заключается в их направленности к поддержанию баланса между различными концепциями с целью противодействия негативной редукции. Примером подобного проекта сложностной эпистемологии является критический контекстуальный эмпиризм Н. Е. Longino, основными принципами которого являются плюрализм ценностных моделей, плюрализм контекстов их взаимодействия, признание неминуемой трансформации убеждений и познавательных установок сообщества в зависимости от разделяемого им критического дискурса, развитие и поддержание критически-рефлексивного отношения сообществ к самим стандартам регуляции критики и аргументации возможных позиций [17, р. 214].

Примером использования экологической метафоры будет являться и обсуждение жизнеспособности концепций: по мысли Н. Е. Longino, нежизнеспособность точки зрения (концепции, подхода) обуславливается тем, что она не выдерживает критики, а ее содержание не может быть адекватно обосновано с помощью принятых способов аргументации (при этом критические и аргументативные модели определяются социально-аксиологическими установками исследовательского контекста) [17, р. 214–216]. Не менее ярким примером использования экологической метафоры являются рассуждения Э. Морена об укорененности сложностного мышления в среде: оно всегда является локальным, принадлежит определенному месту и развивается в определенном временном контексте [4, с. 239]. Для объяснения связи человеческого разума и мира Э. Мореном привлекается принцип само-эко-организации, в основании которого в качестве смыслопорождающего механизма лежит метафора *мир – это экосистема*. Принцип утверждает представленность мира как целого в разуме каждого постигающего его актора [4, с. 179]. Причиной развития экологической метафоры в контексте сложностных исследований

является его эвристическая ценность для объяснения явлений, связанных с организацией и развитием сложных систем, а важнейшим следствием ее активного использования – расширение экологического подхода и отмечаемый, в частности Е. Н. Князевой, выход экологии за пределы биологического и естественнонаучного знания в целом [18, с. 17]. Метафора *мир – это экосистема* активно используется в исследовании сложности познания, действия, мышления, а также для описания сложных системных структур социального, экономического и политического характера.

Заключение

На основании рассмотрения базовых метафор, используемых в рефлексии сложности, можно сделать вывод о роли и значении метафоры в формировании понимания феномена сложности и конституировании рефлексии сложного. Роль метафор в контексте исследований сложности в большей степени является эвристической, т. е. метафоры привлекаются как средства для последующего формирования конкретных концептуальных средств и определения границ используемых подходов. Ценность метафоры определяется тем, что она образует контекст смыслопорождения, служит для вовлечения познающего разума в контекст исследования путем трансляции духа сложности, т. е. образного выражения ее основных форм представления. В то же время значение метафоры для формирования и развития сложных исследований определяется проверкой ее эффективности, т. е. того, насколько ценной она является для выражения специфики изучаемых предметов и явлений [19, р. 18]. Иными словами, ценность метафоры определяется ее апробацией в синтезе моделей сложности и способов объяснения

явлений и процессов, протекающих в сложных системах. Описанные метафоры могут рассматриваться как средства передачи аксиологических установок познания сложности и фундаментальных принципов сложного мышления.

Рассмотренные метафоры используются для выражения проявлений сложности посредством создания продуктивных аналогий. Отношения феномена сложности и метафорических способов его представления (которые сами содержат сложность в себе) хорошо иллюстрируется словами А. Н. Уайтхеда: «Целое демонстрирует составляющие его части, ценность каждой из которых увеличилась, а части ведут к целому, которое больше их, но не является разрушительным по отношению к ним» [20, с. 388]. Использование метафоры в контексте рефлексии сложности может рассматриваться в качестве философского изобретения: продуктивные аналогии, на которых они основаны, способствуют разработке различных гносеологических новаций. Классификация таких новаций предлагается И. И. Лапшиным: к ним относится, например, уяснение природы конкретной категории, установка связи между категориями, построение связного понятия о мире [21, с. 167]. Описанные в данной статье метафоры могут служить отправной точкой для построения рассуждений, направленных на формирование совокупности понятий и категорий, используемых для построения рассуждений о природе сложности. Значение метафор для структурирования познания сложности определяется их потенциалом в формировании мировоззренческих представлений: метафора может рассматриваться как носитель ценностно-ориентационных установок и паттернов мышления и обеспечивать их передачу.

Литература

1. Рассел Б. Избранные труды / пер. с англ. В. В. Целищев, В. А. Суровцев. Новосибирск: Сибирское унив. изд-во, 2009. 257 с.
2. Решетникова Е. В. Метафора в постнеклассическом познании. Новосибирск: НГАСУ (Сибстрин), 2013. 160 с.
3. Нахимов В. В. В поисках иных смыслов. М.: Прогресс, 1993. 260 с.
4. Морен Э. О сложности / пер. Я. И. Свицкого; под ред. В. И. Аршинова. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2019. 272 с.
5. Callicott J. B. Introduction to ecological worldviews: aesthetics, metaphors and conservation // Linking ecology and ethics for a changing world / eds. R. Rozzi, S. Pickett, C. Palmer, J. J. Armesto, J. B. Callicott. N. Y.: Springer, 2014. P. 109–111.
6. Пинкер С. Субстанция мышления: язык как окно в человеческую природу / пер. с англ. В. П. Мурат, И. Д. Ульяновой. 2-е изд., испр. М.: URSS; ЛИБРОКОМ, 2016. 557 с.
7. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Яз. рус. культуры, 1999. 895 с.
8. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. А. Н. Баранова, А. В. Морозовой; под ред. А. Н. Баранова. М.: УРСС, 2004. 252 с.
9. The Cambridge handbook of metaphor and thought / ed. R. W. Gibbs, Jr. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 566 p. DOI: 10.1017/CBO9780511816802
10. Дойчер Г. Сквозь зеркало языка / пер. с англ. Н. Жуковой. М.: АСТ, 2019. 444 с.
11. Новалис. Фрагменты / пер. с нем. А. Л. Вольского. СПб.: Азимут, 2014. 317 с.
12. Морен Э. Метод. Природа природы / науч. ред. и пер. Е. Н. Князевой. М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2013. 488 с.
13. Cilliers P. Complexity and postmodernism. London, N. Y.: Routledge, 1998. 176 p.
14. Mitchell M. Complexity: a guided tour. Oxford, N. Y.: Oxford University Press, 2009. 349 p.
15. Библер В. С. От наукоучения – к логике культуры. Два филос. введения в двадцать первый век. М.: Политиздат, 1991. 412 с.
16. Майнцер К. Сложносистемное мышление: материя, разум, человечество: новый синтез / под ред. Г. Г. Малинецкого; пер. с англ. А. В. Беркова. М.: URSS: Либроком, 2008. 463 с.

17. Longino H. E. *Legacies of positivism in the philosophy of science // Linking ecology and ethics for a changing world* / eds. R. Rozzi, S. Pickett, C. Palmer, J. J. Armesto, J. B. Callicott. N. Y.: Springer, 2014. P. 207–217.
18. Князева Е. Н. Экологическая философия: мировоззренческие измерения современной экологии // Вестник Международной академии наук (Русская секция). 2019. № 1. С. 16–23.
19. Cowan G. A., Pines D., Meltzer D. *Complexity: metaphors, models and reality*. Cambridge, MA: Perseus Books, 1999. 731 p.
20. Уайтхед А. Н. *Избранные работы по философии* / пер. с англ. и общ. ред. М. А. Кисселя. М.: Прогресс, 1990. 716 с.
21. Лапшин И. И. *Философия изобретения и изобретение в философии: Введ. в историю философии*. М.: Республика, 1999. 398 с.

original article

Metaphor in the Structure of Exploring Complexity

Alexander V. Dumov^{a, @}

^a Siberian Federal University, Russia, Krasnoyarsk

@avdumov@inbox.ru

Received 26.10.2020. Accepted 17.11.2020.

Abstract: The paper presents a review of modern philosophical and methodological literature on exploring complexity. The research featured the effect of metaphor in the cognitive processes, research communication, and transmission of complex ideas. The author developed a classification of metaphors in the context of exploring complexity. The approach is based on the identification of a certain ontological and epistemic content of the metaphor. The contextual role of the metaphor in cognition processes depends on these aspects of its content. The author analyzed the groups of metaphors associated with such topics of exploring complexity as self-organization, ecology, and dialogue. The metaphors proved important in developing a complex vision of the relationship between the cognizer and the world. The study also examined the axiological aspects of the metaphors, as well as the connection between the metaphor and the new vision of rationality, typical of the philosophical reflection of complexity. The metaphor proved to have a heuristic, communicative, and organizational potential in conditions of methodological uncertainty. The context of philosophical and theoretical-methodological reflection of complexity makes it possible to study the metaphor in order to identify the existing models of exploring complexity and their cognitive stylistics.

Keywords: ontological complexity, epistemic complexity, heuristic value, rationality, uncertainty

For citation: Dumov A. V. Metaphor in the Structure of Exploring Complexity. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2020, 4(4): 315–322. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-4-315-322>

References

1. Russell B. *Selected works*, trs. Tselishchev V. V., Surovtsev V. A. Novosibirsk: Sibirskoe univ. izd-vo, 2009, 257. (In Russ.)
2. Reshetnikova E. V. *Metaphor in Post-nonclassical knowledge*. Novosibirsk: NGASU (Sibstrin), 2013, 160. (In Russ.)
3. Nalimov V. V. *In search of other meanings*. Moscow: Progress, 1993, 260. (In Russ.)
4. Morin E. *On complexity*, tr. Svirskii Ia. I., ed. Arshinov V. I. Moscow: Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy, 2019, 272. (In Russ.)
5. Callicott J. B. Introduction to ecological worldviews: aesthetics, metaphors and conservation. *Linking ecology and ethics for a changing world*, eds. Rozzi R., Pickett S., Palmer C., Armesto J. J., Callicott J. B. N. Y.: Springer, 2014, 109–111.
6. Pinker S. *The stuff of thought*, trs. Murat V. P., Ulianova I. D., 2nd ed. Moscow: URSS: LIBROKOM, 2016, 557. (In Russ.)
7. Aroutiounova N. D. *Human language and the world*, 2nd ed. Moscow: Iaz. rus. kultury, 1999, 895. (In Russ.)
8. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*, trs. Baranov A. N., Morozova A. V., ed. Baranov A. N. Moscow: URSS, 2004, 252. (In Russ.)
9. *The Cambridge handbook of metaphor and thought*, ed. Gibbs R. W., Jr. Cambridge: Cambridge University Press, 2008, 566. DOI: 10.1017/CBO9780511816802
10. Deutscher G. *Through the language glass*, tr. Zhukova N. Moscow: AST, 2019, 444. (In Russ.)
11. Novalis. *Fragments*, tr. Volskii A. L. St. Petersburg: Azimut, 2014, 317. (In Russ.)
12. Morin E. *La Methode. La Nature de la nature*, ed. and tr. Knyazeva H. N. Moscow: Kanon+ROOI "Reabilitatsiia", 2013, 488. (In Russ.)
13. Cilliers P. *Complexity and postmodernism*. London, N. Y.: Routledge, 1998, 176.

14. Mitchell M. *Complexity: a guided tour*. Oxford, N. Y.: Oxford University Press, 2009, 349.
15. Bibler V. S. *From science of knowledge to the logic of culture. Two philosophical introductions to the twenty-first century*. Moscow: Politizdat, 1991, 412. (In Russ.)
16. Mainzer K. *Thinking in complexity. The Computational dynamics of matter, mind and mankind*, ed. Malinetskii G. G.; tr. Berkov A. V. Moscow: URSS: Librokom, 2008, 463. (In Russ.)
17. Longino H. E. Legacies of positivism in the philosophy of science. *Linking ecology and ethics for a changing world*, eds. Rozzi R., Pickett S., Palmer C., Armesto J. J., Callicott J. B. N. Y.: Springer, 2014, 207–217.
18. Knyazeva H. N. Ecological philosophy: world view dimensions of the modern ecology. *Vestnik Mezhdunarodnoi akademii nauk (Russkaia sektsiia)*, 2019, (1): 16–23. (In Russ.)
19. Cowan G. A., Pines D., Meltzer D. *Complexity: metaphors, models and reality*. Cambridge, MA: Perseus Books, 1999, 731.
20. Whitehead A. N. *Selected works on philosophy*, tr. and ed. Kissel M. A. Moscow: Progress, 1990, 716. (In Russ.)
21. Lapshin I. I. *Philosophy of invention and invention in philosophy. Introduction to history of philosophy*. Moscow: Respublika, 1999, 398. (In Russ.)

Социально-философский и культурологический аспекты деятельности человека в рамках цифровой реальности

Владимир М. Золотухин^{а, @}

^а Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачева, Россия, г. Кемерово

[@] zvm64@mail.ru

Поступила в редакцию 03.12.2020. Принята к печати 24.12.2020.

Аннотация: В статье затрагиваются социально-философский и культурологический аспекты деятельности человека в условиях вынужденного взаимодействия человека с информационными технологиями и связанными с ними социально-экономическими, психологическими и иными рисками. Акцентируется внимание на необходимости формирования информационной культуры как одного из существенных элементов коммуникативного взаимодействия различных субъектов информационного пространства, с одной стороны, а с другой – на минимизации этнонациональных и иных рисков, в том числе имеющейся конъюнктуры современного информационного многообразия. Подчеркивается, что развитие информационных технологий сопровождается появлением различных форм преступного поведения, на основании которого формируется символический образ насилия посредством манипуляции сознанием человека и действием пропагандистских практик. Эффективность борьбы с совершением преступных действий в интернет-пространстве зависит не только от своевременности принятия соответствующих правовых актов, но и от степени реагирования государственными и правоохранительными органами на присечение подобно рода деятельности в информационном пространстве. Немаловажным является создание информационной инфраструктуры, нацеленной на включение в нее человека, реализации человеческого потенциала и удовлетворение потребностей, помимо прочего направленных на повышение различных аспектов качества жизни.

Ключевые слова: информационная культура, идентичность, информационная инфраструктура, стереотип поведения, цифровая дискриминация

Для цитирования: Золотухин В. М. Социально-философский и культурологический аспекты деятельности человека в рамках цифровой реальности // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2020. Т. 4. № 4. С. 323–329. DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-4-323-329>

Введение

В условиях динамичного развития информационных технологий обостряются проблемы, связанные с изменением условий, форм и способов деятельности человека. Во многом эти процессы влияют на трансформацию мировоззренческих установок и ценностных стереотипов поведения. В результате повышается степень социальной [1, с. 62] и экономической [2, с. 19] неопределенности, что сопровождается как позитивными, так и негативными факторами в рамках повседневного коммуникативного опыта. В значительной степени это отражается на проявлении степени открытости человека, возможности доверительного межличностного диалога, в том числе диалога между институтами власти, человеком и обществом.

Информационная культура, информационная инфраструктура и цифровая дискриминация

С развитием технологий и при переходе к модели цифровой экономики происходит изменение сознания человека независимо от его желания и понимания этих процессов.

Особенно это касается переломных моментов в истории, смены социально-экономических, политических и иных парадигм. В условиях пандемии COVID-19 происходит интенсивное навязывание перехода человека на удаленный режим работы и изменение форм деятельности, предполагающих его включенность в процессы информационной коммуникации, в то время как «в любой деятельности необходимо сохранять "генетический код", утверждающий коренные трудовые традиции общества» [3, с. 157]. В рамках российской идентичности трудовая деятельность «содержит в себе творческую доминанту» [3, с. 157]. Тем самым актуализируются риски (психологические, социально-экономические и т. п.), повышается степень социальной напряженности (А. С. Ахиезер) [4] и страх (С. Кьеркегор) [5] перед будущим с точки зрения занятости и социальной защищенности со стороны государства. Более того, по мнению А. Г. Асмолова, «разбрасывая зерна трепета и страха, инфодемия тем самым, в частности, питает и простейшие идеологические конструкции сектантского типа»¹.

¹ Директор Школы антропологии будущего РАНХиГС Александр Асмолов: «Школа может стать великой вакциной от примитивных способов мышления» // РАНХиГС. 09.11.2020. Режим доступа: <https://www.ranepa.ru/sobytiya/novosti/direktor-shkoly-antropologii-budushchego-rankhigs-aleksandr-asmolov-shkola-mozhet-stat-velikoy-vaktsy/> (дата обращения: 11.11.2020).

Возрастание степени социальной дифференциации общества и его разобщенности повышает риск возникновения социальной дискриминации. По мнению А. Д. Левашенко и О. С. Магомедовой, в России «сохраняются риски цифровой дискриминации, в том числе с использованием теневого профиля. Такой профиль может формироваться из таких данных, как данные геолокаций (например, перемещение пользователя в места централизованного оказания помощи больным COVID-19), поведенческие данные в интернет-среде (поиск информации о приобретении противовирусных препаратов и их использовании, онлайн-покупки лекарств, прописываемых больным COVID-19), сведения из социальных сетей (если пользователь публично сообщил о своем состоянии), данные о совершении поездок в страны, пораженные пандемией, данные об этнической принадлежности пользователя). Эти данные могут использоваться для генерирования автоматических решений при пользовании интернетом и онлайн-услугами» [6, с. 26]. Подобные процессы вынуждают соблюдать социальную (санитарную) дистанцию, ограничивая «персональное пространство друг друга»², при этом фактором деградации является низкая эффективность выполнения в России национального проекта «Цифровая экономика» (20,6%), что не способствует реализации человеческого капитала, а выполнение таких проектов, как «Новые возможности для каждого» и «Социальные лифты для каждого» выполняются в объеме 0,8% и 19% соответственно³.

Немаловажным аспектом является формирование информационной культуры, т. е. ценностей как результата кумулятивного воздействия не только институциональных СМИ, но и всей совокупности повседневных практик. Степень востребованности информационной культуры и наличие возможностей манипулирования сопряжено с постоянным воспроизводством угроз (государственных, экономических, демографических и т. д.), так или иначе влияющих на социальную реальность, как отражением «объективности времени» [7, с. 28]. При формировании информационной культуры необходимо учитывать уже известные инженерные и технологические решения, позволяющие минимизировать этнонациональные и иные риски, а также имеющуюся конъюнктуру современного информационного многообразия. Это касается конкретных социально-экономических реалий, в рамках которых хозяйствующие субъекты, а именно представители бизнес-элит, не готовы «повсеместно применять искусственный интеллект – более 40% компаний в России отказались от внедрения этой технологии, выяснили эксперты ВЦИОМ». Несмотря на то, что большинство компаний (91% респондентов) слышали об искусственном интеллекте, 43% не используют его и не планируют это делать

в ближайшее время»⁴. Заслуживает внимания положение России в международных рейтингах развития цифровых технологий. Например, имея индекс развития ИКТ 7,07, Россия занимала 45 место из 176 стран в 2017 г., в 2018 г. по уровню развития электронного правительства занимала 32 место из 193 стран, имея индекс 0,7969. В 2019 г. глобальный индекс сетевого взаимодействия – 49, что соответствовало 41 месту из 79 стран [8, с. 24–26], в рамках рейтинга цифровой конкурентоспособности индекс России был равен 70,406, что соответствовало 38 месту из 63 стран [8, с. 30].

Наличие заинтересованности человека в использовании информационных технологий способствует формированию информационной культуры и позволяет как формальным, так и неформальным (в том числе представителям субкультур) институтам расширять доступ к ресурсам, чтобы выйти на медиарынок, усилить свое присутствие в реальном мире, публично заявить о своем присутствии, оставаясь при этом в тени, защищенными бесконечностью интернет-пространства. По мнению Н. Д. Асташовой и Т. В. Бобковой, «цифровая культура начинает рассматриваться в качестве объекта экономики, однако критерии вычисления ее экономических параметров остаются туманными в силу невозможности точно определить качество и соответствие стоимости когнитивных ресурсов человека, задействованных в ней» [9, с. 19]. Доминирующим элементом должна стать степень доверия в коммуникативных связях, ибо «индивид должен быть уверен в достоверности (*credibility*) демонстрируемого партнерами по коммуникации поведения, которая обеспечивается не контактами "через третьи руки", а только короткими связями в "личном пространстве"» [10, с. 77]. Задачей государственных институтов и общества в целом становится формирование стандартов «дозволенного» и приемлемого для того, чтобы коммуникация посредством интернет-сленга была направлена на достижение взаимопонимания между представителями различных субкультур и не наносила вред культурной практике [11]. Существенным элементом является то, что в интернет-пространстве группы, как правило, являются однородными по своим (социально-политическим, культурным и иным) взглядам и замкнутыми внутри данных сообществ.

В цифровой коммуникации формируются различные смыслы, позволяющие пользователю понять существующее и / или предполагаемое содержание, заключенное в «глобальном коммуникативном потоке» [12, с. 155]. Речь идет не только о позитивном, но и негативном содержании. Первое связано с возможностью раскрытия человеческого капитала посредством приобщения к вершинам мировой культуры и образованности, а также обретению социокультурных стандартов поведения и общения на основании

² Вторая волна раздражения // Левада-центр. 01.10.2020. Режим доступа: <https://www.levada.ru/2020/10/01/vtoraya-volna-razdrzheniya/> (дата обращения: 11.11.2020).

³ Исполнение расходов бюджета на нацпроекты за январь-сентябрь 2020 года составило 55% // Счетная палата РФ. 08.10.2020. Режим доступа: <https://ach.gov.ru/audit-national/ispolnenie-raskhodov-byudzhet-na-natsproekty-za-yanvar-sentyabr-2020-goda-sostavilo-55> (дата обращения: 11.11.2020).

⁴ Более 10% россиян заявили о недоверии к искусственному интеллекту // РБК. 27.01.2020. Режим доступа: https://www.rbc.ru/technology_and_media/27/01/2020/5e2af9bf9a794792befa2fd4 (дата обращения: 10.11.2020).

принципов гуманизма и социальной толерантности. Это может проявляться в различных формах сознательной деятельности (российская идентичность осмысливается через понятие «христианского патриотизма» [13, с. 52], религиозной деятельности [14] и др.), направленной на достижение социального компромисса участников как информационного пространства, так и реально существующего.

Негативное содержание связано с различными формами дивергентного поведения, в том числе преступного. В этом случае, по мнению Л. Малки, формируется символический образ насилия, через который реализуются определенные «коммуникативные роли» [15], сознательно насаждаемые «культурные сценарии и стереотипы» [16] поведения, в то время как «человек – живущий в реальности, а не отворачивающийся от нее – должен быть текучим и гибким, как она, постоянно растущим, находящим в себе нечто, что отвечает изменчивости мира» [17]. Противостояние формируемому в интернет-пространстве образу насилия должно координироваться государственными институтами, т. к. необходимо «технично-криминалистическое, информационно-технологическое обеспечение следственных действий как необходимое условие обнаружения, фиксации, изъятия и исследования уголовно-релевантной информации» [18, с. 139]. Кроме этого, на законодательном и правоприменительном уровнях необходимо решать проблемы доказывания факта преступной деятельности, т. к. «информация хранится в цифровом виде, что усложняет возможность ее изъятия и использования, а также ставит под сомнение достоверность полученных данных» [19, с. 34].

Признается и акцентируется внимание на существовании проблемы выполнения и реализации ранее принятых законов, программ и нормативно-правовых актов. От их реализации и соблюдения во многом зависит социально-экономическая стабильность и уровень социальной напряженности в обществе. Это касается развития информационной среды. Создание информационной инфраструктуры должно не только быть государственной целью, но и быть нацелено на включенность в нее человека, реализацию его интересов и удовлетворение потребностей, в том числе различных аспектов повышения качества жизни [20].

На практике происходит обратное. На создание информационных систем российское государство тратит немалые средства, а именно: общий объем бюджетных средств на реализацию этих систем в 2013–2020 гг. должен был составить 17,76 млрд руб. [21, с. 92]. Но по степени открытости и наличия актуализированной информации, позволяющей оперативно решать возникающие проблемы, информационные системы реально не соответствуют требованиям нормативной открытости. Например, в разделах «"Открытые данные" располагались только крайне малоинформативные перечни объектов учета, к тому же содержащие, по оценке экспертов, дублирующуюся и устаревшую информацию» [21, с. 100]. По степени открытости лидирует министерство

культуры, а на противоположной стороне находятся органы правоприменения (МВД и т. д.). Если информационная среда (министерство культуры, государственные интернет платформы и СМИ) формирует социокультурные стереотипы, то министерства и ведомства, в том числе в сфере правоприменения, предоставляют запоздалую, во многом неактуальную информацию о реальном состоянии различных сфер жизни общества. В этом случае у независимых и оппозиционных источников доминирует использование неофициальных каналов получения информации, что является одной из особенностей российской социокультурной коммуникации [22, с. 146].

В данных условиях доминируют способы и механизмы манипулирования общественным мнением через различные источники пропаганды в зависимости от поставленных ей целей и задач со стороны конкурирующих между собой политических партий. Последние выражают не только государственные и национально-патриотические интересы, но и противоположные – нацеленные на расшатывание государственности, национальной и социокультурной российской идентичности. В социальной реальности и в интернет-пространстве примеров этого противостояния можно найти множество. Проблема состоит в том, как эти процессы трансформируют общественное сознание и влияют на повседневную жизнедеятельность человека. Пропаганда, по мнению Ж. Эллуля, «становится единственным способом уйти от постоянной напряженности: формируя образ мыслей человека в определенном русле, манипулируя символами, воздействуя на психику, ей удается исключить ситуации, создающие условия для умственного напряжения, вызванного этим давлением, это облегчает человеку жизнь, упрощает его существование, обеспечивает ему стабильность и безопасность» [23, с. 163]. В этом случае происходит трансформация ценностей и конструирование при помощи социальных медиа различных смыслов. Объединение множества смыслов «в один глобальный коммуникативный поток» [12, с. 155] способствует изменению социальной реальности. Степень трансформации зависит от реакции (позитивной и / или негативной) институтов государственной власти, что является отправной точкой для воспроизведения того или иного события в иных контекстах, и «каждую новую систему фреймов дополняют релевантные фрейму варианты хештегов» [23, с. 162]. Это касается ситуации, связанной с возникновением, развитием и промежуточными итогами COVID-19, влияющей как на рост социального напряжения, так и на повышение уровня криминогенности в обществе.

Для того чтобы цифровизация стала «драйвером улучшения качества жизни каждого человека, технологического прорыва, роста производительности труда в экономике, повышения эффективности государственного сектора, обеспечения сервисного характера государства»⁵, необходимо всесторонне развивать человеческий капитал путем

⁵ Березина Е. До 30 октября, до 30 года. Что содержит единый план достижения национальных целей // Российская газета. 26.10.2020. № 242. Режим доступа: <https://rg.ru/2020/10/26/cto-soderzhit-edinyj-plan-dostizheniia-nacionalnyh-celej.html> (дата обращения: 03.11.2020).

целенаправленных вложений в различные области жизни и деятельности человека. Приоритетом, на основании социологических исследований, должны быть «траты государства на здравоохранение, образование и социальную политику»⁶. К сожалению, в социальной реальности мы видим нечто обратное. Здравоохранение испытало коронавирусный шок не от самой болезни, а от неготовности инфраструктуры к массовому противостоянию эпидемиологическим заболеваниям. Малоэффективным оказались затраты на информационно-технологическое оснащение медицинских учреждений. Эффективность и доступность использования достижений в этой области должны быть направлены на обеспечение достойного «качества жизни» человека, а медицинский персонал должен иметь не только достойную заработную плату, но и все возможности для раскрытия своего человеческого потенциала.

Особую значимость приобретает изменение механизма существования управленческого менеджмента, т. е. изменение доминирующего характера отношений в нем от директивного к сотрудничеству. Подобное изменение «дает простор инициативе и креативности работников, сужает рамки репродуктивной исполнительности» [24, с. 152–153] и способствует демократизации интернет-пространства, в рамках которого возможно реализовать равенство потенциальных участников, с одной стороны, а с другой – обеспечить потенциальный контроль участников информационного взаимодействия. Использование принципа синергетики [25] в сфере управленческой деятельности позволяет обществу эффективно самоорганизовываться не только на основе социального знания, но и информационно-коммуникативного взаимодействия различных субъектов. В российской социокультурной ментальности возрастает риск утраты существующего консенсуса, когда выполнение ««работы строго по правилам»» выпадает из поля зрения современных правовых норм, что неудобно и работодателям, поскольку мешает выстраиванию конструктивного диалога между собственниками бизнеса

и наемным трудом» [26, с. 95]. Принятие управленческих решений в условиях цифровой реальности должно опираться на создание информационных платформ, принимаемых всеми участниками информационных процессов, способствующих не только раскрытию человеческого потенциала, но и обеспечивающих равный доступ к получению гражданином достоверной информации в рамках осуществления им гражданских, трудовых и иных прав и обязанностей. При этом актуальным является достижение взаимного консенсуса, т. е. «действие пользовательского соглашения не ограничивается посетителями сайта, принявшими его условия, но в части правил использования веб-сайта распространяется на всех пользователей» [27, с. 180] интернет-пространства. Это касается реализации прав и обязанностей при удаленном режиме, в рамках которого должна быть сохранена «готовность к самосохранительному поведению», позитивно связанная «с социальными-экономическими достижениями людей» [28, с. 24].

Заключение

Деятельность человека в рамках цифровой реальности должна формировать чувство ответственности за свои действия в интернет-пространстве. Доминирующим фактором является институциональное формирование интернет-культуры. Данный процесс связан с достижением консенсуса между формальными и неформальными институциональными формами. Необходимо учитывать реальность современной социокультурной ментальности не только на уровне государства, но и в рамках глобального интернет-пространства; различные геополитические, экономические, этноконфессиональные и иные интересы и потребности в рамках анализа изменения моделей поведения и привычек, а также тщательной оценки косвенного воздействия, оказываемого информационными технологиями и искусственным интеллектом на социокультурную среду конкретного социума, сознание и реализуемые человеком общественные практики.

Литература

1. Грицкевич Т. И. Современные реформы: управляемость и гносеологическая неопределенность // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2007. Т. 5. № 1. С. 60–64.
2. Зубов С. А. Финансовые результаты российских банков в январе-августе 2020 года // Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2020. № 25. С. 12–19.
3. Шабатура Л. Н., Яцевич О. Е. Культурные особенности русской трудовой деятельности // Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 2. С. 156–162.
4. Ахиезер А. С. Философские основы социокультурной теории и методологии // Вопросы философии. 2000. № 9. С. 29–45.
5. Кьеркегор С. Страх и трепет. М.: Республика, 1993. 383 с.
6. Левашенко А. Д., Магомедова О. С. Риски цифровой дискриминации в условиях COVID-19 // Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2020. № 21. С. 23–27.
7. Пятигорский А. М. Философия одного переулочка. М.: Прогресс, 1992. 155 с.

⁶ Здравоохранение и образование должны быть приоритетными статьями госбюджета, считают россияне // SuperJob. 08.10.2020. Режим доступа: <https://www.superjob.ru/research/articles/112487/zdravoohranenie-i-obrazovanie-dolzhen-byt-prioritetnymi-stat'yami-gosbyudzhet/> (дата обращения: 03.11.2020).

8. Абдрахманова Г. И., Вишневецкий К. О., Гохберг Л. М., Демидкина О. В., Демьянова А. В., Дранев Ю. Я., Ковалева Г. Г., Коцемир М. Н., Кузнецова И. А., Кучин И. И., Лола И. С., Озерова О. К., Остапкович Г. В., Ратай Т. В., Рыжикова З. А., Стрельцова Е. А., Суслов А. Б., Туровец Ю. В., Утягина К. Е., Фридлянова С. Ю., Фурсов К. С., Шугаль Н. Б. Индикаторы цифровой экономики: 2020. М.: НИУ ВШЭ, 2020. 360 с.
9. Асташова Н. Д., Бобкова Т. В. Символический универсум цифровой экономики // Философия хозяйства. 2020. № 5. С. 11–26.
10. Ахременко А. С., Стукал Д. К., Петров А. П. Сеть или текст? Факторы распространения протеста в социальных медиа: теория и анализ данных // Полис. Политические исследования. 2020. № 2. С. 73–91. DOI: 10.17976/jpps/2020.02.06
11. Zolotukhin V., Zolotukhina N., Sedina N., Kozyreva M. Socio-cultural and legal aspects of interaction between representatives of different subcultures in the media space // Fourth International Scientific Conference Communication Trends in the Post-literacy Era: Multilingualism, Multimodality, Multiculturalism. 2020. P. 227–234. DOI: 10.18502/kss.v4i2.6338
12. Щекотуров А. В., Кришталь М. И. (Ре)конструирование смыслов политической акции в социальной сети «ВКонтакте»: кейс Ивана Голаунова // Мир России. Социология. Этнология. 2020. Т. 29. № 4. С. 150–170. DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-4-150-170
13. Рыжова С. В. Российская идентичность на православно-исламском пограничье // Социологические исследования. 2020. № 8. С. 51–61. DOI: 10.31857/S013216250010566-5
14. Жукова О. И., Жуков В. Д. Религиозное сознание как фактор культуры современного человека // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. 2017. № 39. С. 13–18.
15. Malkki L. Political elements in post-Columbine school shootings in Europe and North America // Terrorism and Political Violence. 2014. Vol. 26. № 1. P. 185–210. DOI: 10.1080/09546553.2014.849933
16. Суходольская Ю. В. Скулуштинг как самостоятельный криминологический феномен // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2020. № 3. С. 117–120.
17. Минаев Б. Выйдя из подвала // Дружба народов. 2020. № 8. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/druzhiba/2020/8/vuyduya-iz-podvala.html> (дата обращения: 02.11.2020).
18. Вехов В. Б., Пастухов П. С. Формирование стратегий расследования преступлений на основе положений электронной криминалистики // Ex iure. 2019. № 4. С. 129–141. DOI: 10.17072/2619-0648-2019-4-129-141
19. Маринкин Д. Н., Костарева В. А. Цифровые доказательства в уголовном судопроизводстве // Вестник Пермского института ФСИН России. 2019. № 1. С. 33–36.
20. Козырева М. В., Махалов М. С. Концепции культуры в контексте качества жизни // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2-4. С. 210–213.
21. Бегтин И., Бертяков А., Комин М., Пархимович О., Цыганков М. Оценка открытости государственных информационных систем в России. М.: ЦПУР, 2020. 125 с.
22. Асмолов А. Г., Солдатова Г. У., Малева Т. М., Сорокина С. С., Алдошина Т. А. Кросскультурный мониторинг образов инфодемии и пандемии. Может ли политический лидер выйти за пределы культурной матрицы // Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2020. № 10. С. 138–149.
23. Эллюль Ж. Психологические эффекты пропаганды // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2020. Т. 5. № 1. С. 157–200.
24. Петкова Т. А., Скоробогачкий В. В. Синергетическая природа человеческого капитала как фактора эффективного управления // Вопросы управления. 2018. № 5. С. 151–157.
25. Хакен Г. Самоорганизующееся общество // Синергетическая парадигма. Социальная синергетика / ред.-сост. О. Н. Астафьева, В. Г. Буданов. М.: Прогресс-традиция, 2009. С. 350–369.
26. Ахмадуллин И. Р. Итальянские забастовки в России // Социологические исследования. 2020. № 10. С. 95–105. DOI: 10.31857/S013216250009284-5
27. Сергеева О. В. Влияние цифровизации на регулирование преддоговорных отношений в международном частном праве // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 3. С. 162–184. DOI: 10.17323/2072-8166.2020.3.162.184
28. Ромашкина Г. Ф., Давыденко В. А., Андрианова Е. В., Худякова М. В., Печеркина И. Ф. Изучение человеческого капитала: опыт эмпирической проверки комплексного инструментария // Siberian Socium. 2020. Т. 4. № 3. С. 8–32. DOI: 10.21684/2587-8484-2020-4-3-8-32

Socio-Philosophical and Cultural Aspects of Human Activity in the Framework of Digital Reality

Vladimir M. Zolotukhin ^{a, @}

^aT. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, Russia, Kemerovo

[@]zvm64@mail.ru

Received 03.12.2020. Accepted 24.12.2020.

Abstract: The article deals with the socio-philosophical and cultural aspects of human activity in the conditions of forced interaction with information technologies and related socio-economic and psychological risks. On the one hand, there is a need to develop an information culture as one of the essential elements of the communicative interaction between various subjects of information space. On the other hand, ethnonational and other risks should be minimized, including the current situation of modern information diversity. The development of information technologies triggers new forms of criminal behavior, which shape a symbolic image of violence through manipulation and propaganda. The effectiveness of Internet crime prevention depends not only on the timeliness of the adoption of relevant legal acts, but also on the prompt response by state and law enforcement agencies to criminal activities in the information space. The new information infrastructure should be human-centered and aimed at realizing human potential and needs in order to improve the quality of life.

Keywords: information culture, identity, information infrastructure, behavioral stereotypes, digital discrimination

For citation: Zolotukhin V. M. Socio-Philosophical and Cultural Aspects of Human Activity in the Framework of Digital Reality. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2020, 4(4): 323–329. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-4-323-329>

References

1. Gritskevich T. I. Modern reforms: manageability and epistemological uncertainty. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofii*, 2007, 5(1): 60–64. (In Russ.)
2. Zubov S. A. Financial results of Russian banks in January-August 2020. *Monitoring ekonomicheskoi situatsii v Rossii: tendentsii i vyzovy sotsialno-ekonomicheskogo razvitiia*, 2020, (25): 12–19. (In Russ.)
3. Shabaturova L. N., Yatshevich O. E. Cultural peculiarities of Russian labor activity. *Humanities and Social Sciences*, 2014, (2): 156–162. (In Russ.)
4. Akhiezer A. S. Philosophical foundations of socio-cultural theory and methodology. *Voprosy Filosofii*, 2000, (9): 29–45. (In Russ.)
5. Kierkegaard S. *Fear and trembling*. Moscow: Respublika, 1993, 383. (In Russ.)
6. Levashenko A. D., Magomedova O. S. Risks of digital discrimination in the context of COVID-19. *Monitoring ekonomicheskoi situatsii v Rossii: tendentsii i vyzovy sotsialno-ekonomicheskogo razvitiia*, 2020, (21): 23–27. (In Russ.)
7. Piatigorskii A. M. *One lane philosophy*. Moscow: Progress, 1992, 155. (In Russ.)
8. Abdrakhmanova G. I., Vishnevskiy K. O., Gokhberg L. M., Demidkina O. V., Demianova A. V., Dranev Yu. Ya., Kovaleva G. G., Kotsemir M. N., Kuznetsova I. A., Kuchin I. I., Lola I. S., Ozerova O. K., Ostapkovich G. V., Ratay T. V., Ryzhikova Z. A., Streltsova E. A., Suslov A. B., Turovets Yu. V., Utyatina K. E., Fridlyanova S. Yu., Fursov K. S., Schugal N. B. *Digital economy indicators in the Russian Federation: 2020*. Moscow: NIU VShE, 360. (In Russ.)
9. Astashova N. D., Bobkova T. V. Symbolic universe of the digital economy. *Filosofiiia khoziaistva*, 2020, (5): 11–26. (In Russ.)
10. Akhremenko A. S., Stukal D. K., Petrov A. P. Network vs message in protest diffusion on social media: theoretical and data analytics perspectives. *Polis. Politicheskie issledovaniia*, 2020, (2): 73–91. (In Russ.) DOI: 10.17976/jpps/2020.02.06
11. Zolotukhin V., Zolotukhina N., Sedina N., Kozyreva M. Socio-cultural and legal aspects of interaction between representatives of different subcultures in the media space. *Fourth International Scientific Conference Communication Trends in the Post-literacy Era: Multilingualism, Multimodality, Multiculturalism*, 2020, 227–234. DOI: 10.18502/kss.v4i2.6338
12. Shchekoturova A. V., Krishtal M. I. (Re)constructing the meanings of a political act using the social network Vkontakte: the case of Ivan Golunov. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*, 2020, 29(4): 150–170. (In Russ.) DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-4-150-170
13. Ryzhova S. V. All-Russian national identity on the Orthodox-Islamic borders. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2020, (8): 51–61. (In Russ.) DOI: 10.31857/S013216250010566-5
14. Zhukova O. I., Zhukov V. D. Religious consciousness as a factor in modern human culture. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, 2017, (39): 13–18. (In Russ.)

15. Malkki L. Political elements in post-Columbine school shootings in Europe and North America. *Terrorism and Political Violence*, 2014, 26(1): 185–210. DOI: 10.1080/09546553.2014.849933
16. Sukhodolskaya Yu. V. Schoolshooting as an independent criminological phenomenon. *Vestnik Universiteta prokuratury Rossijskoj Federatsii*, 2020, (3): 117–120. (In Russ.)
17. Minaev B. Coming out of the basement. *Druzhba narodov*, 2020, (8). Available at: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2020/8/vyjdyia-iz-podvala.html> (accessed 02.11.2020). (In Russ.)
18. Vehov V. B., Pastukhov P. S. New strategies of investigation of crimes based on the provisions of electronic criminalistics. *Ex jure*, 2019, (4): 129–141. (In Russ.) DOI: 10.17072/2619-0648-2019-4-129-141
19. Marinkin D. N., Kostareva V. A. Digital proofs in criminal trial. *Journal of the Perm Institute of the FPS of Russia*, 2019, (1): 33–36. (In Russ.)
20. Kozyreva M. V., Mahalov M. S. Concepts of culture in the context of quality of life. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, (2-4): 210–213. (In Russ.)
21. Begtin I., Bertyakov A., Komin M., Parkhimovich O., Tsygankov M. *Evaluation of the openness of state information systems in Russia*. Moscow: TsPUR, 2020, 125. (In Russ.)
22. Asmolov A. G., Soldatova G. U., Maleva T. M., Sorokina S. S., Aldoshina T. L. Cross-cultural monitoring images of infogenie and pandemics. Can a political leader transcend the cultural matrix? *Monitoring ekonomicheskoi situatsii v Rossii: tendentsii i vyzovy sotsialno-ekonomicheskogo razvitiia*, 2020, (10): 138–149. (In Russ.)
23. Ellul J. Psychological effects of propaganda. *Communications. Media. Design*, 2020, 5(1): 157–200. (In Russ.)
24. Petkova T. A., Skorobogackij V. V. Synergistic nature of human capital as a factor of effective management. *Management Issues*, 2018, (5): 151–157. (In Russ.)
25. Haken H. Self-organizing society. *Synergetic paradigm. Social synergy*, eds. and comps. Astafieva O. N., Budanov V. G. Moscow: Progress-traditsiia, 2009, 350–369. (In Russ.)
26. Akhmadullin I. R. Prospects for the work-to-rule strikes in Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2020, (10): 95–105. (In Russ.) DOI: 10.31857/S013216250009284-5
27. Sergeeva O. V. The influence of digitalization on regulating precontractual relations in private international law. *Pravo. Zhurnal Vysshey Shkoly Ekonomiki*, 2020, (3): 162–184. (In Russ.) DOI: 10.17323/2072-8166.2020.3.162.184
28. Romashkina G. F., Davydenko V. A., Andrianova E. V., Khudyakova M. V., Pecherkina I. F. Human capital study: experience of empirical testing of complex tools. *Siberian Socium*, 2020, 4(3): 8–32. (In Russ.) DOI: 10.21684/2587-8484-2020-4-3-8-32

Корреляция жанра видения XIX века с протестантской и православной культурой: философско-религиоведческий анализ

Владимир Я. Лалуев^{a, b, @}

^a Сибирский государственный университет путей сообщения, Россия, г. Новосибирск

^b Новосибирский государственный педагогический университет, Россия, г. Новосибирск

@vladimir_laluev@mail.ru

Поступила в редакцию 31.10.2020. Принята к печати 02.12.2020.

Аннотация: Цель философско-религиоведческого исследования – проанализировать жанр видения, сформировавшийся в западноевропейской и русской религиозных культурах XIX века, интерес массовой аудитории к которой связан с различными видами искусства фэнтези, и решить ряд задач. Во-первых, выявить истоки жанра и дать его общую характеристику. Во-вторых, обосновать положение о том, что без философско-религиоведческого анализа визионерских опытов протестантской проповедницы Э. Г. Уайт и анонимного православного автора они могут лишиться научной объективности. В-третьих, показать, что представление людей о существовании потустороннего мира – неотъемлемый компонент образного мира, лежащего в основе любой религии как предмета комплексного изучения современного религиоведения. Для осмысления визионерских опытов Э. Г. Уайт и православного странника, воплощенных в видениях и зафиксированных в вероучительной литературе протестантизма и православия, применялись сравнительно-исторический метод, изучение информационного пласта религиоведения, онтопсихологии и текстологический анализ. Теоретической базой исследования, наряду с указанными текстами, послужили труды русских философов, культурологов и религиоведов, благодаря которым философско-религиоведческое исследование поднимается до уровня метанаучного синтеза и решает поставленные задачи. Научная новизна исследования обусловлена обращением к духовным опытам протестантизма и православия, характерным для различных конфессиональных практик, которые можно интерпретировать в философско-религиоведческом дискурсе. Жанр видения вызывает живой интерес у философов-религиоведов как феномен религиозной культуры XIX века.

Ключевые слова: духовная культура, литературный жанр, виртуализация сознания, потусторонний мир, визионерский опыт

Для цитирования: Лалуев В. Я. Корреляция жанра видения XIX века с протестантской и православной культурой: философско-религиоведческий анализ // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2020. Т. 4. № 4. С. 330–337. DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-4-330-337>

Введение

Наше время характеризуется обращением ученых, философов и религиоведов к вопросам, связанным с мистическими опытами библейских пророков, христианских подвижников, по которым имеется научная, богословская и религиоведческая литература. В этих источниках, как правило, отмечается некая недосказанность научных и религиоведческих подходов к объяснению сущности пророческих опытов пророков, подвижников и их общения с Богом, ангелами и святыми в трансцендентном мире. С одной стороны, сформировавшийся в религиозной культуре XIX в. литературный жанр видения генетически связан с интересом массовой аудитории к различным видам жанра фэнтези, а также с социально-психологическими следствиями, вытекающими из гипертрофированного присутствия произведений этого жанра в обыденном сознании. Последнее оказывается вовлечено в контекст глобальных изменений, определяющих специфику развития религиозной культуры. С другой стороны, существует мнение, что это происходит в рамках перспективы более длительной, чем проведение

досуга отдельными личностями или маргинальными группами. Все это в конечном счете говорит о том, что в философско-религиоведческом учении литературный жанр видения занимает важное место. Наличие этого факта делает изучение жанра в религиоведении актуальным.

Как показывает анализ научной и философско-религиоведческой литературы, эта тема настолько глубока, что в современном религиоведении данный вопрос почти не обсуждается [1; 2], поэтому заслуживает более тщательного исследования. Объем статьи позволяет ограничиться источниками XIX в., частично касаясь визионерских опытов библейских пророков, христианских святых и подвижников. Поэтому речь пойдет «о всеобщей виртуализации сознания» [3] и о той «трещине мира», которая проходит в «сердце поэта» (пророка-визионера) [4]. Эти же тенденции проявляются в упрощенных версиях массовой культуры, но, открепившись от религиозных корней, концентрируют духовные опыты прошлого, собранные в жанре видения, и воплощают в жизнь фантазии, казавшиеся современникам невозможными. В сугубо религиоведческом контексте

открытия подвижников, описанные в видениях, не потеряли своей значимости и по сей день.

Исследование вышеперечисленных феноменов сквозь призму конкретных явлений религиозной культуры ставит целью решение следующих задач. Во-первых, восполнить существующий на сегодняшний день пробел в понимании этого феномена духовной культуры. Во-вторых, соблюсти то требование реалистического подхода, без которого рассмотрение феномена профетизма рискует лишиться научной объективности [5]. В-третьих, объяснить, что представления человека о существовании потустороннего мира – это неотъемлемый компонент образного мира, лежащего в основе религиозной культуры как предмета комплексного изучения в современном религиоведении и культурологии [6].

Жанр видения XIX века в протестантской и православной традициях

Религиовед В. С. Глаголев считает, что вера человека в сверхъестественное определяет разделение мира на потусторонний и посюсторонний, а дихотомия *рай и ад* присутствует в его сознании и закрепляет существенные черты [7]. В этом он прав. Согласно христианским представлениям, потусторонний мир (Царство Божие) дается в награду за праведную жизнь, а посюсторонний мир (*ад*) – наказание за греховный образ жизни. В этих мирах обитают существа (ангелы, духи, силы), от которых зависит будущая участь человека.

Несмотря на различные вероучительные подходы конфессий, дифференциацию духовных ценностей и их относительный характер, религиозное сознание XIX в. строило разные модели, порожденные ожиданием перехода в иной мир. Анализ этих миропредставлений составляет неотъемлемую часть церковной иконографии, возникающей в сознании визионеров как экстагический опыт общения с Богом, ангелами и праведниками в трансцендентном мире. Эти повествования дают широкий простор для выражения социально-политических и религиозно-эстетических пристрастий авторов и показывают не столько общий вектор развития христианства, транслирующего определенное религиозное содержание, сколько определенные ценности в вероучительном творчестве христианской церкви, творения которой религиоведы и культурологи относят к жанру видения [8]. В данном жанре работали И. Сирин (VII в.), И. Флорский (XII в.), Данте и В. Легенд (XIII–XIV вв.), Я. Бёме (XVI–XVII вв.), Э. Сведенборг (XVII–XVIII в.), Э. Г. Уайт и неизвестный православный автор (XIX–XX в.).

Изображение картин потустороннего мира служило эффективным средством религиозного воспитания человека, которому внушалось чувство надежды на спасение благодаря вере в Бога и страх гибели за нераскаянные грехи. К таким духовным трудам, несомненно, относится работа протестантской писательницы Э. Г. Уайт, написанная в жанре видения и выдержавшая пять переизданий в США [9, с. 3]. При этом нельзя не признать, что исследователи паранаучных знаний относились и относятся к литературе видений и снов с предубеждением, обусловленным несколькими

причинами. Во-первых, в христианской культуре получил распространение фанатизм, сопровождающийся ложными видениями и сомнительными проявлениями потусторонних сил. Во-вторых, сам факт необъяснимых с точки зрения науки явлений вызывает недоверие к этим источникам. В-третьих, проявление гипноза, экстрасенсорных техник, пророков, гадалек, предсказателей рассчитано на то, чтобы ввести человека в заблуждение. Наконец, ложные видения, по словам Э. Г. Уайт, неверно представляют характер Бога [9, с. 4].

Цель написания своей книги пророчица Э. Г. Уайт объясняет следующим образом: «По просьбе моих дорогих друзей я согласилась сделать краткий обзор своих духовных опытов и видений в надежде, что это ободрит и укрепит смиренных и верующих детей Божьих» [9, с. 32]. Далее она констатирует, что многие христиане ее видения не принимали и выдавали за дьявольский обман, что сильно тяготило и угнетало ее дух; «находясь в смятении, [она] была искушаема усомниться в своем опыте» [9, с. 42].

С научной точки зрения обосновать жанр видения не так просто. Термин *видение* часто встречается в работах по истории религии, философии религии, филологии. Но чтобы сформулировать его атрибутивные черты, необходимо прежде всего выработать критерии относительно произведений этого рода творчества. В научной литературе накоплен богатый теоретический и эмпирический материал, предлагающий развернутую структуру специфических черт произведений жанра, его эстетических особенностей и характера документальности. Несмотря на пристальное внимание специалистов, сегодня нет строго научного определения, удовлетворяющего всех. Приемлемое определение, на наш взгляд, предложил А. Г. Тартаковский, характеризуя такие произведения как повествования, основанные на личном опыте и собственной памяти автора [10].

Это определение существенно, но не бесспорно для характеристики круга произведений, попадающих в зону философско-религиоведческого анализа. Видение можно определить как своеобразное духовное произведение, анализ которого потребует культурно-философского метода обоснования. Что нового несет в себе жанр для религиоведа? Такого рода произведения пишут далеко не все, а духовно образованные люди, способные внятно изложить то, что хотят передать другим.

Благодаря глубоко мыслящим людям, которые описывают свой индивидуальный духовный опыт, проясняется восприятие прошлого или взгляд на окружающий мир. Люди ждут от них раскрытия тайн и откровений, затрагивающих важнейшие аспекты бытия и особенно вопросы будущего. В видении раскрывается масштаб личности автора, не официальный, а сохранившийся в воспоминаниях современников. Автор может отметить такие детали реальной жизни, которые другие не способны понять, наблюдать такие явления духовной жизни, которые другие не способны видеть. К. М. Симонов, определяя достоверность такого рода произведений, подчеркивает, что автобиографические произведения дают двойной круг знаний и представлений, т. е. через автора мы, с одной стороны, воспринимаем все то,

что он видел и о чем писал, – людей и время; с другой стороны, так формируются наши представления о самом авторе: как он выглядел в собственных глазах и какими видел других людей [11].

Философско-религиоведческий анализ позволяет шире взглянуть на научно-исследовательский потенциал исследуемого жанра и, руководствуясь научным принципом М. М. Бахтина, рассмотреть его сквозь призму хронотопа. Только так можно заглянуть в прошлое и понять, кем были написаны эти духовные произведения, и выявить смысл зафиксированного в них. А. Н. Коган считает, что «у таких произведений есть только настоящее» [12]. В этом с ним можно не согласиться, учитывая, что ценности духовной культуры не только живут в настоящем, но и передают современникам социальный опыт прошлого, обеспечивают духовное общение, влияют на развитие личности и не перестают быть актуальными. Интерес к ним читателей показывает, что они выполняют все функции духовной культуры и занимают в ней достойное место.

Произведения, написанные в жанре видения, – это памятники человеческой мысли, которые отличаются аксиологическими признаниями явлений личной жизни, внутреннего мира автора, сознательным акцентированием событийного плана, содержащего то, что обычно остается в тени: причин, истоков, мотивов человеческих поступков. Они характеризуются философским анализом и отличаются от психологической прозы или интимной лирики тем, что объект постигается не в образной системе координат, а с помощью мыслительных конструкций, глубоких философских интенций и терминов, фиксирующих состояние души человека. Видение – это монолог потрясенной личности, за изложением которого кроется внутренняя диалогичность, где в качестве собеседника присутствует мыслительный образ (Бога, ангелов, праведников), с которым ведется диалог. Другими словами, литературный жанр видения представляет собой тип аутокоммуникации, столкновение идеального и реального Я, или «борьбу голоса совести с другими голосами человека» [13, с. 162].

В видении человек сталкивается с внутренним конфликтом, наличием противоположных устремлений, помыслов, чувств, конфронтацией мотивов, отражающих противоречивость человеческой личности. Автор пытается найти всему объяснение [14]. При этом склонности, ценностные ориентации, жизненные принципы рассматриваются в динамике, где каждый опыт, проблема, ситуация, история – логическое завершение пути, а не набор готовых нравственных ориентиров. Для жанра характерно экзистенциальное мироощущение, декларация одиночества личности перед лицом глобальных проблем. Человек пытается выйти за пределы привычных явлений действительности, посмотреть на себя со стороны, поднять такие вопросы бытия, которые не санкционируются идеологией: вера и сомнение, отношение к религиозным и социальным институтам, традициям, предрассудкам обыденного сознания. Жанр видения предполагает подобную проекцию, в которой автор и читатель как бы меняются

местами по законам доверительного общения, где авторская откровенность предполагает ответную откровенность.

Выделим основные характеристики жанра, обладающего богатой традицией в западноевропейской и русской культуре, и ответим на вопрос, как сочетаются в нем элементы христианских концепций и светского гуманизма и в чем состоит значение этого духовного наследия для современного человека. Э. Г. Уайт и православный автор обратились к жанру видения с тем, чтобы передать свои тревоги о состоянии мира, равнодушное отношение к жизни, возможность приобщиться к величайшей мудрости и поделиться духовным опытом. Иначе говоря, жанр дает читателям возможность изучать конкретные исторические личности по их литературному творчеству, индивидуальным особенностям и чертам той эпохи, которая их породила.

Э. Г. Уайт описывает духовный опыт веры и молитвы: «Мне неоднократно было показано, что дети Божьи пренебрегают молитвой, ... что многие не проявляют той веры, которую могут и обязаны иметь, напрасно ожидая, когда у них наконец пробудится то чувство, которое может вызвать одна лишь вера» [9, с. 92]. В этом фрагменте она отмечает интенцию, характерную для верующего человека, какой является молитва (разговор с Богом), и советует читателям, что нужно делать для того, чтобы благословения Бога наполнили душу миром. Она поясняет: «мы должны с верой вознести свои прошения, ... заявив о своих правах на обещанное благословение и исполнившись уверенности в его намерении, ибо, согласно Слову Божьему, оно безусловно принадлежат нам» [9, с. 92]. Следуя логике ее суждений, непостижимая внутренняя энергия молитвы преобразует все бытие человека, очищает душу и тело от страстей и греховных помыслов. Современная наука признает то особое влияние, которое оказывает на человека молитва Иисуса Христа *Отче Наш*.

Духовные опыты Э. Г. Уайт носят тот же характер, что и вся христианская литература: ставят задачу трансформации души человека с целью приобщения к Богу. На этом пути, естественно, встречаются разные трудности, которые человек должен преодолеть, но они служат проводниками для тех, кто стремится к совершенству. В их индивидуальном характере действует упрощенная схема познания религиозных текстов на пути к Богу, в отличие от наставлений Отцов Церкви, обсуждающих глобальные проблемы личности и учение христианства. Э. Г. Уайт отвергает «отравленность» западного рационализма, принуждающего человека к принятию логических выводов для достижения единства с Богом, и взамен предлагает молитву – надежный способ бытия в Боге.

Ссылаясь на свой визионерский опыт, Э. Г. Уайт пишет: «Я спросила у ангела, почему в Израиле [современное христианство] нет больше веры и силы. Он ответил: "Вы слишком поспешно отпускаете руку Господа. Настойчиво возносите свои моления к престолу и не сдавайтесь. Проявите твердую веру, ибо обетования непреложны. Верьте, что получите просимое, и будет вам"» [9, с. 93]. Далее ангел указал проповеднице на духовный опыт пророка Илии, который, будучи подверженным человеческим страстям, но искренне

молясь, верою переносил испытания. В заключение Э. Г. Уайт обращает внимание на совет, данный ангелом: «облекитесь во всеоружие Божие, а паче всего возьмите шит веры, и он оградит сердце и саму жизнь вашу от раскаленных стрел лукавого, взирайте на Христа и достоинства Его любви и великой милости» [9, с. 93].

Духовные опыты Э. Г. Уайт адресованы всем людям. В них библейские сюжеты, встречи с ангелами служат для того, чтобы понять себя, свои проблемы и рассказать другим всю правду жизни. Это самоанализ, характерный для западно-европейской культуры, упование на то, что ее духовный опыт поможет отогнать безнадежное отчаяние и раскрыть людям светлый образ Христа. Это попытки мысли человека вырваться за толстые стены отчаянья, показать его величие и прорыв в бессмертие. Авторы видений объединяет искренняя христианская вера, понимание смысла жизни и осмысленное отношение к превратностям судьбы, а выпавшие на долю человека удары судьбы воспринимаются как незаслуженные. Отсюда агиографические традиции и образы, которые роднят видения Э. Г. Уайт и Четы-Миней. Видения Э. Г. Уайт написаны в то время, когда многие не понимали ее духовных опытов, и она искала сочувствия у читателей. Важнейший философский вопрос о взаимоотношениях человека и мира предстает в визионерских опытах как социальная проблема *личность – общество*.

В визионерских опытах Э. Г. Уайт содержатся факты, выявляются религиозные взгляды; уровень культуры и специфика духовных опытов человека раскрываются в субъективном мировосприятии отдельных моментов будущего. Она представляет их так, как эти моменты отразились в сознании современников, и мы, не имея подобных источников, не увидели бы живых картин мира, ушедших в далекое прошлое. Их изучение показывает нам эпоху, в которую она жила в совершенно ином, неожиданном для нас ракурсе, дает объективные представления о религиозных идеалах США XIX в., воссозданных в проявлениях обыденной идеологии, менталитета и уровня духовной жизни.

Аналогичная ситуация сложилась в русской духовной культуре XIX в., когда большой популярностью у читателей пользовалось сочинение [15]. Этот стиль духовно-просветительской литературы не подчинялся требованиям литературной критики, отталкивал читателей, жаждущих религиозного просвещения. Причина такого отношения была в неприемлемом для литературного слуха языке. При всем богатстве богословских трактатов и монографий русской духовной культуры, обладающих научной ценностью, общество было лишено книг, написанных доступным литературным языком, не режущим слух образованного читателя. В русской академической литературе XIX в. переводы профессоров страдали от искусственного приспособления к выработанному стилю духовных произведений, рассчитанных на широкую публику.

Произведение «Откровенные рассказы странника Духовному своему отцу» – приятное исключение. Их анонимный автор возвысился над традиционным уровнем духовно-нравственной письменности и описал путь странника бесконечных просторов Руси, которую современное поколение не знает, той России, которой уже нет и никогда не будет. В этом произведении описывались подвижники, настойчиво искавшие истину и ради нее шедшие на край земли: они были у преподобного Сергия в Сарове и Валааме, бывали в Иркутске у святителя Иннокентия, доходили до Афона и святой Земли¹ [15, с. 310]. Это были те, кто, «не имея пребывающего града», искал будущего «духовного царства». Они не имели с собой ничего, кроме сумки сухарей, Библии за пазухой, да молитвы – духовного богатства, которое отцы-аскеты называли «умным деланием» [17], унаследованным от подвижников Египта, Синая и Афона, корни которого уходят в седую древность христианства. Это и есть то духовное богатство, которым обладали мистики всех религий, внутреннее самоуглубление, тайны сердца, помогающие понять замысел божественного плана Вселенной [15, с. 8].

Из огромных пластов духовных идей произведения останемся на молитве, с которой, в сущности, начинается духовное подвижничество в русской духовной культуре. У мистиков древности и подвижников XIX в. духовные опыты («внутреннее делание») сложились в особую науку о развитии ума и совершенствовании человека. Принципы этого «делания» заложил философ и богослов христианской церкви Климент Александрийский, молясь внутренней молитвой, для которой не требуется ни особое место, ни время (как в исламской культуре), ни церковные книги, ни молитвенные символы, ни заученные слова и звуки (как у кришнаитов). Безмолвная молитва, шепот губ – это крик сердца, посредством которого человек молится весь день и всю свою жизнь. Он не нуждался ни в храмах, ни в богослужении, его сердце не подчинялось церковному типикону.

Так в чем же смысл внутренней, самодействующей молитвы? Прежде всего, ее предназначение заключается в самоуглублении человека в божественные тайны души. Она – средство избавления от греховных помыслов, сосредоточения на переживаниях любви к Богу. Для простого человека молитва – это напоминание о божественных заповедях и отчет перед Богом, а для монахов и схимников – орудие сакрального, психотехнического, гносеологического, риторического воздействия на тело, сердце и разум, посредством которого они воспринимают божественные сущности. Молитва способствует смягчению сердца и обострению ума, во время молитвы человек проживает как бы в двух сферах: с одной стороны, участвует в реальной жизни и добывает себе хлеб, с другой – находится в непрерывном общении с Богом.

Целью молитвы является не исполнение прошений, а «чистое» созерцание Бога. Такой молитве (разговору с Богом) учили Максим Египетский и Антоний Великий,

¹ Судьба и местонахождение многих духовных книг и рукописей после закрытия Вышинской Пустыни неизвестна. Материал по духовным мемуарам см. в [16].

Иоанн Лествичник и Максим Исповедник, Исаак Сирий и Григорий Палама, Ареопагитики. Христианская культура бережно сохраняет и использует в духовной практике феномен молитвенного искусства, передавая его из поколения в поколение. Молитва – это путь не богообщения, а боговедения. Она содержит в себе глубокое гносеологическое значение и открывает в мистических мирозерцаниях то, что Отцы Церкви называли «знанием логосов-вещей», т. е. трансцендентным смыслом.

В состоянии духовной молитвы, как об этом сообщает христианская литература, подвижник, пророк или верующий человек выходит за пределы своего сознания. Он ничего не чувствует и не знает, что уже покинул этот мир и над его умом полностью доминирует Дух Святой. И. Сирий поясняет этот опыт следующим образом: «в этот момент не имеет смысла что-либо говорить, ибо человек, пророк молится "духовной молитвой", т. е. пребывает в духовном состоянии молитвы. Не молитвой молится душа, но чувством ощущая духовные вещи оного века, которые превышают понятия человеческие, уразумение которых возможно только силой Духа Святого. Это есть "умное созерцание", но не движение и не взыскание молитвы, хотя от молитвы займствовало себя начало» [18, с. 104–105]. Также он пишет: «иногда от молитвы рождается некое созерцание, и прерывает оно молитву уст, и молящийся в созерцании изумевает, цепenea телом» [18, с. 60]. Такое состояние ума он называет молитвенным созерцанием».

«В экстагическом состоянии ум выступает за пределы самого себя и прекращается всякая мыслительная деятельность и человек (пророк) возвышается до созерцания непостижимого – того, что за пределами мира смертного, и умокает в неведении всего настоящего. Это и есть неведение, о котором сказано, что оно выше ведения» [18, с. 67]. Собственно говоря, в представлениях Отцов Церкви, христианских подвижников и богословов молитва необходима для того, чтобы человек (пророк) мог предельно сконцентрироваться всей духовной энергией на трансцендентном объекте познания и Его мистическом созерцании, которое сопровождается неопишымым блаженством. «Ангелы и все духовные чины находятся в состоянии непрерывной молитвы и хвалы Богу» [18, с. 61]. В идеале к этому должны стремиться все люди, однако заботы и жизненные проблемы, включая отсутствие живой веры, не позволяют осуществить это.

Так описывает православный автор свой первый духовный опыт, данный ему в видении: «Погода была сухая, и я не захотел ночевать в деревне, а увидел в лесу два огромных стога сена и расположился под ними на ночлег. Когда заснул, вижу во сне, будто в дороге я читаю главы Антония Великого из "Добротолюбия". Вдруг догоняет меня старец и говорит: "Ты не то читаешь, вот здесь читай", и указывает на 35 главу Иоанна Карпафийского, где написано: "Иногда учивший предаётся в бесчестие и терпит искушение за тех, кто связан с ним духовно". Далее он указал мне на 41 главу, где говорилось: "Если молитву сильнее употребляют, она от страшных и свирепых искушений освобождает". Затем он стал увещавать меня, говоря: бодрствуй духом и не унывай!

Помни, что сказал апостол Иоанн: "Ибо Тот, кто в вас, больше того, кто в мире". Вот теперь ты опытно познал, что никакое искушение не допускается выше сил человеческих, но с искушением творит Бог и скорое избавление» [15, с. 63–64].

Старец поучает странника в видении, чтобы он усерднее молился и передал свой опыт другим, ссылаясь на духовные опыты святых церкви Григория Фессалонийского и Каллиста Ангеликуда, считавших, что ни умственное делание о Господе (внутренняя молитва), ни содержательное ведение (знание) не должно удерживаться в своем уме, но записываться и передаваться другим для общей пользы и любви [15, с. 64]. Общее, что объединяет протестантскую проповедницу Э. Г. Уайт и православного автора, – это духовные цели: повеление записывать свои духовные опыты и делиться с другими, несмотря на национальные или конфессиональные различия [19].

Анализ феномена молитвы и мистических опытов христианских подвижников, пророков, которые внесли весомый вклад в их обоснование, показывает, что русские видения раскрывают читателям целостное миропонимание и мироощущение, неведомое позитивному знанию. За «грубой корой вещества» видна настоящая реальность, которая обозначена духовными символами, дающими смысл вещам этого мира и наполняющими душу человека подлинной любовью к миру и природе. В молитве нет речи о мироненавистничестве, наоборот, в безыскусных духовных опытах заложен антропологический гимн любви к человеку и гуманистические идеалы.

Жанр видения создается людьми, прожившими немало лет, многое повидавшими и пережившими в жизни. Их жизненный опыт и память – главные составляющие сведений, которые содержатся в их записях. В основе автобиографических произведений лежит непосредственное впечатление об увиденном, услышанном, пережитом, однако «раскодировка» памяти не всегда бывает последовательной, причем некоторые ее уникальные «кадры» исчезают бесследно. Механизм подобной избирательности еще до конца не изучен и вряд ли будет постигнут. Известно лишь то, что перестройка памяти сопровождается частичной утратой информации, что является естественным и благодетельным процессом. Сохранение же воспоминаний в чистом непереработанном виде несовместимо с нормальным функционированием психики и восприятием нового. Мы живем, постоянно умирая и возрождаясь. Не исчезает лишь «эстафетная палочка» личного опыта [20].

Стало быть, жанр видения – это «эстафетная палочка», переданная нашему поколению для понимания духовного опыта прошлого, который не в состоянии удержать в памяти всю информацию, но оставляет для нас детали, ценные в мелких подробностях. Такого рода духовные произведения во все века были популярны, интересны и читаемы, хорошо исследованы исторически, философски и филологически. Другой важный факт, на который часто не обращают внимания, состоит в том, что визионерский опыт Э. Г. Уайт и православного странника не поддается однозначной интерпретации.

Анализ таких произведений указывает на достоверность литературного источника, стремление автора к точному воспроизведению фактов и событий, имевших место в реальной или потусторонней жизни. Динамика таких произведений, поясняет Л. Я. Гинзбург, – в свободе самовыражения и несвободе вымысла, ограниченного действительно бывшим [21, с. 133]. Отметив важнейшие атрибуты жанра видения, такие как ретроспективность и субъективность, можно сделать вывод, что далеко не всегда говорится об их достоверности и фактической точности.

Перечисленные нами черты и свойства жанра видения складываются в комплексную характеристику – репрезентативность как степень отражения личности автора, его целей и задач. Например, как ему удалось реализовать задуманное в связи со своим временем, историческим прошлым и взглядом на будущее? Иными словами, в рассмотренных примерах репрезентативность – это отражение менталитета Э. Г. Уайт и православного странника как авторов и как представителей протестантской и православной культуры. Многовековые поиски человечеством смысла жизни проявили себя в различных формах (произведениях) и поставили человека перед вечными вопросами бытия, показывая, что одним словом, суждением и глубокой философской сентенцией смысл жизни раскрыть нельзя.

Заключение

Среди тенденций, ведущих к переоценке значений духовного творчества Э. Г. Уайт и неизвестного православного автора, выявляются определенные закономерности. В культурно-антропологическом измерении меняются познавательные ориентиры, которые они описывают в видениях. Формируется новая мировоззренческая парадигма, с помощью которой человек охватывает различные стороны общественной жизни в их единстве и разнообразии. Православная культура, как и протестантская, приняв идею мистического единства с божественным миром, стала путем к вечности, который человек проходит на земле, где, по выражению С. Л. Франка, «человеческое в человеке вытесняется богочеловеческим, делая человека более человеческим». С расширением предметной области философско-религиоведческих источников, использованных в статье, становится видно продвижение новых подходов и пластов, способствующих герменевтическому прочтению текстов жанра видения. В этом, скорее всего, и есть истоки протестантской и православной духовности и их самоочевидность.

Литература

1. Яблоков И. Н. Стабильность и изменения общества: социолого-религиоведческое видение // *Религиоведение*. 2016. № 2. С. 103–111.
2. Силантьева М. В. Диффузная идентичность – современная версия гражданской идентичности // *Вестник МГИМО-Университета*. 2012. № 2. С. 173–179.
3. Силантьева М. В. Николай Бердяев, экзистенциальная диалектика и всеобщая виртуализация сознания в XXI веке // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия*. 2004. № 3. С. 30–42.
4. Кизима М. П. Трещина мира и сердце поэта: литература как предчувствие // *Первая Мировая война и судьбы европейской цивилизации* / под ред. А. С. Белоусова, А. С. Манькина. М.: Изд-во Московского университета, 2014. С. 105–121.
5. Глаголев В. С. Реализм анализа – исходное условие научной перспективности (содоклад) // *Право и управление*. XXI век. 2011. № 4. С. 12–18.
6. Яблоков И. Н. К дискуссии о современном состоянии и истории отечественного религиоведения // *Государство, религия, Церковь в России и за рубежом*. 2011. Т. 29. № 1. С. 165–172.
7. Глаголев В. С. Культурологические аспекты художественно-эстетической проблематики в современном религиоведении // *Фундаментальные проблемы культурологии*. Т. 3: *Культурная динамика* / отв. ред. Д. Л. Спивак. СПб.: Алетейя, 2008. С. 5–15.
8. Силантьева М. В. Ценностный потенциал христианства перед теоретическими вызовами современности // *Вестник РХГА*. 2009. Т. 10. № 2. С. 196–206.
9. Уайт Э. Г. Ранние произведения. Заокский: Источник жизни, 1998. 352 с.
10. Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика. М.: Наука, 1980. 312 с.
11. Симонов К. М. Не золотая середина // *Вопросы литературы*. 1971. № 6. С. 84–90.
12. Коган Л. Н. Теория культуры. Екатеринбург: УрГУ, 1993. 160 с.
13. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М.: Искусство, 1986. 444 с.
14. Глаголев В. С. Некоторые особенности соотношения слова и музыки в христианских богослужениях // *Искусство и философия: мат-лы II Междунар. конф. (Москва, 1 апреля 2012 г.)* М., 2013. С. 129–137.
15. Откровенные рассказы странника Духовному своему отцу / предисл. архим. Киприана. Козельск: Введ. Оптина Пустынь, 1991. 333 с.
16. Рогов А. И. Сведения о небольших собраниях славяно-русских рукописей в СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 300 с.
17. Макарий Оптинский (Иванов). Предостережение читающим духовные отеческие книги и желающим проходить умную Иисусову молитву // *Журнал Московской Патриархии*. 1972. № 10. 69–76.

18. Сириин И. Творения иже во святых отца нашего Аввы Исаака Сирианина, подвижника и отшельника, бывшего епископом христоролюбивого града Ниневии. 3-е изд., испр. Сергиев Посад: Тип. Св.-Тр. Сергиевой Лавры, 1911. 435 с.
19. Просвирнин А. Афон и Русская Церковь (библиография) [библ. 912] // Богословские труды. 1976. № 15. С. 185–256.
20. Профессионализм историка и идеологическая конъюнктура / отв. ред. А. К. Соколов. М.: ИРИ, 1994. 397 с.
21. Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. Л.: Художественная литература, 1977. 449 с.

original article

How the Visions Genre Correlates in the Protestant and Orthodox Christian Culture of the Nineteenth Century: a Theological and Philosophical Analysis

Vladimir Ya. Laluev^{a, b, @}^a Siberian Transport University, Russia, Novosibirsk^b Novosibirsk State Pedagogical University, Russia, Novosibirsk

@vladimir_laluev@mail.ru

Received 31.10.2020. Accepted 02.12.2020.

Abstract: The increasing interest of the mass audience to various types of fantasy art triggered an interest for the genre of religious vision, a phenomenon of the theological literature of the XIX century. The present research featured a philosophical and theological analysis of the genre of vision in the Western European and Russian religious culture of the XIX century. The research objective was to identify the origins of the genre of vision that arose in the religious culture of the XIX century and to give it a general description. The author compared the visionary experiences of the Protestant author Ellen G. White and an anonymous Orthodox author. The study helped to reveal that people's idea of the existence of the other world is an integral component of the imaginary world that underlies any religion and can be a subject of comprehensive analysis in modern theology and cultural studies. The author used the following research methods to comprehend the spiritual experiences embodied in the genre of visions and recorded in the doctrinal literature of Protestantism and Orthodoxy: the comparative historical method and the textual analysis of visionary texts, theological literature, and ontopsychological studies. The theoretical basis included various works by Russian philosophers, cultural scholars, and theologians, who elevated the visionary literature to the level of meta-scientific synthesis. The scientific novelty of the research is that it compares the spiritual experiences of Protestantism and Orthodoxy. The paper introduces a method that can be used to study other religious confessions in philosophical and religious discourse.

Keywords: spiritual culture, literary genre, mind virtualization, other world, visionary experience

For citation: Laluev V. Ya. How the Visions Genre Correlates in the Protestant and Orthodox Christian Culture of the Nineteenth Century: a Theological and Philosophical Analysis. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2020, 4(4): 330–337. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-4-330-337>

References

1. Yablokov I. N. Stability and changes in society: sociological and religious studies perspective. *Religiovedenie*, 2016, (2): 103–111. (In Russ.)
2. Silantieva M. V. Diffuse self as contemporary civil identity form. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2012, (2): 173–179. (In Russ.)
3. Silantieva M. V. Nikolai Berdyaev, existential dialectics and universal virtualization of consciousness in the XXI century. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 7. Filosofiya*, 2004, (3): 30–42. (In Russ.)
4. Kizima M. P. The crack in the world and the heart of the poet: literature as a presentiment. *The First world war and the destiny of european civilization*, eds. Belousov L. S., Manykin A. S. Moscow: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 2014, 105–121. (In Russ.)
5. Glagolev V. S. Realism of analysis – a starting precondition for scientific effectiveness. *Pravo i upravlenie. XXI vek*, 2011, (4): 12–18. (In Russ.)
6. Yablokov I. N. Discussions about the current state and history of Russian religious studies. *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, 2011, 29(1): 165–172. (In Russ.)
7. Glagolev V. S. Culturological aspects of the artistic and aesthetic problems in modern religious studies. *Fundamental problems of cultural studies. Vol. 3: Cultural dynamics*, ed. Spivak D. L. St. Petersburg: Aleteia, 2008, 5–15. (In Russ.)

8. Silantieva M. V. Value potential of Christianity in front of contemporary theoretical challenges. *Vestnik RKhGA*, 2009, 10(2): 196–206. (In Russ.)
9. White E. G. *Early works*. Zaoksky: Istochnik zhizni, 1998, 352. (In Russ.)
10. Tartakovskii A. G. *1812 and Russian memoirs*. Moscow: Nauka, 1980, 312. (In Russ.)
11. Simonov K. M. Not the golden mean. *Voprosy literatury*, 1971, (6): 84–90. (In Russ.)
12. Kogan L. N. *The theory of culture*. Ekaterinburg: UrGU, 1993, 160. (In Russ.)
13. Bakhtin M. M. *Aesthetics of verbal creativity*, 2nd ed. Moscow: Iskusstvo, 1986, 444. (In Russ.)
14. Glagolev V. S. Some features of the ratio of words and music in Christian services. *Art and philosophy: Proc. II Intern. Conf.*, Moscow, April 1, 2012. Moscow, 2013, 129–137. (In Russ.)
15. *The frank stories of the pilgrim to his spiritual father, foreword*. Archimandrite Cyprian. Kozelsk: Vved. Optina Pustyn, 1991, 333. (In Russ.)
16. Rogov A. I. *Information about small collections of Slavic-Russian manuscripts in the USSR*. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1962, 300. (In Russ.)
17. Makarii Optinskii (Ivanov). A warning to those who read spiritual books by Church Fathers and who want to go through the smart Jesus Prayer. *Zhurnal Moskovskoi Patriarkhii*, 1972, (10): 69–76. (In Russ.)
18. Sirin I. *Creations of our Holy Father Abba Isaac the Syrian, an ascetic and hermit, who was the Bishop of the Christ-loving city of Nineveh*, 3rd ed. Sergiev Posad: Tip. Sv.-Tr. Sergievoi Lavry, 1911, 435. (In Russ.)
19. Prosvirnin A. Athos and the Russian Church (bibliography) [bibl. 912]. *Bogoslovskie trudy*, 1976, (15): 185–256. (In Russ.)
20. *Historian professionalism and ideological situation*, ed. Sokolov A. K. Moscow: IRI, 1994, 397. (In Russ.)
21. Ginzburg L. Ia. *On the psychology of prose*. Leningrad: Khudozhestvennaia literatura, 1977, 449. (In Russ.)

Онтологические аспекты власти в западноевропейском дискурсе

Мария Ю. Яцевич^{а, @}

^а Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачева, Россия, г. Кемерово,

@ maria762003@list.ru

Поступила в редакцию 28.10.2020. Принята к печати 23.11.2020.

Аннотация: В статье исследуются онтологические основания власти, характерные для различных концептуальных подходов, сложившихся в западноевропейском философском дискурсе. Анализируются сущностные характеристики власти в рамках классической и неклассической парадигм, раскрывается взаимосвязь ее онтологических принципов с социальной практикой в различные исторические периоды. В классической рационалистической картине мира власть наделяется метафизическими свойствами, что обеспечивает ей трансцендентный статус и этические характеристики. Власть соотносится с такими концептами, как благо, иерархия, долг, порядок, закон, справедливость. Данный дискурс представил власть как категорию онтологического порядка, причастную Абсолюту, и способствовал развитию в социальной практике ее институциональных форм, управленческих стратегий на основе контроля, подчинения, принуждения. Неклассическая парадигма выдвинула представление о власти как о проявлении иррациональности человеческой психики. В условиях критики логоцентризма философы волюнтаристской онтологии представляют власть как категорию антропологического дискурса. Ее основные свойства определяются через понятия универсальности, иррациональности, субъектности, тотальности, вездесущности и прочие. Власть лишается своего трансцендентного статуса и этического характера, традиционно обеспечивавшего ей легитимность в обществе, но обретает свойства всеобщности и имманентности человеческой природе в бессознательных структурах психики. В социальной практике трансформация принципов власти обусловила развитие новых способов осуществления власти, социальных институтов и способов их функционирования.

Ключевые слова: социальные практики, рационализм, иррационализм, логоцентризм, метадискурс, социальная онтология, модернизм, постмодернизм

Для цитирования: Яцевич М. Ю. Онтологические аспекты власти в западноевропейском дискурсе // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2020. Т. 4. № 4. С. 338–345. DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-4-338-345>

Введение

Проблема власти в современных исследованиях традиционно является одной из ключевых, затрагивающих все основные сферы жизни общества. В последние десятилетия феномену власти посвящен широкий спектр разработок, которые ведутся в различных областях современной науки. С одной стороны, это связано с глобальными изменениями, происходящими в социальной практике (экономике, политике, правовой сфере), развитием новых механизмов властвования и принципов функционирования властных институтов. Но во многом потребность в многостороннем постижении власти обусловлена теоретико-методологическим разнообразием трактовок данного феномена, сформировавшихся в условиях современной системы знаний. Оба фактора имеют общую интеллектуальную основу и являются следствием развития логико-мировоззренческих установок, характерных для определенных исторических эпох.

Так, в аналитике (дискурсе) власти на сегодняшний день наиболее четко выделяются две основные тенденции. Первая, наиболее влиятельная в социальной теории на начало XX в., разработана в классической рационалистической парадигме. Другая, набирающая свою популярность во второй половине XX в., – неклассическая модель

экспликации власти – основана на работах философов неклассической традиции.

В социальной онтологии власть является системообразующим принципом, фактором изменения и стабилизации, механизмом влияния и упорядочения межличностных отношений. В современных исследованиях власть чаще всего рассматривается в прикладном ракурсе (в юриспруденции, менеджменте, политологии, социологии, педагогике, психологии). Особое значение имеют работы в области философского осмысления феномена власти, где в основном мыслители обращают внимание на особенности осуществления власти в обществе, ее институциональные особенности либо эксплицируют ее психологические основания [1–8].

Исследование структурных, функциональных и методологических аспектов феномена власти остается важным и необходимым в системе современного знания. Но в условиях многообразия и изменчивости теоретических и мировоззренческих предпосылок в современной системе знания актуализируется потребность в изучении онтологических оснований власти, характерных для ключевых подходов в социально-теоретических воззрениях западноевропейских мыслителей.

Феномен власти в классической рационалистической картине мира

Феномен власти весьма многогранен и имеет длительную историю в философии. Одними из первых, кто обратился к описанию и изучению власти, были античные философы, которые рассматривали ее истоки и проявление в социуме с позиции метафизики. В целом власть для них являлась эманацией абсолютного принципа, идеального начала, обеспечивающего гармонию в мире.

Античные греческие мыслители от Гераклита до Аристотеля стали основателями подхода, где власть трактуется как отношения *господства – подчинения* и обусловлена существованием метамира с едиными и неизменными законами бытия. Процессы, протекающие в социальной реальности, объяснялись детерминацией метафизического принципа, который определяет стремление людей к упорядоченности, поддержанию субординации, подчинению закону (как мировому Логосу) и приверженности рационально обоснованным способам существования. Власть здесь позиционируется как категория онтологического порядка, воплощающая общий принцип мирового устройства в системе социальных отношений. В данной парадигме метафизическое пространство как сфера, иницирующая принцип власти, рассматривается как реальность должного, рационального, совершенного, благого. Власть наделяется свойствами «идеального» мира и причастности к «должному» порядку вещей. Такого рода эссенциалистская модель власти представлена как отношения, характерные для апейрона и природных стихий у Анаксимандра, связь между числами и вещами у Пифагора, Логосом (общим) и вещами (элементами) у Гераклита, «миром идей» и «миром вещей» у Платона, а также «формой» и «материей» у Аристотеля [9; 10].

В этой логике принцип власти описан как общее основание устройства мира, детерминирующее связь субстанции и акциденции, идеального и материального, природы и общества, общества и индивида. Мироздание представляется здесь как единая система, результат эманации совершенного начала, определяющая для всего сущего принцип соподчинения и иерархии как образец бытия, идеальный Космос. Социальная реальность понимается как результат реализации в ней метафизических принципов логики, иерархии, порядка, соподчинения низшего высшему. Соответствие метафизическому порядку стало критерием законности, справедливости, разумности, правильности и блага в общественной практике.

Таким образом, принцип властных отношений проецируется на бытие в целом как законы природы и отношения в государстве. В этом аспекте иерархично устроенное общество, централизованная организация социальных институтов понимается как реализация метафизических этических принципов: Справедливости, Истины, Гармонии, Блага. Отсюда следует, что государство, подчиняющееся принципу иерархии и управляемое с помощью законов,

является лучшей формой разумной организации социальных отношений, наиболее приближенной к устройству совершенного метамира. По мысли Аристотеля, социальные отношения являются проявлением естественной склонности человека к гармоничному, разумному сосуществованию на основе модели *господства – подчинения* и поддержания иерархичного устройства [9].

Мы видим, что уже в первых философских концепциях формируется классическая модель понимания сущности власти как фундаментального принципа мироустройства, рационального закона организации общественной жизни на основе доминирования. Власть оформляется как онтологический принцип, имеющий этическую и логическую подоплеку. Законы Вселенной и правила общественной жизни едины, этически оправданы и рационально объяснимы. И если власть является воплощением метафизического морального закона, следовательно, быть разумным и добродетельным значит подчиняться существующей власти. В связи с этим постижение человеком посредством разума законов устройства мира, воплощенных в Истине, Благости, Красоте, делает его причастным к идеальному миру, гармоничному Космосу (Платон). Познание предполагает интеллектуальное восхождение по иерархической конструкции идеального мира при обязательном условии рационально-критического поиска истины, рефлексивного погружения в глубины собственной души и этического самосовершенствования. По Платону, процесс рационального постижения мира предполагает не только теоретическое познание его законов, но и духовное преображение. Платоновское учение о трехчастной душе, где разум должен доминировать над аффектами и страстями, ориентирует на развитие навыков самодисциплины и диктует необходимость осознанного (познанного) подчинения нравственным установкам [10]. Феномен власти в греческой традиции является не только выражением механизма социального подчинения, но и важным принципом этически оправданного и рационального мироустройства, постижение которого позволяет человеку осознанно управлять собственными страстями и гармонично обустроить общество на основе знания моральных законов.

В традиции средневековой мысли классический дискурс получает свое развитие. Метафизическое обоснование власти становится еще более отчетливым в христианской традиции. Библийское учение все более углубляет мысль об иерархичности Мира Небесного, опираясь на идею Божественного провидения. Идея власти здесь оформляется как проявление Высшего Закона и реализация плана спасения человечества («нет власти не от Бога, существующие власти установлены Богом»¹) [8]. Власть получает сакральный смысл и становится священной. При этом подчинение человека властным институтам (церкви, светским административным структурам) определяется как необходимое условие спасения души. Особую значимость приобретает наблюдение за содержимым собственного сознания (практика исповеди,

¹ К Римлянам. Гл. 13. Стих: 1.

молитвы) как условие внутреннего совершенствования и подчинения Божественному порядку. Внимание к мистическим практикам, трансцендентному аспекту в духовной жизни индивида стимулирует развитие внутренних потребностей к самодисциплине, но и предписывает абсолютную значимость внешнего регулятивного начала, ориентированного на подчинение церкви и властным институтам.

Важную роль в этих обстоятельствах сыграл логоцентризм средневековой схоластики, обосновывающий внешнюю упорядоченность и рациональность проявления власти, что во многом способствовало подробной разработке ее институциональных форм и инициировало новые управленческие стратегии [11]. Ответственности властей предписывается создание системы подчинения индивида законам церковным и светским, а также их формализация. В социальной реальности зачастую это происходило в виде жесткой централизации церковных институтов, увеличения роли административных структур, механизмов контроля и принуждения (принцип феодального вассалитета, усиление папской власти, разветвленность иерархической структуры католической церкви, умножение налогового бремени и т. д.).

Практика подчинения церковной власти, предполагающей смирение и принятие существующего метафизического порядка, является основой духовной жизни индивида, реализуется в политических проектах и охватывает собой все социальные процессы. Власть в обществе Средневековья является уже не просто отвлеченным метафизическим принципом, но получает сакральное значение, прочно утверждая свой этический и юридический статус, подкрепленный системой экзистенциальных ориентиров и религиозных практик. В этих условиях рождаются новые модели поведения, которые, с одной стороны, определяют свободу человека в духовном пространстве, но с другой – предписывают необходимость полного послушания, подчинение авторитетам и следование строгим канонам церковных и государственных властей.

Так, основанием власти в обществе Средневековья являлась классическая онтологическая модель, апеллирующая к совершенному метамиру «должного» как господствующему над миром «существующего». Но в рамках данной парадигмы средневековые властные институты наделялись полномочиями не только структурировать реальность общества, определять модели социальных отношений, юридические нормы, политические практики, но и наделять смыслом социальные коммуникации и контролировать духовную жизнь индивида, его внутренний мир.

Новые оттенки образа власти в средневековой мысли в дальнейшем подготовили почву для ориентации европейцев, с одной стороны, на важность принципов легитимности в социальном управлении, значимость теоретической обоснованности политических проектов, наличие достаточных юридических полномочий для правления и необходимость нормативного регулирования социальными процессами. С другой стороны, способствовали формированию принципа власти как морального основания, где отношения *господства – подчинения* получают свою полную легитимность

и принятие обществом только при условии этической обоснованности действий правящих элит. Власть становится системообразующим социальным фактором, предписывающей инстанцией как на духовно-интеллектуальном уровне, так и на практическом. Власть закрепляет за собой нормативную функцию, инициируя эпистемологические, правовые, экономические процессы, определяет традиции, культурные и коммуникативные особенности жизни общества, а также желательные для нее свойства личности [12].

Определенные коррективы в представление о власти внесла пантеистическая онтология XV–XVI вв., когда положение «Все есть Бог» становится фундаментальным, определившим разрушение иерархичной и централизованной модели мироздания. Положение о трансцендентном Боге-личности как творце, выступающем источником блага и абсолютным гарантом порядка и справедливости, постепенно утрачивает свое значение в мировоззрении европейцев. Бог становится тождественным миру, а мир – частным проявлением Бога – бесконечного максимума. Так, в учении Н. Кузанского рационализированная и математизированная Божественная сущность рассеивается в материальной Вселенной, проявляясь лишь в законах природы и в человеческом разуме. «Бытие Бога в мире есть не что иное, как бытие мира в Боге» – полагает Николай Кузанский. Используя в своем учении математические принципы, он пришел к выводу, что Вселенная – это глобальная машина, которая как бы имеет повсюду центр и нигде окружность, ибо «ее окружность и центр есть Бог, который всюду и нигде» [12, с. 134]. Такого рода онтология повлекла за собой постепенное становление децентрированной концепции мироустройства, формирование новой модели социального бытия и его управления. Постепенно отходит на второй план представление о власти как проявлении воли сакральной этической сущности – Бога. В мире механического единства и «слепых» математических правил возникает необходимость в создании строгих прагматичных законов осуществления власти, механизмов социального регулирования и моделей межличностного взаимодействия [13].

Оформление и укрепление пантеистической децентрированной онтологии в Новое время заставляет переосмыслить традиционные основания реальности, обращаясь к новым гарантам бытия и стабильности. И в данной системе описания мира первичной онтологической единицей становится разумный субъект – носитель сознания и мыслящая субстанция. На этом фоне социальная реальность, некогда структурированная трансцендентной божественной сущностью, раскалывается на множество автономных, самодостаточных индивидов-субстанций, реализующих свои субъективные намерения в познании, социальных практиках и властных отношениях (Р. Декарт, Дж. Беркли, Г. Лейбниц). Принципом объединения автономных индивидов, субъектов действия теперь становится прагматическая выгода, а идеалом общества – отлаженный механизм рационально функционирующего государства (Т. Гоббс, Д. Локк) [8].

В результате новоевропейская парадигма инициировала деонтологизацию и десакрализацию власти, лишив

ее традиционных иерархических принципов и этическое-онтологического основания. Власть в обществе должна быть «результатом разумного соглашения», полагал Дж. Локк [14]. Каждый свободный человек является носителем власти и реализует ее путем осознанного и свободного делегирования своих полномочий публичным институтам. Подчинение законно избранным властям позиционируется как свободное рациональное действие гражданина и основополагающее условие разумной социальной практики, направленной на получение выгоды от совместных действий. Понимание власти переводится из области метафизического в сферу прагматического и рассматривается как инструмент для формирования взаимовыгодных межличностных коммуникаций, интересубъективного взаимодействия. Индивид одновременно становится и субъектом, и объектом управления, что ставит его в ситуацию выбора цели, способов, процедур организации собственного бытия.

В качестве важнейших критериев власти определяются требования разумной необходимости и полезности. Власть легитимируется публичными процедурами и опирается на автономию индивида. Обсуждение управленческих решений, требование обоснованности действий, прагматизм и реализация потребностей индивида становятся системообразующими принципами осуществления власти в западном обществе. При этом правовые нормы и способы организации общественной жизни требуют новых концептуальных форм. В центр социально-философского и политического дискурса помещаются такие категории, как свобода, права человека, справедливость, равенство, прогресс, собственность. Оформление соответствующего концептуального аппарата способствовало развитию новых явлений и процессов в обществе: распространение республиканского правления и демократических политических режимов в европейских государствах, реализация принципа разделения властей, признание неотъемлемости свобод и прав индивида, развитие рыночной экономики и др.

В новоевропейской традиции власть утрачивает свое метафизическое значение и этическую подоплеку и становится способом организационного воздействия на автономного разумного индивида в системе государственного управления. Власть рассматривается как проявление субъективности, вариант упорядоченной и прагматичной деятельности индивида, который включен в систему различных отношений в условиях государственного управления. Представления об автономности индивида в комплексе с социокультурными изменениями инициировали впоследствии оформление функционального представления о власти как «обобщенного посредника» отношений в обществе (что делает ее схожей с денежными отношениями) [3].

В этих обстоятельствах феномен власти позиционируется как *инструмент, функция* определенных структур, направленная на упорядочение социального мира с целью реализации прав индивида. В общественном сознании власть обретает свою легитимность при условии наличия рационального контракта (взаимовыгодного соглашения индивида с государством), строгих правовых норм,

актуализируется в публичном пространстве, которое становится предельно институализированным и регламентируется юридическими процедурами. Право на власть становится формально возможным только с одобрения индивидов, институтов гражданского общества и поддержки влиятельными социальными группами. Это должно было способствовать укреплению границ, удерживающих распространение влияния государства, и направить его деятельность на удовлетворение интересов и потребностей отдельного индивида.

При всей очевидной трансформации принципа власти в эпоху Нового времени классический метафизический дискурс продолжает оказывать существенное влияние на социальные теории и играет значительную роль в европейской общественной практике. Данная парадигма, наделяя власть особым абсолютным статусом, обуславливает необходимость ее актуализации и за пределами государственных институтов. Власть все больше начинает претендовать на управление сознанием индивида в интересах государства или определенных социальных структур с помощью различных способов воздействия, в том числе, как считает М. Фуко, посредством эпистемологических практик и комплексов *власть – знание* [6]. Эта тенденция проявила себя в форме классических политических идеологий, которые начинают активно реализовывать свои тотальные претензии на власть посредством внедрения в коммуникативные процессы соответствующих ценностных установок, образцов поведения и нормативных предписаний [15]. Такого рода процессы повлекли за собой унификацию и стандартизацию мышления, рост бюрократизации, увеличение форм контроля, процедур подчинения и усиления дисциплинарных практик. В целом это способствовало усилению государства и увеличению способов его воздействия на сознание и деятельность индивидов.

При этом государство рассматривалось как гарант разумного осуществления власти, результат общественного консенсуса и носитель легитимной власти. Именно в обществе модерна государство присваивает себе исключительное право на власть, используя различные способы принуждения индивида к определенному типу мышления, образу жизни, стилю поведения, через которые и транслируется модель *господства – подчинения* [6].

В таких обстоятельствах архетип власти *господства – подчинения* не уместается в строго отведенных для него рамках *государства – ночного сторожа* и стремится актуализоваться во всех сферах социального сознания, проникая на различные уровни и формы социального пространства (повседневность, культуру, искусство, образование и т. д.). Таким образом, власть, лишенная единых, онтологически определенных универсальных норм и моральных принципов, утверждает себя с помощью утилитарных (экономических) целей и смыслов, ориентированных на выгоду и пользу властвующей элиты. В данном контексте уместно вспомнить мысль К. Маркса и Ф. Энгельса о том, что власть напрямую связана с экономическим интересом, а господствующий класс собственников – есть само государство [2, с. 278–333].

Неклассическая традиция понимания феномена власти

Отрицание метафизики власти было доведено до своего логического конца в иррационализме XIX в. и постмодернистской философии. Ф. Ницше впервые рассматривает феномен власти как «волю к жизни», «потребность обладать», «слепое стремление», присущее изначально человеческой природе. «Везде, где находил я живое, находил я и волю к власти» [16, с. 82]. По его мнению, вся деятельность человека пронизана «жаждой жизни», которая реализуется во всех формах духовных практик: в познании, стремлении к истине, свободе, справедливости, добродетели, и даже проявления терпимости, покорности, любви, веры, чувства долга, а также создание всевозможных идеалов – все это есть «замаскированные виды воли к власти» [16, с. 275]. Власть присутствует во всех актах доминирования и повелевания и не имеет ограничений. Она есть естественное проявление самой Воли и независима от человека. Власть не контролируема и не упорядочена, она не делит социальную реальность на объект или субъект. Власть есть само нераздельное бытие и проявляется во всех сферах межличностных отношений через порыв, действие, желание и мысль индивида.

Ф. Ницше одним из первых инициирует деконструкцию классической логоцентрической модели власти. Это дало дополнительный интеллектуальный толчок дальнейшей процедуре децентрирования власти, стало поводом для лишения закрепленной за ней рациональности, иерархичности и связи с конкретными социальными структурами. Власть не подотчетна рациональным критериям, она не имеет морального свойства. Моральные ценности и смыслы, по мнению Ф. Ницше, есть сугубо человеческие, субъективные и относительные категории, необходимые для утверждения власти в обществе [16]. М. Вебер видит в этом становление принципа власти как возможности проводить внутри социальных отношений собственную волю субъекта вопреки внешнему сопротивлению и независимо от того, на что опирается такая возможность [4, с. 75].

В начале XX в. неклассическая традиция понимания феномена власти развивается в рамках психоанализа. В учениях З. Фрейда, Р. Райха, Э. Фромма власть предстает как свойство психики человека, связанное преимущественно с иррациональными бессознательными процессами [17; 18]. Власть связывается со стремлением человека к удовольствию и соотносится с наслаждением от обладания. В то же время власть – это ресурс господствующего общественного порядка, который несет в себе репрессивное начало для индивида, ограничивая его инстинкты и приспособляя его к социально приемлемым стандартам поведения (Власть Отца) [17].

Власть предстает здесь как категория антропологии, характеризующая субъективное бытие, процессы и механизмы, лежащие за гранью осознаваемого. Слово, язык, знак рассматриваются как способы проявления власти и ее утверждения в сознании индивида при помощи дискурсивных структур (Ж. Лакан, Р. Барт, Л. Альтюссер). Любые формы выражения мысли, укорененные в языке,

рассматриваются как проявления символических структур, необходимых для распространения в обществе определенного набора правил. Знаковые системы (идеологические дискурсы) формируют определенный социальный порядок, инициируют практики и обеспечивают функционирование социальных институтов [19]. Соответственно, власть в ее языковой форме – способ структурирования элементов внутреннего мира индивида на основе определенных социокультурных стандартов.

Продолжая линию волюнтаризма и психоанализа, постмодернисты деконструируют рационалистические параметры власти. В теории постмодернизма «положение асимметрии и оппозиции подвергается критике: власть – не отношения власти одного субъекта (группы) над другим, а и тот, и другой являются уже продуктом власти и представляют собой элементы в ее конструкции, в ее целом» [7, с. 40]. Власть обретает свойства вездесущности и универсальности. Тотальная власть, лишённая метафизического статуса и рационального мотива, не локализована в определенных социальных структурах, не иерархична, не имеет причин для собственного существования и этически нейтральна, не вытекает из отношений между индивидами, но присутствует во всех формах межличностного взаимодействия. М. Фуко в своих исследованиях подчеркивает, что власть пронизывает собой все, она «разлита» везде и присутствует во всех формах межличностных коммуникаций [6]. «Вездесущность власти: не потому вовсе, что она будто бы обладает привилегией перегруппировывать все под своим непобедимым единством, но потому, что она производит себя в каждое мгновение в любой точке или, скорее, – в любом отношении от одной точки к другой» [6, с. 192]. «Власть приходит снизу; это значит, что в основании отношений власти... не существует никакой бинарной и глобальной оппозиции между господствующими и теми, над кем господствуют... скорее следует предположить, что множественные отношения силы, которые... действуют в аппаратах производства, в семье, в ограниченных группах, в институтах, служат опорой для обширных последствий расщепления, которые пронизывают все целое социального тела» [6, с. 193]. Различные формы взаимодействия индивидов (язык, эпистемологические практики), а также социальные институты: семья, модель управления, политические структуры, экспертное сообщество, коррекционные и образовательные учреждения – являются следствием кристаллизации бессознательных импульсов, потребности владеть и желания доминировать, которые оформляются на основе определенных логико-мировоззренческих установок, доминирующих в обществе. Следовательно, власть – это феномен иррациональный и, скорее, имманентный психике человека, чем трансцендентный и сугубо социальный.

В целом для мыслителей-постмодернистов постижение сущности власти уже не представляется важнейшей задачей (эссенциалистская парадигма, как известно, безжалостно отбрасывается философами этого поколения), но более значимым становится прояснить собственно ее *явление* через язык, психические процессы, социально

значимые идеи, историю; обнаружить ее функционирование в сетях социальных связей, политических и экономических институтах; осмыслить особенность ее существования в культуре, познании, науке, коммуникациях (Р. Барт, М. Фуко, Г. Маркузе, Ж. Лакан, С. Жижек, Ж. Делез, Ж. Ф. Лиотар, Ж. Бодрийяр) [1]. Для постмодернистов природа власти коренится в самой сущности человека (но при этом не зависит от него), который стремится осознавать свое существование, предписывая смысл и значение социальным практикам и человеческим поступкам. Отсюда следует, что человечеству придется признать реальность власти на уровне всех видов человеческой деятельности и научиться жить в мире «вездесущей» иррациональной власти, одновременно разоблачая ее проявления в событиях политики, экономики, права, межличностных коммуникациях и создавая условия для нивелирования ее негативных эффектов.

Таким образом, власть уже не просто воздействует на индивида посредством социально-экономических или юридических рычагов давления и принуждения, но «оккупирует» духовную реальность и «встраивается» в ментальные процессы индивида. Индивид зависит от власти на уровне своих желаний. Как подчеркивал Г. Маркузе, индивид, находящийся под властью идеологии «общества потребления», формирует свои желания в зависимости от того, что является желательным для власти [21]. Человеческому сознанию предписываются модусы существования, которые позволяют интегрировать его в такую систему отношений, где он освобождается от свободы выбора, ответственности, взамен предлагая готовые мыслительные и эмоциональные шаблоны, необходимые для реализации целей и задач властных структур.

В этих обстоятельствах власть становится функцией, средством для достижения господствующего положения ее акторов. Появляются новые стратегии, методы и механизмы осуществления власти: манипулирование сознанием при помощи СМИ, использование научных и псевдонаучных идей, гуманитарных технологий и др. Это позволяет власти проникать на все уровни социальной реальности (экономику, культуру, повседневность, межличностные коммуникации, систему образования, науку) и контролировать ее основные процессы.

Данная стратегия осмысления власти являлась попыткой преодолеть ситуацию кризиса, охватившего общество в середине XX в., как на мировоззренческом, так и практическом уровнях. Кардинальная трансформация социальной реальности, разрушение традиционных социальных институтов и ментальных установок привели к появлению новых форм коммуникации и способов их организации, таких как СМИ, агрессивные социальные технологии, экономические способы воздействия и др. В современной социокультурной реальности власть реализуется в новых формах: не демонстрируя свои методы и средства воздействия, скрывая механизмы манипулирования и маскируя свои истинные намерения и цели.

Постмодернизм, признавая неустранимость и тотальность власти, проявляющуюся в различных социальных

процессах и интеллектуальных формах, все же пронизан надеждой на то, что отсутствие субстанциональности власти приведет к ее «размыванию» и перестанет угрожать индивидуальности и свободе личности. Но при этом инстинктивные потребности власти, желания могут быть сублимированы, переведены в приемлемые формы и актуализированы в областях культуры и свободного творчества.

Заключение

Западноевропейская традиция реализовала две противоположные концепции понимания власти. Первая, классическая, развивается в античной, средневековой, новоевропейской философии и основана на логоцентрической картине мира и метафизике рационализма. Феномен власти в этот период соотносится с логикой существования мира, сопоставляется с благом, справедливым законом социальной жизни, наделяется высшим смыслом и позиционируется в качестве основы организации межличностных связей. Власть оформляется как принцип *господства – подчинения*, выражение гармонии, справедливости, высшего порядка и морального закона в системе иерархично устроенного мироздания. Концепт власти получает в этот период свое онтологическое и этическое обоснование, что наделяет его значимостью как в социальном, так и в моральном контекстах. Власть имеет здесь метафизический статус, соотносится с Абсолютом, имеет высший смысл, ценность и этическое измерение. Рациональность власти является критерием ее легитимности, социальные структуры определяются как носители властных полномочий, необходимые для управления и контроля над индивидом с целью его морального усовершенствования.

Классический дискурс власти, со времен античности укорененный в европейском сознании и длительное время наделявший смыслом социальные практики, оказывает свое влияние на интерпретацию и осуществление власти в реальности современного социума. Принцип власти, получив свое метафизическое и сакральное обоснование в прошлых эпохах, прочно утвердился в мировосприятии европейцев в виде архетипа, проявляющегося в ожидании единых морально обоснованных правил, повсеместном использовании модели отношений *господства – подчинения*, структурировании социальных практик на основе общезначимых абсолютных целей и др.

В рамках новоевропейского общества наблюдается зарождение альтернативного неклассического подхода к пониманию власти, где появляются предпосылки для раскрытия ее новых свойств и оснований. Процедура деонтологизации («конца трансцендентного») и децентрализации мира позволила выдвинуть на первый план реальность субъективного бытия, что послужило причиной для нивелирования связи феномена власти с метафизическим объективным миром, лишая власть онтологической платформы и этической подоплеки. В неклассической традиции, которая свое наиболее развернутое обоснование получает в современных теориях, власти «отказано» в укорененности в реальности трансцендентного, но уже

сама власть является источником реальности, порождая объекты познания и способы их постижения.

Власть здесь предстает в своей универсальности и проявляется в различных формах человеческого бытия: «субъекта, принимающего решения» и «системы, распределяющей власть» [22]. Вездесущность власти определяет ее бытие везде, во всех «клеточках» социальной жизни и на всех уровнях субъектности. Власть «располагается» в психике личности, в духовном пространстве общества (проявляясь через миф, искусство, религию, философию), в государственных организациях, международных институтах, обнаруживает себя в инструментах и технологиях управления и контроля.

В рамках неклассической традиции обнаруживаются иррациональные характеристики власти, она становится свойством человеческой субъективности, проявляется в форме бессознательных желаний, господствующих мотивов поведения, существует в языковых структурах, дискурсивных практиках, социальных и гносеологических «ритуалах» и т. д. В рамках данного подхода власть рассматривается как антропологический феномен, обладающий изменчивыми формами, соотносимыми с различными культурно-

историческими типами. В социальной практике данный дискурс стал одной из детерминаций новой политической реальности современного общества.

В современном обществе, характеризующемся многообразием противоречивых и разнонаправленных теоретических и социально-практических трендов, заметно присутствие и влияние на социальную практику как классического (рационалистического), так и неклассического (иррационалистического) дискурсов власти. Классическая модель власти продолжает определять целостность, упорядоченность и легитимность властных структур, обеспечивая иерархичность общественных институтов и рациональную оформленность системы управления. Неклассический дискурс в современном мире также является важнейшим ориентиром для осуществления новых форм социального и межличностного взаимодействия, обеспечивающих увеличение свободы в коммуникации индивидов, расширение способов идентификации и форм самовыражения. В целом на теоретическом уровне это обеспечивает развитие многообразия социальных институтов и способов осуществления деятельности во всех сферах жизни человека и общества.

Литература

1. Яцевич М. Ю. Концепт власти как фактор формирования социальной онтологии // Труды Новосибирского государственного архитектурно-строительного университета. 2016. Т. 19. № 3. С. 220–228.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Сочинения. 2-е изд. М.: Политиздат, 1955. Т. 3. С. 7–544.
3. Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // THESIS. № 2. С. 94–122.
4. Вебер М. Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994. 702 с.
5. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М.: Наука, 1992. 176 с.
6. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Касталь, 1996. 448 с.
7. Калимуллина Н. Р. Особенности определения феномена власти в традиции философии постмодернизма // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 338. С. 39–41.
8. Бенетон Ф. Введение в политическую науку. М.: Весь мир, 2002. 368 с.
9. Аристотель. Политика // Сочинения. М.: Мысль, 1983. Т. 4. С. 375–644.
10. Платон. Государство. М.: Наука, 2005. 294 с.
11. Петров Н. И. Микрофизика власти и схоластическая культура // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2011. Т. 4. № 1. С. 252–257.
12. Кузанский Н. Сочинения. М.: Мысль, 1979. Т. 1. 488 с.
13. Латур Б. Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2006. 296 с.
14. Локк Дж. Два трактата о правлении // Сочинения. М.: Мысль, 1988. Т. 3. С. 135–406.
15. Манхейм К. Идеология и утопия // Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. С. 7–276.
16. Ницше Ф. Сочинения. М.: Мысль, 1990, Т. 2. 830 с.
17. Черных С. С. Психологический анализ метафизических основ власти: З. Фрейд, А. Кожев // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2015. № 3. С. 27–32. DOI: 10.18522/0321-3056-2015-3-27-32
18. Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя. М.: АСТ, 2019. 286 с.
19. Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства (замечки для исследования) // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2011. № 3. С. 159–175.
20. Льюкс С. Власть: Радикальный взгляд. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей шк. экономики, 2010. 240 с.
21. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества. М.: АСТ, 2002. 526 с.
22. Bell D. V. J. Power, influence and authority: An essays in political linguistics. Oxford: Oxford University Press, 1975. XXI+131 p.

Ontological Aspects of Power in Western European Discourse

Maria Yu. Yatsevich^{a, @}

^a T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, Russia, Kemerovo

@ maria762003@list.ru

Received 28.10.2020. Accepted 23.11.2020.

Abstract: The article explores the ontological foundations of power in Western European philosophical discourse. The author analyzed essential characteristics of power within classical and non-classical paradigms, thus revealing the relationship of its ontological principles with social practice in different historical periods. According to the classical rationalistic world view, power was endowed with metaphysical properties, which provided it with transcendental status and ethical characteristics. Power correlated with such concepts as "good", "hierarchy", "responsibility", "order", "law", "justice", etc. This discourse presented the government as a category of ontological order, sacrament to the Absolute, and contributed to the development of its institutional forms and management strategies based on control, subordination, and coercion. The non-classical paradigm put forward the idea of power as a manifestation of the irrationality of the human psyche. Criticism of logo-centrism made voluntaristic philosophers present power as a category of anthropological discourse. Its basic properties were defined through such concepts as "universality", "irrationality", "subjectivity", "totality", "ubiquity", etc. Power was deprived of its transcendental status and ethical character, which traditionally provided it with legitimacy in society. However, it acquired the properties of universality and immanence of human nature in the unconscious structures of human psyche. In social practice, the transformation of the principles of power led to the development of ideological discourses and new ways of exercising power.

Keywords: social practices, rationalism, irrationalism, logocentrism, metadiscourse, social ontology, modernism, postmodernism

For citation: Yatsevich M. Yu. Ontological Aspects of Power in Western European Discourse. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2020, 4(4): 338–345. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-4-338-345>

References

1. Yatsevich M. Yu. The concept of power as a factor in the formation of social ontology. *Trudy Novosibirskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta*, 2016, 19(3): 220–228. (In Russ.)
2. Marx K., Engels F. German ideology. *Works*, 2nd ed. Moscow: Politizdat, 1955, vol. 3, 7–544. (In Russ.)
3. Parsons T. The concept of society: components and their relationship. *THESIS*, 1993, (2): 94–122. (In Russ.)
4. Weber M. *Favorites. The image of society*. Moscow: Iurist, 1994, 702. (In Russ.)
5. Habermas J. *Democracy. Mind. Morality*. Moscow: Nauka, 1992, 176. (In Russ.)
6. Foucault M. *Will to the truth: on the other side of knowledge, power, and sexuality*. Moscow: Kastal, 1996, 448. (In Russ.)
7. Kalimullina N. R. The peculiarities of the authority phenomenon definition in the tradition of postmodernism philosophy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2010, (338): 39–41. (In Russ.)
8. Benetton F. *Introduction to political science*. Moscow: Ves mir, 2002, 368. (In Russ.)
9. Aristotle. *Policy. Works*. Moscow: Mysl, 1983, vol. 4, 375–644. (In Russ.)
10. Plato. *State*. Moscow: Nauka, 2005, 294. (In Russ.)
11. Petrov N. I. Microphysics of power and scholastic culture. *Vestnik Saratov state technical university*, 2011, 4(1): 252–257. (In Russ.)
12. Kuzansky N. *Works*. Moscow: Misl, 1979, vol. 1, 488. (In Russ.)
13. Latour B. *There was no New time. Essay on Symmetrical Anthropology*. St. Petersburg: Izd-vo Evrop. un-ta v S.-Peterburge, 2006, 296. (In Russ.)
14. Locke J. Two treatises on the board. *Works*. Moscow: Mysl, 1988, vol. 3, 135–406. (In Russ.)
15. Mannheim K. Ideology and utopia. *The diagnosis of our time*. Moscow: Iurist, 1994, 7–276. (In Russ.)
16. Nietzsche F. *Works*. Moscow: Mysl, 1990, vol. 2, 830. (In Russ.)
17. Chernykh S. S. Psychoanalysis of metaphysical foundations of power: S. Freud, A. Kozhev. *University news. North-Caucasian region. Social sciences series*, 2015, (3): 27–32. (In Russ.) DOI: 10.18522/0321-3056-2015-3-27-32
18. Fromm E. *Escape from freedom. Man for himself*. Moscow: AST, 2019, 286. (In Russ.)
19. Althusser L. Ideology and ideological apparatus of the state (notes for research). *Neprikosnovennyi zapas. Debaty o politike i kul'ture*, 2011, (3): 159–175. (In Russ.)
20. Lukes S. *Power: radical view*. Moscow: Izd. dom Gos. un-ta – Vysshei shk. ekonomiki, 2010, 240. (In Russ.)
21. Markuze G. *Eros and civilization. One-dimensional man. A study of the ideology of a developed industrial society*. Moscow: AST, 2002, 526. (In Russ.)
22. Bell D. V. J. *Power, influence and authority: An essays in political linguistics*. Oxford: Oxford University Press, 1975, XXI+131.

Историко-правовой анализ развития института адвокатуры в России*

Ольга В. Бирюкова^{a, @}; Ирина С. Бондаренко^a; Олег Ю. Винниченко^b

^a Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово

^b Тюменский государственный университет, Россия, г. Тюмень

@ olga1.biryukova@yandex.ru

Поступила в редакцию 09.09.2020. Принята к печати 22.10.2020.

Аннотация: Рассматривается история зарождения, становления и развития российской адвокатуры. В основу методологии положены классические принципы историзма и объективности. Частнонаучными методами исследования послужили сравнительно-исторический и хронологический, позволившие воспроизвести ретроспективный анализ развития института адвокатуры, и формально-юридический, посредством которого осуществлено уяснение правовой основы адвокатской деятельности. Основой исследования послужили нормативные правовые акты, включая памятники права, и научные труды (научные публикации, монографии, диссертационные исследования), посвященные вопросам развития адвокатуры и адвокатской деятельности. Институт адвокатуры в нашей стране прошел довольно длительный путь – от первых судебных представителей XV в. до формирования правовой базы адвокатуры второй половины XIX в., развития советской адвокатуры, а также адвокатуры современного периода. На каждом этапе своего существования российская адвокатура имела свои специфические черты. В частности, в дореволюционный период термин *адвокат* не использовался. В Судебных уставах 1864 г. применялся термин *присяжный поверенный*. В советский период адвокаты получили название *защитник* и обязаны были в своей деятельности не столько отстаивать интересы своего подзащитного, сколько руководствоваться общими принципами советского законодательства. В законе «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» был четко определен терминологический аппарат и регламентирован правовой статус адвоката. Кроме этого, в статье анализируются формы адвокатских объединений и их основные функции. Институт адвокатуры играет ведущую роль по оказанию квалифицированной юридической помощи населению, следовательно, обзор деятельности данной структуры в нашей стране является актуальным.

Ключевые слова: история права, присяжный поверенный, адвокат, судебная реформа, адвокатская деятельность, квалифицированная юридическая помощь, положение об адвокатуре

Для цитирования: Бирюкова О. В., Бондаренко И. С., Винниченко О. Ю. Историко-правовой анализ развития института адвокатуры в России // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2020. Т. 4. № 4. С. 346–352. DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-4-346-352>

Введение

Институт адвокатуры был основан с целью оказания квалифицированной юридической помощи гражданам страны. Именно так роль адвокатуры была закреплена и в законодательстве. Со времен Судебных уставов 1864 г.¹ и до закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»², принятом в 2002 г., понятие *адвокатская деятельность* не было четко определено. Оно предполагает оказание правовой помощи профессиональными юристами в установленном законом порядке физическим и юридическим лицам для защиты их прав и свобод. Опираясь на нормативное определение данного понятия, можно утверждать, что именно адвокатура является основным институтом реализации конституционного права и способна

предоставить и гарантировать оказание квалифицированной юридической помощи всем нуждающимся в ней.

Адвокатура в Российской империи

До середины XIX в. в России не существовало института адвокатуры на законодательном уровне. Примечательно, что, например, институт прокуратуры возник в нашей стране еще в 1722 г. Однако само понятие *адвокат* было хорошо известно и широко употреблялось и в научной литературе, и в периодической печати, и на бытовом уровне. Исключением нормативной номинации термина *адвокат*, пожалуй, является лишь «Краткое изображение процессов и судебных тяжб» 1715 г., содержащее 5 главу «Об адвокатах», согласно которой, впрочем, речь шла

* Статья выполнена по материалам круглого стола «Квалифицированная юридическая помощь», состоявшегося 8 мая 2020 г., при участии представителей адвокатуры Кемеровской области и магистрантов 1 курса, обучающихся в юридическом институте Кемеровского государственного университета по направлению подготовки 40.04.01 Юриспруденция, профиль подготовки «Правозащитная деятельность».

¹ Судебные уставы 20 ноября 1864., с изложением рассуждений, на коих они основаны. Режим доступа: <https://civil.consultant.ru/reprint/books/124/3.html#img4> (дата обращения: 17.04.2020).

² Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ. Ф3 от 31.05.2002 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 10.06.2002. № 23. Ст. 2102.

о квазиадвокате в силу вменения ему функции формального представительства, а не правозаступничества [1, с. 413]. Подобная позиция царских властей объяснялась довольно четко и определено. Они ссылались на отрицательную роль адвокатов в странах Западной Европы и негативное отношение населения России к разного рода ходатаям и поверенным по делам, именуемым себя адвокатами.

Отмена крепостного права в 1861 г. и последовавшие за этим либеральные реформы поставили перед правительством царя Александра II вопрос о необходимости создания новой системы государственного управления. В частности, освобождение крестьян лишило дворянство монополии в делах суда. Отныне крестьяне сами должны были нести ответственность за свою жизнь и добиваться правосудия самостоятельно. В этой связи возник вопрос об оказании квалифицированной юридической помощи и создании адвокатуры.

Правовой основой деятельности института правозаступничества стали три из четырех законов, входящих в Судебные уставы 1864 г.: Учреждение судебных установлений³, Устав уголовного судопроизводства⁴ и Устав гражданского судопроизводства⁵. Согласно первому документу, институт присяжных поверенных должен был представлять собой корпорацию профессиональных юристов, независимых от государства, для ведения уголовных и гражданских дел во всех судебных инстанциях страны. Ст. 353 закрепляла: «Присяжные поверенные состоят при судебных местах для занятия делами по избранию и поручению тяжущихся, обвиняемых и других лиц, участвующих в деле, а также по назначению в определенных случаях советов присяжных поверенных и председателей судебных мест»⁶. Примечательно, что вместо понятия *адвокат* в Судебных уставах 1864 г. использовались термины *присяжный поверенный* и *помощник присяжного поверенного*.

В 1874 г. в Российской империи была проведена еще одна реформа относительно института адвокатуры. Был введен институт частных поверенных, который расширил понятие *адвокат* до совокупности присяжных поверенных, помощников присяжных поверенных, частных поверенных и помощников частных поверенных.

Следует отметить, что компетентность и профессионализм дореволюционных адвокатов были достаточно высокими. Получить статус адвоката в соответствии со ст. 354 Учреждения судебных установлений могли только выпускники учебных заведений, имеющие профильное образование, либо лица, проработавшие не менее пяти лет в судебном ведомстве [2, с. 219]. Организационно-правовой формой деятельности присяжных поверенных, согласно ст. 356 Учреждения судебных установлений, являлись Судебные палаты. При каждой палате образовывалась

особая коллегия. Если количество членов коллегии достигало двадцати человек, то присяжные поверенные могли обратиться в Судебную палату с прошением о создании Совета присяжных поверенных (ст. 358 Учреждения судебных установлений).

После трагической гибели императора Александра II в результате террористического акта в стране началась эпоха контрреформ Александра III. Одной из первых кардинальных изменений подверглась судебная система. Например, в 1887 г. была значительно ограничена публичность и гласность судебных заседаний. В 1889 г. из судопроизводства с участием присяжных заседателей, где адвокаты могли повлиять на их вердикт, были изъяты некоторые политические дела, в частности о «сопротивлении властям». Это значительно усложнило работу присяжных поверенных, т. к. теперь за их деятельностью пристально наблюдали государственные органы, и адвокаты были лишены работы по ряду довольно тяжких преступлений [3, с. 106].

Следует отметить тот факт, что данные действия властей были связаны с тем, что власть никогда не жаловала институт адвокатуры. Кроме этого, блестящие защиты известными адвокатами того времени некоторых представителей революционных организаций, таких как «Народная воля», обвиненных в террористической деятельности и освобожденных от уголовного преследования, еще больше вызывали негатив со стороны властей.

Тем не менее, несмотря на все сложности, адвокатура сохраняла некоторую независимость от государства и продолжала выполнять важную социальную функцию по оказанию квалифицированной юридической помощи населению.

Институт адвокатуры в советский период российской государственности

Революционный период достаточно негативно отразился на институте правозаступничества. В связи с политическими событиями 1917 г. были ликвидированы все судебные учреждения бывшей Российской империи. Институт адвокатуры был упразднен в Советской России Декретом от 24.11.1917 № 1 «О суде»⁷. Термин *адвокат* был вычеркнут из нормативных актов и заменен термином *защитник*. Деятельность лиц, выступающих в качестве защитников, была полностью поставлена под контроль государства.

Защитником в уголовном и представителем в гражданском процессе, согласно Декрету о суде № 1, мог стать любой человек, кроме лиц, пораженных в правах. Наличие юридического образования или иных специальных навыков не требовалось [2, с. 219]. Согласно логике того времени, гражданам незачем защищаться от правосудия, суд справедливо и в соответствии с принципом революционной законности выносит приговоры и принимает решения.

³ Учреждение судебных установлений. Режим доступа: <http://www.hrono.info/dokum/1800dok/1864sud.php> (дата обращения: 17.04.2020).

⁴ Устав уголовного судопроизводства 1864 г. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2015. 646 с.

⁵ Устав гражданского судопроизводства 1864 г. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2015. 590 с.

⁶ Учреждение судебных установлений...

⁷ О суде. Декрет СНК РСФСР от 24.11.1917 // Собрание Узаконений РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50.

15.02.1918 был выпущен Декрет № 2, который дополнил и уточнил Декрет № 1 от 24.11.1917. В ч. 7 ст. 24 «Об обвинении и защите» было прописано о «создании коллегий лиц, посвящающих себя правозаступничеству как в форме общественного обвинения, так и общественной защиты»⁸. Согласно данному документу, в коллегии могли вступать лица, которые были избраны Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов [4, с. 28].

В марте 1921 г. на X съезде РКП(б) была провозглашена политика НЭПа. Несмотря на то, что она касалась в первую очередь изменений в области экономики, произошли и перемены в законодательной сфере. В 1922 г. была проведена судебная реформа. Постановлением III сессии Всероссийского Исполнительного комитета IX созыва от 26.05.1922 было утверждено «Положение об адвокатуре»⁹, на основе которого Наркомюстом РСФСР – 05.07.1922 «Положение о коллегии защитников»¹⁰, так учреждалась советская адвокатура. В соответствии с Положением были восстановлены коллегии адвокатов. Государство возложило на коллегии исполнение следующих обязанностей: юридическая консультация населения, участие в делах по назначению суда. От адвоката-коммуниста власть теперь требовала, чтобы он «помогал суду» и «не мешал следствию».

Согласно логике советского законодательства, советский защитник должен был работать в точном соответствии с теми законами, которые были приняты в рабоче-крестьянском государстве. Он был обязан защищать права подсудимого, если только был полностью уверен в его невиновности, в том, что преступление было совершено случайно или в деле имелись какие-нибудь смягчающие обстоятельства [5, с. 3].

«Положение о коллективах членов коллегии защитников» 1932 г.¹¹ и «Положение об адвокатуре» 1939 г.¹² еще больше ужесточили контроль над деятельностью советских адвокатов. Идеологические кампании и политика массовых политических репрессий в отношении любого гражданина советского государства, развернувшиеся в 1930-е гг., не предполагали вообще участия адвоката в судебном процессе. Практически все дела по политическим составам были изъяты из ведения адвокатуры. В основном материалы по таким делам базировались на признательных показаниях обвиняемых [6, с. 10–12].

Пришедший в начале 1950-х гг. к власти Н. С. Хрущев провозгласил в нашей стране политику оттепели, предполагавшую некоторый отход от жесткой тоталитарной

модели государства и незначительные послабления в общественно-политической и социально-экономической жизни страны [7, с. 173, 190, 205]. Принятое в 1962 г. «Положение об адвокатуре» существенным образом изменило регулирование как правового статуса адвоката, так и непосредственно адвокатской деятельности, по сравнению с прежним Положением 1939 г. В частности, адвокат вновь должен был иметь высшее юридическое образование, появилась глава о правах и обязанностях адвоката, вводились гарантии профессии¹³.

Однако в целом адвокатская деятельность по-прежнему полностью контролировалась государственными органами. Советские адвокаты, как и в прошлые периоды своей деятельности, были обязаны заниматься, кроме своей работы, еще и несвойственными им видами деятельности. Например, ст. 30 Положения 1962 г. обязывала советских защитников «вести правовую пропаганду и правовое просвещение населения». Также адвокаты читали лекции в различных организациях и участвовали в смотрях-конкурсах юридических консультаций [8, с. 199].

Значительные перемены в адвокатуре и адвокатской деятельности произошли в связи с принятием новой Конституции СССР в 1977 г. В историю нашей страны она вошла под названием «Конституция развитого социализма». В ст. 161 Основного закона декларирувалось, что «организация и порядок деятельности адвокатуры определяется законодательством Союза ССР и союзных республик»¹⁴.

Изменение главного закона государства потребовало изменений многих нормативно-правовых актов страны, в том числе и положений об адвокатуре на предмет их соответствия Конституции. Следствием этого стало принятие в ноябре 1979 г. Закона «Об адвокатуре в СССР»¹⁵ и дальнейшая законодательная практика на уровне союзных республик, результатом чего стало, к примеру, принятие 20.11.1980 Закона РСФСР «Об утверждении положения об адвокатуре РСФСР»¹⁶. Проанализировав данные документы, можно сделать вывод, что советская адвокатура становилась, по сути, государственным органом. В ст. 1 Закона РСФСР 1980 г. было прописано, что адвокатура в РСФСР была обязана содействовать осуществлению правосудия, соблюдению и укреплению законности и правопорядка, охране прав и интересов физических и юридических лиц. Кроме этого, в данной статье была прописана еще одна

⁸ Декреты Советской власти. М.: Госполитизд, 1957. Т. I. XII+626 с.

⁹ Постановление III сессии Всероссийского Исполнительного комитета IX созыва 26 мая 1922 г. об утверждении «Положения об адвокатуре» // Собрание Узаконений РСФСР. 1922. № 36. Ст. 424, 425.

¹⁰ Положение о коллегии защитников. Утв. Наркомюстом РСФСР 05.05.1922 // Библиотека нормативных правовых актов Союза Советских Социалистических республик. Режим доступа: <http://www.libussr.ru> (дата обращения: 28.03.2020).

¹¹ Положение о коллективах членов коллегии защитников. Утв. Коллегией Наркомюста РСФСР 27.02.1932 // Советская юстиция. 1932. № 6-7. С. 57.

¹² Об утверждении Положения об адвокатуре СССР. Постановление СНК от 16.08.1939 № 1219 // СП СССР. 1939. № 49. Ст. 394.

¹³ Об утверждении Положения об адвокатуре РСФСР. Закон РСФСР от 25.07.1962 // Ведомости ВС РСФСР. 1962. № 29. Ст. 450.

¹⁴ Конституция (Основной закон) СССР (принята ВС СССР 07.10.1977) // СПС КонсультантПлюс.

¹⁵ Об адвокатуре в СССР. Закон СССР от 30.11.1979 № 1165-X // Ведомости ВС СССР. 05.12.1979. № 49. Ст. 846.

¹⁶ Об утверждении Положения об адвокатуре РСФСР. Закон РСФСР от 20.11.1980 // Ведомости ВС РСФСР. 27.11.1980. № 48. Ст. 1596.

функция института правозаступничества, он должен был «способствовать воспитанию граждан страны в духе точного и неуклонного исполнения советских законов, бережного отношения к социалистической собственности и правилам совместного общежития».

Таким образом, следует отметить, что советский этап в истории адвокатуры отчасти продолжил традиции дореволюционной буржуазной адвокатуры. Однако в полной мере этого нельзя сказать. Произошло значительное размежевание между советской адвокатской деятельностью и классической российской школой адвокатуры.

Современный этап развития адвокатуры в России

В 1985 г. к власти в СССР пришел М. С. Горбачев, который провозгласил политику перестройки в нашей стране. По мысли Генерального секретаря, реформированию должны были подвергнуться все стороны советской жизни, в том числе и вопросы правовой основы государственной и общественной жизни. В частности, руководство страны заявляло о необходимости повышения эффективности всех контролирующих и надзирающих органов правосудия с целью выявления и устранения недостатков, совершенствования деятельности юридических служб в партийных и государственных органах всех уровней, а также укрепления общественной законности и дисциплины¹⁷. Однако О. В. Орлова и Н. Н. Деев считают, что поднимать уровень работы адвокатуры просто путем принятия некоторых нормативных правовых актов недостаточно. По их мнению, требовалось радикальное изменение отношения к адвокатуре, т. к. она являлась одним из важнейших институтов политической и правовой системы [9, с. 7].

По результатам XIX Всесоюзной партийной конференции КПСС (июнь-июль 1988 г.) в рамках лозунга о построении социалистического правового государства принимается особая резолюция «О правовой реформе», предполагавшая проведение коренных преобразований в деле обеспечения верховенства закона во всех сферах жизни общества и усиление механизмов поддержания социалистического правопорядка. В данной резолюции особо отмечена роль адвокатуры. Так, в п. 8 данного документа была обозначена о необходимость повышения роли адвокатуры как самоуправляющейся ассоциации по оказанию юридической помощи гражданам страны, государственным органам и предприятиям, общественным организациям¹⁸. Однако каких-либо существенных изменений в отношении адвокатуры не произошло.

С прекращением существования СССР и появлением нового государственного образования – Российской Федерации – остро встает проблема формирования совершенно новой государственной и правовой системы страны. В основу нового российского законодательства об адвокатуре и адвокатской деятельности легли такие документы,

как Декларация прав и свобод человека и гражданина от 22.11.1991¹⁹ и Конституция РФ 1993 г. Ст. 37 Декларации прав и свобод человека и гражданина и ст. 48 Конституции РФ подчеркивают, что каждый гражданин имеет право на получение гарантированной квалифицированной юридической помощи. Причем в случаях, предусмотренных законом, эта помощь оказывается бесплатно. Кроме этого, в Декларации отмечается, что лица, задержанные или заключенные под стражу, имеют право на адвокатскую помощь с момента своего задержания или заключения под стражу.

Формирование новой правовой основы об адвокатуре и адвокатской деятельности в РФ началось еще в начале 1990-х гг. Было разработано значительное количество законопроектов, инициированных как Минюстом России и Комитетом Верховного Совета России по законодательству, так и самим профессиональным сообществом адвокатов.

Однако в Верховный Совет в 1992 г. на обсуждение парламентариев попали только два законопроекта, представленных Министерством юстиции и Комитетом Верховного Совета России. Согласно проекту, представленному Министерством юстиции, предполагалась ликвидация традиционных коллегий адвокатов и разрешение адвокатам и адвокатским объединениям оказывать всем желающим любые юридические услуги. Регулирование адвокатской деятельности, по мнению разработчиков проекта, следовало передать Минюсту и его территориальным органам [10, с. 187]. Второй законопроект, разработанный Комитетом по законодательству Верховного Совета РФ, напротив, предполагал сохранение коллегий адвокатов в качестве основной организационно-правовой формы деятельности правозащитников. К тому же предполагалось создание других видов организации работы адвокатов: юридических фирм, бюро и кабинетов.

Но борьба различных политических сил, наличие полярных позиций относительно прав и обязанностей адвокатов не позволили прийти к взаимопониманию и взять какой-нибудь законопроект за основу. После принятия Основного документа страны (Конституции РФ) в 1993 г. вопрос о принятии закона об адвокатуре и адвокатской деятельности был вынесен на повестку дня.

В январе 1995 г. Президент РФ Б. Н. Ельцин внес в Государственную Думу законопроект «Об адвокатуре в Российской Федерации». В данном документе коллегии адвокатов получили значительные полномочия. Теперь они объявлялись независимыми и самоуправляемыми организациями по оказанию квалифицированной юридической помощи как гражданам страны, так и организациям всех форм собственности. Расширялся список организационно-правовых объединений адвокатов. Теперь имели право на существование не только традиционные юридические консультации, но и адвокатские бюро, фирмы и кабинеты.

¹⁷ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1988). Т. 15: 1985–1988. М.: Политиздат, 1989. С. 80.

¹⁸ О правовой реформе // Резолюция XIX Всесоюзной конференции КПСС от 1 июля 1988 года. Режим доступа: <http://ru-90.ru/node/71> (дата обращения: 27.04.2020).

¹⁹ О Декларации прав и свобод человека и гражданина. Постановление ВС РСФСР от 22.11.1991 № 1920-1 // СПС КонсультантПлюс.

В законопроекте предполагалось значительное расширение прав адвокатов. Они получили возможность индивидуальной практики и самостоятельного сбора доказательств невиновности своего подзащитного. Данный законопроект был одобрен профессиональным сообществом адвокатов и принят Государственной Думой в первом чтении в апреле 1996 г. Однако дальнейшей процедуры принятия он не прошел и в июне 1997 г. был отозван Президентом РФ для доработки [11, с. 28].

В 1998 г. для пересмотра проекта была создана специальная рабочая группа, состоящая из представителей федеральных законодательных и исполнительных органов власти. В октябре 1999 г. проект поступил на рассмотрение в профильный комитет нижней палаты парламента. Однако Комитет Государственной Думы по государственному строительству обнаружил, что многие положения данного законопроекта являются противоречащими Основному документу страны, и он был вновь возвращен на доработку [11, с. 30].

Таким образом, на протяжении всего последнего десятилетия XX в. в нашей стране по-прежнему продолжало действовать советское законодательство в отношении адвокатуры и адвокатской деятельности.

В мае 2001 г. новый президент РФ В. В. Путин предложил на рассмотрение парламента новый законопроект «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Отчасти данный документ повторял положения предыдущего проекта. В частности, предусматривалось правовое регулирование вопросов деятельности института правозаступничества, гарантировалась независимость работы адвокатов и адвокатских объединений и т. д. [12, с. 13]. Но в предлагаемом законопроекте имелся ряд существенных отличий не только от предыдущих проектов, но и от действовавшего тогда на территории страны Положения об адвокатуре РСФСР 1980 г. Например, вводилось понятие *адвокат* и нормативное определение адвокатской деятельности и адвокатуры; признавалось право адвоката на выбор формы своей деятельности (индивидуальная работа или в составе организации) и т. д. [13].

Данный проект вызвал большой резонанс в среде профессионального сообщества. На VI Чрезвычайном съезде федерального союза адвокатов он подвергся резкой критике со стороны ведущих адвокатов России – А. П. Галаганова, Н. М. Клена, Г. Б. Мирзоева. К примеру, А. П. Галаганов высказал мнение относительно передачи права организации структурных подразделений адвокатуры партнерам, создающим адвокатские бюро. Он заявил, что это может лишить права значительного числа граждан на получение бесплатной квалифицированной юридической помощи [14, с. 20]. Н. М. Клен усмотрел в данном документе значительное усиление роли государства в работе адвокатуры [14, с. 20]. Тем не менее предложенный Президентом России законопроект был принят парламентом 31.05.2002 и вступил в силу 01.07.2002. В нем были учтены некоторые замечания, высказанные специалистами на VI Чрезвычайном съезде Федерального союза адвокатов России. Но в целом его концепция была сохранена.

Заключение

Адвокатура в нашей стране прошла достаточно длительный путь развития. Получив юридическое оформление нормативными актами Судебной реформы 1864 г., она стала оказывать квалифицированную юридическую помощь различным слоям населения. Именно тогда были заложены основы российской адвокатской школы.

В советский период произошел разрыв с исторической традицией российской адвокатуры. Она была полностью поставлена под государственный контроль и дискредитирована в глазах общественности. Ряд тяжелых и общественно-опасных преступлений рассматривался без участия при производстве по делу адвоката. Кроме того, по нормативным документам советского периода в деятельность стороны защиты вменялись порой не свойственные им задачи: проведение профилактики правонарушений, ведение просветительской деятельности, пропаганда идеологических установок партии и правительства, участие в социалистических соревнованиях на звание лучших коллегий и юридических консультаций [15, с. 353].

В декабре 1991 г. СССР прекратил свое существование, но советское право не перестало действовать. В судебной или адвокатской практике не было никакого юридического вакуума – в РФ продолжали действовать Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 г., Положение об адвокатуре 1980 г. и другие законодательные акты. Однако было очевидно, что эти правовые нормы более не соответствуют новому типу и сложности общественных отношений, сложившихся в стране. Встала необходимость принятия нового документа, который бы регламентировал деятельность российской адвокатуры и явился бы своего рода продолжателем русской дореволюционной традиции. На протяжении 1990-х гг. подобного Положения не было принято. Этому мешали разные обстоятельства, связанные как с переходом страны на «капиталистические рельсы» и необходимостью полной смены всего российского законодательства, так и с разного рода конъюнктурными расхождениями между различными движениями и группами.

Тем не менее к вопросу о создании Закона об адвокатуре и адвокатской деятельности периодически возвращались, и предлагались разного рода проекты. В 2002 г. данный нормативный документ был создан.

С принятием Закона об адвокатуре и адвокатской деятельности завершился процесс перехода адвокатуры от советского законодательства, базировавшегося на социалистических идейно-политических и формально-юридических постулатах, к современному российскому законодательству. И хотя новый закон был в некотором смысле компромиссный, все же он имел значительные преимущества по сравнению с Положениями об адвокатуре всего советского периода. Он не только предусмотрел четкое определение терминов: адвокатура, адвокат, адвокатская деятельность – в контексте обеспечения конституционного права на квалифицированную юридическую помощь, но и подробно регламентировал правовой статус адвоката, установил гарантии

независимости и самоуправления профессии. Адвокаты получили право выбирать одну из четырех организационно-правовых форм своей деятельности – коллегия адвокатов, адвокатское бюро, адвокатский кабинет или юридическую консультацию, образование которых

базируется на западном опыте, а не советском, что позволяет говорить об институционализации адвокатуры новой формации в системе оказания квалифицированной юридической помощи.

Литература

1. Гаврилова А. В. Развитие института квалифицированной юридической помощи в России и на постсоветском пространстве // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2020. Т. 24. № 2. С. 410–437. DOI: 10.22363/2313-2337-202024-2-410-437
2. Гаврилова А. В., Козлова Н. В. Образовательный ценз как критерий профессионализма кадрового состава в правоохранительной системе в советском государстве // Современная научная мысль. 2017. № 6. С. 218–225.
3. Гаврилова А. В., Гаврилов С. О. История правозащитной деятельности. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2017. 302 с.
4. Гаврилов С. О., Святкин С. И. Советская власть и адвокатура: проблема взаимоотношений // Человек и общество: на рубеже тысячелетий: мат-лы Междунар. науч. (заоч.) конф. (Воронеж, 26 сентября 2016 г.) Воронеж, 2016. С. 27–38.
5. Вайсман С. Защитник в уголовном процессе // Рабочий суд. 1924. № 3–5.
6. Гаврилов С. О. Завершение формирования организационной модели советской адвокатуры // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2016. № 3. С. 10–15.
7. Гаврилов С. О. Институциональные основы и региональные особенности советской адвокатуры в период с 1917 до начала 60-х гг. (на примере Западно-Сибирского региона): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 236 с.
8. Смирнов В. Н. Адвокатура в годы хрущевской «оттепели» и развитого социализма (1956–1985) // Российский юридический журнал. 2016. № 2. С. 197–213.
9. Орлова О. В., Деев Н. Н. Адвокатура как институт политической системы // Адвокатура и современность / отв. ред. В. М. Савицкий. М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1987. С. 7–13.
10. Галоганов А. П. Российская адвокатура: история и современность. М.: Юрлитинформ, 2003. 287 с.
11. Короткевич В. И. История современной России. 1991–2003. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2004. 296 с.
12. Галоганов А. П. Проект закона об адвокатуре ущемляет права граждан // Российская юстиция. 2001. № 8. С. 13.
13. Гвоздев Д. Закон об адвокатуре: четвертая попытка // Бизнес-адвокат. 2001. № 15.
14. Галоганов А. П., Клен Н. М., Мирзоев Г. Б., Резник Г. М. Адвокатская деятельность и адвокатура // Российская юстиция. 2001. № 8. С. 20.
15. Гаврилова А. В., Боголюбов Е. А. Теоретическая и практическая взаимосвязь правовой идеологии и правовой пропаганды в советском обществе // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2018. Т. 22. № 3. С. 346–369. DOI: 10.22363/2313-2337-2018-22-3-346-369

original article

Historical and Legal Analysis of the Development of the Institute of Defence Attorneys in Russia*

Olga V. Biryukova^{a, @}; Irina S. Bondarenko^a; Oleg Yu. Vinnichenko^b

^a Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

^b Tyumen State University, Russia, Tyumen

@ olga1.biryukova@yandex.ru

Received 09.09.2020. Accepted 22.10.2020.

Abstract: This research featured the origin, formation, and development of the institute of defence attorneys in Russia. The methodology was based on the classical principles of historicism and objectivity. Comparative-historical and chronological methods made it possible to reproduce a retrospective analysis of the development of the Institute of defence attorneys. The formal-legal method helped to clarify its legal basis. The authors studied normative legal acts and monuments of law, as well as scientific publications, monographs, and dissertations related to the history of the Bar in Russia. The institute of defence attorneys proved to have a long history, from the first legal representatives of the XV century to the first Russian Bar in the second half of the XIX century, the Soviet Bar, and the contemporary Bar. At each stage, the Russian Bar had its own specific features.

* The paper was based on the roundtable conference Qualified Legal Aid (May 8, 2020) of the Bar of the Kemerovo region and first-year students of Master Program 40.04.01 Jurisprudence (Law Institute, Kemerovo State University).

For instance, the term "lawyer" was not used in the pre-revolutionary period. The Judicial Statutes of 1864 included the term "sworn attorney". During the Soviet period, lawyers were called "defenders". Their function was quite formal: to represent the general principles of Soviet legislation rather than to defend the interests of the client. The contemporary law on legal practice and defence defines the terminology and regulates the legal status of an attorney. The paper also introduces an analysis of the forms of Bars in Russia and their main functions. The Institute of defence attorneys provides qualified legal assistance to the population, which makes the review quite relevant.

Keywords: legal history, sworn attorney, lawyer, judicial reform, advocacy, qualified legal assistance, regulations on the bar

For citation: Biryukova O. V., Bondarenko I. S., Vinnichenko O. Yu. Historical and Legal Analysis of the Development of the Institute of Defence Attorneys in Russia. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2020, 4(4): 346–352. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-4-346-352>

References

1. Gavrilova A. V. Development of the institute of qualified legal assistance in Russia and the former Soviet Union. *RUDN Journal of Law*, 2020, 24(2): 410–437. (In Russ.) DOI: 10.22363/2313-2337-2020-24-2-410-437
2. Gavrilova A. V., Kozlova N. V. Educational census as a criterion of professionalism in the law enforcement system in the Soviet state. *Modern scientific thought*, 2017, (6): 218–225. (In Russ.)
3. Gavrilova A. V., Gavrilov S. O. *History of human rights activities*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2017, 302. (In Russ.)
4. Gavrilov S. O., Svyatkin S. I. Soviet power and the bar: the problem of relationships. *Man and Society: at the turn of the Millennium: Proc. Intern. Sci. (correspondence) Conf., Voronezh, September 26, 2016*. Voronezh: VGPU, 2016, 27–38. (In Russ.)
5. Vaisman S. Defense lawyer in criminal proceedings. *Rabochii sud*, 1924, (3–5). (In Russ.)
6. Gavrilov S. O. Completion of forming the organizational model of Soviet bar. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija i pravo*, 2016, (3): 10–15. (In Russ.)
7. Gavrilov S. O. *Institutional foundations and regional features of the Soviet Bar in the period from 1917 to the early 1960s (the case of the West Siberian region)*. Cand. Jurispr. Sci. Diss. Moscow, 2017, 236. (In Russ.)
8. Smirnov V. N. The lawyers' life during the "Khrushchev thaw" and "full fledged socialism" period (1956–1985). *Russian Juridical Journal*, 2016, (2): 197–213. (In Russ.)
9. Orlova O. V., Deev N. N. The legal profession as an institution of the political system. *Defence Attorneys and Modernity*, ed. Savitskii V. M. Moscow: Izd-vo IGI AN SSSR, 1987, 7–13. (In Russ.)
10. Galoganov A. P. *Russian advocacy: history and modernity*. Moscow: Iurlitinform, 2003, 287. (In Russ.)
11. Korotkevich V. I. *History of modern Russia. 1991–2003*. St. Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2004, 296. (In Russ.)
12. Galoganov A. P. The draft law on the bar infringes on the rights of citizens. *Rossiiskaia iusticiia*, 2001, (8): 13. (In Russ.)
13. Gvozdev D. Law on the Bar: the fourth attempt. *Biznes-advokat*, 2001, (15). (In Russ.)
14. Galoganov A. P., Klen N. M., Mirzoev G. B., Reznik G. M. Lawyer's activity and the Bar. *Rossiiskaia iusticiia*, 2001, (8): 20. (In Russ.)
15. Gavrilova A. V., Bogolyubov E. A. Theoretical and practical interrelation between legal ideology and legal propaganda in the Soviet society. *RUDN Journal of Law*, 2018, 22(3): 346–369. (In Russ.) DOI: 10.22363/2313-2337-2018-22-3-346-369

Ответственность за превышение средней скорости движения: еще один шаг в сторону от справедливости

Андрей В. Переладов^{а, @}; Александр А. Личман^а

^а Коллегия адвокатов «РегионСервис», Россия, г. Кемерово

[@] info@regionservice.com

Поступила в редакцию 02.12.2020. Принята к печати 23.12.2020.

Аннотация: Оценивается оптимизация процесса доказывания и ее влияние на смысл и дух закона на примере привлечения лиц к административной ответственности за превышение средней скорости движения. Раскрываются правовые позиции административных органов, судов, прокуратуры по вопросу законности привлечения к административной ответственности за превышение средней скорости движения, установленное средствами автоматической фиксации. Обосновывается неприемлемость такого основания административной ответственности в связи с отсутствием в законе понятия *средняя скорость движения*, нарушением презумпции невиновности и несправедливым возложением бремени доказывания на водителя. Разграничиваются процессы вычисления средней скорости движения и доказывания состава административного правонарушения в действиях конкретного лица. Указывается на необходимость правильного установления места и времени превышения установленной скорости движения и, одновременно, допустимости и относимости доказательств для их определения. Отмечается несовершенство средств автоматической фиксации для установления события административного правонарушения и привлечения лиц к административной ответственности.

Ключевые слова: административное правонарушение, средства автоматической фиксации, превышение установленной скорости движения, состав правонарушения, событие административного правонарушения, презумпция невиновности, объективное вменение

Для цитирования: Переладов А. В., Личман А. А. Ответственность за превышение средней скорости движения: еще один шаг в сторону от справедливости // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2020. Т. 4. № 4. С. 353–364. DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-4-353-364>

Введение

С 2012 г. в России для привлечения лиц к административной ответственности по ст. 12.9 КоАП РФ (превышение установленной скорости движения) применяются показатели средней скорости движения, полученные средствами автоматической фиксации (САФ)¹.

С каждым годом масштабы применения САФ стремительно растут, число комплексов увеличивается, технологии фиксации внедряются в новых регионах России. В 2019 г. САФ, высчитывающие среднюю скорость движения, стали применять и в Кузбассе². В настоящее время ими оборудованы 11 участков автомобильных дорог регионального значения протяженностью от 6 до 15 км. За 2019 г. в Кузбассе с помощью САФ было

зафиксировано 25642 нарушения скоростного режима, за 1 квартал 2020 г. – 6683 нарушения.

Результаты применения САФ превосходят все ожидания! Государство ликует, провозглашается коррупционная неприступность САФ, их рентабельность, рапортуется о снижении числа ДТП, причиной которых является превышение установленной скорости движения, а самое главное, значительно пополняется бюджет. Так, в 2019 г. органы ГИБДД выписали в общей сложности 142,1 млн штрафов за нарушения ПДД (на 11 % больше, чем в 2018 г.). Из них 122,1 млн – наказания за нарушения, выявленные с помощью камер. Самым частым нарушением традиционно осталось превышение скорости – за него сотрудники ГИБДД

¹ В настоящее время САФ применяются в соответствии с документами: Об утверждении Административного регламента исполнения Министерством внутренних дел Российской Федерации государственной функции по осуществлению федерального государственного надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации в области безопасности дорожного движения. Приказ МВД России от 23.08.2017 № 664 // СПС КонсультантПлюс; ГОСТ Р 57144-2016. Национальный стандарт Российской Федерации. Специальные технические средства, работающие в автоматическом режиме и имеющие функции фото- и киносъемки, видеозаписи, для обеспечения контроля за дорожным движением. Общие технические требования. Утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 11.10.2016 № 1367-ст // СПС КонсультантПлюс; ГОСТ Р 57145-2016. Национальный стандарт Российской Федерации. Специальные технические средства, работающие в автоматическом режиме и имеющие функции фото- и киносъемки, видеозаписи, для обеспечения контроля за дорожным движением. Правила применения. Утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 11.10.2016 № 1368-ст // СПС КонсультантПлюс.

² В соответствии с Распоряжением Коллегии Администрации Кемеровской области от 01.02.2018 № 24-р, «Дирекции автомобильных дорог Кузбасса» поручено создание и обеспечение функционирования системы автоматической фиксации нарушений в области дорожного движения на автомобильных дорогах общего пользования регионального, муниципального и местного значения.

выписали 101,8 млн штрафов (рост составил 16 % к 2018 г.). В 2019 г. этот показатель впервые превысил 100 млн руб.³

То, что остается за кадром, содержит большую ложку дегтя. САФ, фиксирующее превышение средней скорости движения, сам факт превышения скорости не фиксирует, а лишь производит математический расчет⁴. Сведения для расчета получают при помощи двух камер, которые фиксируют номер транспортного средства и время проезда на въезде и выезде с контролируемого участка дороги. На основании полученных сведений осуществляется автоматический расчет средней скорости движения транспортного средства. Полученное значение сравнивают с установленной скоростью движения на контролируемом участке автодороги. Превышение над установленным ограничением является, по мнению сотрудников полиции, доказательством состава административного нарушения, предусмотренного ст. 12.9 КоАП РФ.

Важно отметить, что достоверность факта превышения скорости, полученного САФ, подтверждается лишь ссылкой на наличие специального свидетельства о проверке устройства: «При этом прибор, которым зафиксировано правонарушение, ... имеет функцию фотосъемки: "AVTODORIA", заводской номер 011-030/011-091, свидетельство о проверке №, действительное по 16 октября 2020 г., оснований не доверять сведениям, зафиксированным техническим средством, не имеется»⁵.

Оформление и выдача таких свидетельств, в соответствии с Административным регламентом по предоставлению Росстандартом государственной услуги по утверждению типа стандартных образцов или типа средств измерений, обеспечивает подведомственный Федеральному агентству по техническому регулированию и метрологии Всероссийский научно-исследовательский институт метрологической службы⁶. Эта же организация ведет федеральный информационный фонд по обеспечению единства измерений, в котором в силу ФЗ от 26.06.2008 № 102-ФЗ «Об обеспечении единства измерений» должны содержаться сведения обо всех утвержденных типах САФ⁷.

Постановка проблемы

Описанная выше ситуация могла бы претендовать на идеальную картину мира, где осуществляется полный

и объективный контроль за соблюдением скоростного режима, где система учитывает все возможные варианты события, а нарушитель не может избежать справедливого наказания. Но мы вынуждены разрушить эту идиллию, поставив под сомнение законность применения САФ при установлении факта правонарушения и справедливость административной ответственности за превышение средней скорости движения. Эти сомнения в первую очередь озаменованы самым главным и очевидным доводом: законодательство об административных правонарушениях не содержит понятия *превышение средней скорости движения* и не устанавливает правового механизма для привлечения водителя транспортного средства, превысившего среднюю скорость движения, к административной ответственности.

В КоАП РФ, действительно, отсутствует состав правонарушения, который позволил бы отнести превышение средней скорости к ст. 12.9 или отличить его от иных правонарушений в области дорожного движения. Даже само правило правомерного поведения *движение с установленной средней скоростью* законом нормативно не сформулировано. Здесь нас встречает первый парадокс. С одной стороны, правила о движении с установленной средней скоростью нет, а значит, соблюдать его водитель не должен. С другой стороны, это не препятствует назначению наказания за превышение средней скорости по ст. 12.9 КоАП РФ. Фактически этот парадокс позволяет привлекать к административной ответственности за поведение, которое не является неправомерным и общественно опасным.

Несмотря на это, суды подтверждают законность привлечения к административной ответственности за превышение средней скорости и занимают принципиальную правовую позицию, основанную всего на двух постулатах: на водителя не распространяется презумпция невиновности, поскольку правонарушение зафиксировано специальным техническим средством; отсутствие в законе понятия средней скорости не имеет правового значения, поскольку определяющим обстоятельством, подтверждающим событие правонарушения, является его фиксация при помощи специального технического средства⁸. В результате проведенной Генеральной прокуратурой РФ проверки по факту привлечения в Москве и Санкт-Петербурге лиц к административной ответственности

³ Буранов И. Сто миллиардов с дороги свалились // Коммерсантъ. 28.02.2020. № 36. С. 1.

⁴ Решение Волоколамского городского суда Московской области от 25.09.2020 по делу № 12-105/2020 // СПС КонсультантПлюс; Решение Бобровского районного суда Воронежской области от 14.08.2020 по делу № 12-37/2020 // СПС КонсультантПлюс.

⁵ Решение Иловлинского районного суда Волгоградской области от 08.05.2019 по делу № АП12-36/2019 // СПС КонсультантПлюс.

⁶ Например, приказом Росстандарта «Об утверждении типов средств измерений» от 06.04.2017 № 713 в качестве средств измерения утверждены комплексы стационарные аппаратно-программные автоматической фотовидеофиксации «ДОЗОР-К».

⁷ Федеральный информационный фонд по обеспечению единства измерений // ФГИС «АРШИН». Режим доступа: <https://fgis.gost.ru/fundmetrology/registry> (дата обращения: 18.11.2020).

⁸ См., например, Постановление ВС Республики Татарстан от 19.06.2014 № 4а-563, оставленное без изменения Постановлением ВС РФ от 23.09.2014 № 11-АФ14-767; Постановление Смоленского областного суда от 22.12.2017 № 4а-404/2017; Решения Московского городского суда от 22.01.2019 по делу № 7-262/19; от 08.08.2018 по делу № 7-7846; от 18.10.2017 по делу № 7-13720/2017; Решение Тамбовского областного суда от 10.01.2018 по делу № 7-3(2)/2018; Решение Смоленского областного суда от 26.09.2017 по делу № 21-320/2017; Решение Ульяновского областного суда от 29.11.2018 по делу № 7-730/2018; от 04.06.2015 по делу № 7-263/2015; Решение Самарского областного суда от 26.02.2015 по делу № 21-122/2015; Решения Пермского краевого суда от 26.06.2018 по делу № 7-1033/2018 (21-580/2018); от 26.06.2018 по делу № 7-1033/2018 (21-580/2018); от 26.06.2018 по делу № 7-1032/2018 (21-579/2018); от 20.06.2018 по делу № 7-1048/2018 (21-591/2018); от 19.06.2018 по делу № 7-1047/2018 (21-590/2018); от 15.12.2016 по делу № 44а-1609/2016.

за превышение средней скорости также подтверждена законность использования САФ для расчета средней скорости и фиксации нарушения скоростного режима.

Однако 7 октября 2019 г. Верховный Суд РФ (ВС РФ) направил на новое рассмотрение в районный суд дело по жалобе Н. С. Баусова на постановление о привлечении к административной ответственности за превышение средней скорости (дело № 36-АД19-3, судья В. П. Меркулов). Направляя дело на новое рассмотрение, ВС РФ продемонстрировал принципиально иной подход к анализу ситуации, указав следующее: административное правонарушение, предусмотренное ч. 2 ст. 12.9 КоАП РФ, не является дилеммой, в связи с чем в постановлении должно содержаться точное время совершения правонарушения; указание участка автодороги (отрезка пути) в качестве места совершения административного правонарушения является недопустимым, в том числе с учетом того, что на данный участок автодороги может распространяться юрисдикция разных судов. После высказывания ВС РФ данной правовой позиции ее крайне осторожно стали применять и другие суды при разрешении аналогичных дел⁹.

Говорить о единообразной практике пока, конечно, рано. Несмотря на указание кассационных судов при направлении дел на новое рассмотрение, нижестоящие суды еще продолжают отстаивать сформировавшуюся практику¹⁰. В частности, при повторном рассмотрении дела по жалобе Н. С. Баусова суды первой и апелляционной инстанции поддержали позицию административного органа и отказали в удовлетворении жалобы¹¹.

17 августа 2020 г. Второй кассационный суд общей юрисдикции повторно направил дело на новое рассмотрение в связи с существенным нарушением нижестоящими судами норм процессуального права, на которые ранее указал ВС РФ. Дополнительно кассационный суд отметил, что при повторном рассмотрении дела судебными инстанциями не были исследованы и не получили надлежащую оценку доводы об отсутствии в КоАП РФ состава административного правонарушения за превышение средней скорости и доказательств превышения установленной скорости движения в месте выявления административного правонарушения.

12 октября 2020 г. жалоба Н. С. Баусова была вновь рассмотрена Вяземским районным судом Смоленской области, который все же принял предложенный ВС РФ подход и прекратил производство по делу в связи с отсутствием признаков события административного правонарушения. Суд «наконец-то» указал, что время и место совершения административного правонарушения относятся к его событию, входят в предмет доказывания и подлежат установлению в деле об административном правонарушении. Изучив представленные административные материалы, суд пришел к выводу, что обжалуемое постановление основано на предположении, а место и время совершения административного правонарушения точно не установлены¹².

Очевидно, что принятие ВС РФ постановления по данному делу стало переломным моментом в судебной практике. Но для дефицитных бюджетов возникла опасность снижения рентабельности использования САФ, пополнять бюджет, как раньше, они уже не смогут. Именно это, скорее всего, и стало причиной обращения представителей Ассоциации производителей и операторов систем распознавания и фотовидеофиксации «ОКО» с предложением включить в проект КоАП РФ понятие средней скорости¹³. Но поддержки данное предложение не нашло¹⁴. Наоборот, 11 декабря 2019 г. в первом чтении был принят законопроект № 494136-7 «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в части уточнения условий привлечения к административной ответственности»¹⁵, который направлен на исключение случаев привлечения к административной ответственности за превышение средней скорости.

Логически попытка легализации превышения средней скорости движения указывает на формальное отсутствие в действующем российском законодательстве ответственности за превышение средней скорости движения и на то, что экономические интересы продолжают довлеть над справедливостью и правовой определенностью.

Продemonстрированная противоречивость позиций правоприменителей и ее масштабы подтверждают актуальность проблемы законности привлечения лиц к административной ответственности за превышение средней скорости. Будучи убежденными в недопустимости привлечения водителей к административной ответственности

⁹ См., например, Постановления Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 28.05.2020 по делу № 16-1058/2020; от 29.05.2020 по делу № 16-2016/2020; Решение Иловинского районного суда Волгоградской области от 28.08.2020 по делу № 12-64/2020; Постановления Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 26.08.2020 по делу № 16-5559/2020; от 16.07.2020 по делу № 16-3305/2020; Решение Набережночелнинского городского суда Республики Татарстан от 18.08.2020 по делу № 12-1506/2020.

¹⁰ Решение Фроловского городского суда Волгоградской области от 27.07.2020 по делу № 12-46/2020 // СПС КонсультантПлюс.

¹¹ Решение Вяземского районного суда Смоленской области от 18.12.2019 по делу № 12-97/2019 // СПС КонсультантПлюс; Решение Смоленского областного суда от 29.01.2020 по делу № 12-97/2019 // СПС КонсультантПлюс.

¹² Решение Вяземского районного суда Смоленской области от 12.10.2020 по делу № 12-97/2020 // СПС КонсультантПлюс.

¹³ МВД запретило штрафовать неоднократно за одно и то же превышение скорости // Интерфакс. 18.08.2020. Режим доступа: <https://www.interfax.ru/russia/722185> (дата обращения: 18.11.2020).

¹⁴ Проект КоАП РФ // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. Режим доступа: <https://regulation.gov.ru/p/102447> (дата обращения: 18.11.2020).

¹⁵ О внесении изменений в КоАП РФ в части уточнения условий привлечения к административной ответственности. Законопроект № 494136-7 // СОЗД ГАС «Законотворчество». Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/494136-7> (дата обращения: 18.11.2020).

по ст. 12.9 КоАП РФ за превышение средней скорости движения на основании данных, полученных САФ, аргументируем свою позицию посредством ответов на следующие вопросы:

1. Является ли превышение средней скорости основанием для привлечения к административной ответственности по ст. 12.9 КоАП РФ?
2. Является ли фиксация средней скорости, а точнее ее расчет САФ, основанием для применения презумпции вины?
3. Являются ли полученные посредством САФ сведения достаточным доказательством события административного правонарушения?
4. Содержит ли превышение средней скорости обязательные признаки состава административного правонарушения?
5. Какое значение для дела об административном правонарушении имеет правильное установление места превышения установленной скорости движения?
6. Допустимо ли введение в закон специального административного состава за превышение средней скорости движения?

Является ли превышение средней скорости основанием для привлечения к административной ответственности по ст. 12.9 КоАП РФ?

Основанием для привлечения к административной ответственности является совершение физическим или юридическим лицом противоправного, виновного действия (бездействия), за которое КоАП РФ или законами субъектов РФ об административных правонарушениях установлена административная ответственность.

Принципы привлечения к ответственности основаны на общеправовых постулатах *Nulla poena sine lege* (Нет наказания без закона) и *Nullum crimen sine lege* (Нет преступления без указания на то в законе)¹⁶. Суть их применения для рассматриваемого нами случая заключается в нормативной определенности понятия и состава административного правонарушения.

В теории права принято выделять нормативное, фактическое и процессуальное основания административной ответственности. В качестве нормативного основания административной ответственности за превышение средней скорости движения на практике указывают ст. 12.9 КоАП РФ, фактического основания – превышение средней скорости движения, а процессуального – постановление по делу об административном правонарушении

и информацию о превышении средней скорости, полученную посредством САФ.

Однако ст. 12.9 КоАП РФ не содержит признаков объективной стороны для нормативного основания Превышение средней скорости движения, она предусматривает ответственность за другое правонарушение – превышение установленной скорости движения, и именно этот факт должен быть процессуально зафиксирован.

Диспозиция ст. 12.9 КоАП РФ является простой, она называет административное правонарушение и не раскрывает его понятие (признаки). В тоже время признаки понятия *скорость движения* содержатся в п. 10.1. ПДД¹⁷. Скорость должна обеспечивать водителю возможность постоянного контроля за движением транспортного средства для выполнения требований Правил. Конечно, указанным признаком понятие скорости движения не ограничивается, и для его определения необходимо дополнительно обратиться к грамматическому толкованию.

В механике под скоростью движения понимается отношение расстояния, которое преодолел объект, к соответствующему промежутку времени. Скорость, с которой должен равномерно перемещаться объект, чтобы преодолеть расстояние за определенный промежуток времени, называют средней скоростью. Средняя скорость, измеренная за малый промежуток времени, называется мгновенной скоростью. Например, мгновенную скорость движения транспортного средства показывает автомобильный спидометр, при помощи которого водитель может осуществлять постоянный контроль за скоростью движения транспортного средства.

Под указанным понятием равномерного движения понимают движение с постоянной (неизменной) средней скоростью ($V_{\text{сред}}^1 = V_{\text{сред}}^2 = V_{\text{сред}}^3$), под неравномерным (переменным) движением – движением объекта со скоростью, которая при движении меняется ($V_{\text{сред}}^1 \neq V_{\text{сред}}^2 \neq V_{\text{сред}}^3$). Фактически это означает что при равномерном движении объект за равные промежутки времени преодолевает одинаковое расстояние, при неравномерном движении – разное. Ошибочно отождествляя понятия средней скорости и скорости, полиция и суды при рассмотрении административных дел приходят к одному из двух альтернативных выводов:

- а) транспортное средство движется равномерно, т. е. с постоянной средней скоростью;
- б) транспортное средство движется неравномерно, но хотя бы один раз его скорость достигает значения средней скорости.

Движение транспортного средства, как правило, не является равномерным. Оно начинается из состояния покоя, после чего скорость движения постепенно увеличивается,

¹⁶ По делу о проверке конституционности ч. 1 ст. 1.7 и ч. 4 ст. 4.5 КоАП, п. 4 ст. 1 ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» и п. 4 ст. 1 ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности"» в связи с жалобами граждан А. И. Залютдинова, Н. Я. Исмагилова и О. В. Чередыня. Постановление КС РФ от 14.06.2018 № 23-П // Официальный интернет-портал правовой информации. Режим доступа: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&backlink=1&nd=102473077&page=1&rdk=0#10 (дата обращения: 18.11.2020).

¹⁷ О Правилах дорожного движения. Постановление Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090 (ред. от 26.03.2020) // СПС КонсультантПлюс.

а при остановке, наоборот, постепенно уменьшается до состояния покоя. Кроме того, на скорость влияет интенсивность движения, состояние транспортного средства, дорожные, метеорологические и другие условия. Вывод о неравномерном движении транспортного средства может быть подтвержден только при детальном описании движения транспортного средства (изменение маршрута, скорости движения, остановки, стоянки во время движения).

Указанные обстоятельства влияют на время пути, а следовательно, и на полученное в результате расчета значение средней скорости. Так, например, стоянка транспортного средства увеличивает продолжительность его нахождения в пути, а значит уменьшает полученное в результате расчета значение средней скорости. В свою очередь, движение по объездному пути, «срезание», уменьшает продолжительность нахождения транспортного средства в пути и увеличивает значение средней скорости.

Мы выражаем твердую убежденность в том, что полученные посредством САФ данные о средней скорости объективно недостаточны для того, чтобы достоверно установить данные обстоятельства и зафиксировать превышение установленной скорости движения.

Выводы о наличии в действиях лица признаков противоправного поведения, основанные на расчете и вероятности, не формируют событие административного правонарушения, предусмотренное ст. 12.9 КоАП РФ, поскольку не подтверждают факт превышения установленной скорости движения. Следовательно, полученные посредством САФ сведения не могут рассматриваться как единственное доказательство события административного правонарушения и должны оцениваться в сочетании с другими доказательствами для всестороннего, полного и объективного разрешения дела об административном правонарушении (ст. 24.1 КоАП РФ).

Полученная посредством САФ информация о событии неравноценна установлению факта состава административного правонарушения, это всего лишь предположение, основанное на формуле расчета гипотетического состава административного правонарушения превышения средней скорости движения.

Является ли фиксация средней скорости, а точнее ее расчет САФ, основанием для применения презумпции вины?

Отвечая на этот вопрос, отметим, что рассматриваемая проблема не имеет ничего общего с презумпцией вины при фиксации предусмотренного ст. 12.9 КоАП РФ правонарушения в конкретном месте в конкретное время и на конкретном транспортном средстве. Наличие состава данного правонарушения лицо может опровергнуть, доказав, что транспортным средством управляло иное лицо, и поставив под сомнение его техническое состояние. Например, при фиксации высокой скорости движения транспортного средства, достижение которой невозможно ввиду его технических характеристик.

Возложение на лицо, в отношении которого вынесено постановление по делу об административном правонарушении, обязанности по опровержению факта правонарушения является грубым нарушением установленной Конституцией РФ презумпции невиновности. Презумпция невиновности лица, привлекаемого к административной ответственности, процессуально заключается в возложении бремени доказывания его виновности и трактовкой неустрашимых сомнений в виновности в пользу этого лица на государство (части 3 и 4 ст. 1.5 КоАП РФ). Презумпция вины при превышении средней скорости движения применяться не может, т. к. САФ не фиксирует нарушение, а лишь осуществляет расчет средней скорости.

Математический расчет не заменяет фиксацию юридического факта превышения разрешенной скорости движения в конкретном месте и в конкретное время, установленного нормативно и процессуально. Вместе с тем фиксация превышения установленной скорости движения в силу примечания к ст. 1.5 КоАП РФ работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами является обязательным условием для неприменения презумпции невиновности.

В итоге привлечение к ответственности за превышение средней скорости движения на основании данных САФ можно сравнить с обвинением в краже, когда человек взвешивается на входе и выходе из помещения, в котором не кормят и с собой ничего не дают, вменением: «весишь больше, значит, взял чужое, украл!»

Напомним, что введение исключения из презумпции невиновности юристы связывают с введением презумпции вины (объективного вменения). Например, А. Г. Кравченко отмечал, что указанная норма нарушает целостность концептуальной конструкции презумпции невиновности в публичных отношениях. Автор приходит к выводу, что подобная деградация правового регулирования, вызванная значительными проблемами доказывания в административном процессе виновности привлекаемого к ответственности лица, обусловлена введением технологических средств фиксации правонарушения [1].

Рассуждая о гипотетическом составе превышения средней скорости движения, не колеблясь следует говорить не о деградации, а о монстроподобном перерождении правового регулирования, допускающего административную ответственность по ст. 12.9 КоАП РФ. Если раньше проблемы презумпции невиновности и доказывания отсутствия состава при фиксации административных правонарушений техническими средствами разворачивались вокруг установления личности водителя, то сегодня борьба с очевидной неправомерностью штрафа разворачивается вокруг мнимой фиксации места и времени административного правонарушения и переродившейся презумпции вины. Но если незыблемые постулаты объективной и субъективной стороны правонарушения никому не нужны, а важнее и рентабельнее формула расчета средней скорости, то зачем нам право?! Давайте будем привлекать к ответственности по формуле!

Превышение установленной скорости движения считается зафиксированным лишь тогда, когда полученные в результате фиксации сведения позволяют установить точное время и место правонарушения. Данные характеристики объективной стороны состава административного правонарушения, предусмотренного ст. 12.9 КоАП РФ, являются обязательными, входят в предмет доказывания по делу и подлежат установлению. САФ фиксирует лишь номер транспортного средства и время, за которое оно преодолело контролируемый участок дороги. Фиксация обстоятельств, которые влияют на скорость движения, например, «срезание» маршрута, остается вне публичного и объективного контроля. Скорость транспортного средства, даже превышающая установленную скорость движения, на въезде и выезде с участка дороги такими камерами не фиксируется. Сведения о превышении установленной скорости движения получают не в виде развернутой информации о допущенном правонарушении, а в виде расчета.

Полученная посредством такого расчета информация о средней скорости не позволяет определить положение транспортного средства в конкретный момент времени, а следовательно, установить место и время превышения установленной скорости движения. Вывод об обратном нарушает не только нормы права, но и законы физики. Основная задача механики также заключается в том, чтобы определить положение тела в пространстве в любой момент времени, и давно известно, что средняя скорость поставленную задачу не решает.

Наглядно демонстрирует нарушение презумпции невиновности позиция Вяземского районного суда Смоленской области в деле по жалобе Н. С. Баусова: «Отсутствие на фотоматериалах значений скорости движения на протяжении всего участка дороги, сведения о возможности преодолеть участок дороги без нарушения скоростного режима являются субъективной точкой зрения, не опровергают выводы административного органа о наличии в действиях лица состава административного правонарушения и не влекут отмену постановления»¹⁸.

В силу презумпции невиновности данный вывод суда должен звучать с точностью наоборот. Вывод о нарушении

скоростного режима при отсутствии на фотоматериалах значений скорости движения на всем протяжении участка дороги является предположением административного органа о наличии в действиях лица состава административного правонарушения и основанием для отмены постановления¹⁹. К счастью, при новом рассмотрении дела по жалобе Н. С. Баусова суд все же указал на гипотетический характер «установленных» в постановлении обстоятельств²⁰.

При рассмотрении административных дел, связанных с превышением средней скорости движения, должна применяться презумпция невиновности, которая может быть опровергнута только посредством надлежащих, обязательных для суда и иных участников процесса процедур, предусмотренных процессуальным законом²¹. Неустранимые сомнения и (или) предположения, основанные на математическом вычислении, должны толковаться в пользу лица, привлекаемого к административной ответственности. Только в этом случае нормы статей 49 и 118 Конституции РФ не будут нарушены.

Как справедливо указывал Конституционный Суд РФ (КС РФ), законодатель в силу статей 18 и 21 Конституции РФ не вправе поощрять возможное умаление достоинства личности со стороны корпораций публичного права, в том числе освобождать их от соблюдения конституционного принципа презумпции невиновности, который требует опровержения последней в предусмотренном федеральным законом судебном порядке. Ни федеральный закон, ни закон субъекта РФ не могут вводить нормы, противоречащие ст. 49 Конституции РФ, поскольку гарантируемые ей права и свободы, согласно ч. 3 ст. 56, не подлежат ограничению²².

Соответственно, при рассмотрении административных дел о превышении средней скорости движения подлежит применению презумпция невиновности. Суды не должны освобождать административные органы от обязанности соблюдать требования статей 24.1 и 26.11 КоАП РФ²³. К сожалению, формирующаяся в настоящий момент судебная практика не направлена на всестороннее полное объективное и своевременное выяснение всех обстоятельств дела, их оценку и справедливое разрешение дела об административном

¹⁸ Решение Вяземского районного суда Смоленской области от 18.12.2019 по делу № 12-97/2019 // СПС КонсультантПлюс.

¹⁹ Решение Чеховского городского суда Московской области от 11.09.2020 № 13-252/2020 // СПС КонсультантПлюс.

²⁰ Решение Вяземского районного суда Смоленской области от 12.10.2020 по делу № 12-97/2020 // СПС КонсультантПлюс.

²¹ По делу о проверке конституционности положений ч. 2 и ч. 8 ст. 56, ч. 2 ст. 278 и гл. 40.1 УПК РФ в связи с жалобой гражданина Д. В. Усенко. Постановление КС РФ от 20.07.2016 № 17-П // Вестник КС РФ. 2016. № 6. С. 32–46; По делу о проверке конституционности ч. 15 ст. 239 Кодекса административного судопроизводства РФ в связи с жалобой регионального отделения политической партии «Справедливая Россия» в г. Санкт-Петербурге. Постановление КС РФ от 15.11.2018 № 42-П // Вестник КС РФ. 2019. № 1. С. 55–68.

²² По делу о проверке конституционности Закона Московской области от 28 апреля 1995 года «О порядке отзыва депутата Московской областной Думы» в связи с запросом Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ. Постановление КС РФ от 24.12.1996 № 21-П // Вестник КС РФ. 1996. № 5.

²³ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Долженкова Ивана Васильевича на нарушение его конституционных прав положениями ч. 3 ст. 1.5, примечания к ст. 1.5, ст. 2.6.1, ч. 3.1 ст. 4.1 и ч. 3 ст. 28.6 Кодекса РФ об административных правонарушениях. Определение КС РФ от 07.12.2010 № 1621-О-О // СПС КонсультантПлюс; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Петрова Юрия Викторовича на нарушение его конституционных прав ч. 3 ст. 1.5, примечанием к ст. 1.5 и ст. 2.6.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях. Определение КС РФ от 22.03.2011 № 391-О-О // СПС КонсультантПлюс; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Акимовой Веры Викторовны на нарушение ее конституционных прав примечанием к ст. 1.5 и ст. 2.6.1 КоАП РФ. Определение КС РФ от 21.06.2011 № 774-О-О // СПС КонсультантПлюс; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Штатнова Дмитрия Владимировича на нарушение его конституционных прав примечанием к ст. 1.5 и ст. 2.6.1 КоАП РФ. Определение КС РФ от 25.01.2012 № 177-О-О // СПС КонсультантПлюс.

правонарушении. Это наглядно демонстрируют примеры вводной части настоящей статьи.

Вероятность наличия признаков правонарушения в действиях физических лиц еще не означает их виновность, тем не менее знак равенства между ними фактически ставится. Средняя скорость – это оценочная величина, не позволяющая установить обязательные признаки состава административного правонарушения. Позиция судов о заведомой противоправности действий лиц, привлекаемых к административной ответственности на основании фиксации «неопределенного места правонарушения» путем расчета средней скорости, требует применения презумпции невиновности, а не принципа объективного вменения.

Являются ли полученные посредством САФ сведения достаточным доказательством события административного правонарушения?

Рассуждая о том, что же доказывает полученный САФ результат вычисления, каково его значение для целей правовой квалификации состава правонарушения в действиях конкретного лица, обратимся к вопросу о сущности процесса доказывания и доказательств.

В доктрине понятие *доказывание* принято определять в широком и узком смыслах. В первом – как осуществление всей познавательной деятельности субъектов процессуальных отношений, охватывающей не только оценку, но и сбор, истребование и проверку доказательств; во втором – лишь как логическую деятельность по обоснованию выдвигаемого тезиса [2].

По мнению С. С. Алексеева, «доказывание (в широком смысле) – это деятельность субъектов, направленная на установление с помощью доказательств истинности обстоятельств дела». В эту деятельность автор включает сбор, исследование и оценку доказательств. «В ... узком смысле понятие доказывания ... состоит в деятельности по обоснованию выдвигаемых доводов и возражений, по убеждению в их истинности тех или иных лиц» [3, с. 282]. С. Ф. Афанасьев предлагает под судебным доказыванием рассматривать процессуальную деятельность лиц, участвующих в деле, направленную на убеждение суда в истинности фактических обстоятельств дела [4, с. 145]. Настаивает на необходимости разграничения оценки доказательств, осуществляемой судом, и собственно процессуального доказывания А. Т. Боннер, утверждающий также, что доказательства являются средствами установления объективной истинности наличия или отсутствия искоемых фактов [5, с. 12–13]. По справедливому утверждению В. В. Яркова, доказывание направлено на установление путем опосредованного познания совокупности фактов, имеющих юридическое значение [6, с. 156]. Только обстоятельство, влияющее в силу закона на возникновение, изменение или прекращение правоотношения, может входить в предмет доказывания, т. е. подлежать установлению. Сами же доказательства являются информацией, сведениями о фактах.

Если исходить из тезиса о том, что «готовых» доказательств в природе не существует и не может существовать,

а объективно существуют исключительно следы события, в которых содержится нужная информация, то лишь в процессе познавательной-удостоверительной деятельности определенных субъектов доказывания, наделенных для этого соответствующими правомочиями, информации придается надлежащая процессуальная форма и возникают, т. е. формируются, доказательства [2]. Положение о том, что доказательства фактически не «собираются», а «формируются» [7], разделяется многими, в том числе и современными исследователями [8–12].

Процесс расчета средней скорости и полученное в результате числовое значение – это лишь результат применения некоего познавательного метода к произошедшим событиям. Является ли такой результат самодостаточным и неопровержимым итогом процесса доказывания события административного правонарушения? Устанавливает ли он юридический факт, имеющий значение для констатации наличия события правонарушения и квалификации содеянного по ст. 12.9 КоАП РФ? Исключает ли он в силу презумпции невиновности сомнения в виновности лица? Однозначно, нет!

Концепция безграничного доверия результату вычислительного процесса САФ, слепая вера в истинность средней скорости движения абсолютно инородны сути законного и справедливого правосудия. Концепция гипотетического правонарушения основана на противопоставлении процессов получения знания (информации) и доказывания существования противоправного события.

Процесс получения знания обуславливает необходимость логического аспекта познания, который основан на истинности знания и правовых постулатах законности и справедливости. Иначе говоря, доказательство, полученное посредством САФ, в узком значении – это только часть системы познания в системе практических правовых процессуальных операций по сбору и проверке всех доказательств, относящихся к событию правонарушения. Вычисление средней скорости как результат технического познавательного действия не заменяет собой процесс доказывания состава административного правонарушения. При формировании конечных выводов, вынесении постановления о привлечении к административной ответственности на первый план выходит процессуально-правовой элемент познания, в то время как на этапе сбора доказательств ведущую роль играет извлечение знаний. Поэтому процесс доказывания события превышения средней скорости – это познавательная деятельность компетентного государственного органа, осуществляемая по процессуальным правилам с обязательным соблюдением принципов законности, справедливости, состязательности и, конечно, относимости и допустимости доказательств.

Уяснение изложенного, на наш взгляд, не только предотвратит подмену процесса доказывания на получение вводных данных и правосудия на интуитивное доверие САФ, но и обеспечит соблюдение правил состязательности, распределения бремени доказывания [7].

Продолжая аргументацию озвученной идеи, следует сослаться и на позицию КС РФ: обвинение может быть признано обоснованным только при условии, что все противостоящие ему обстоятельства дела объективно исследованы и отвергнуты стороной обвинения²⁴. Это означает, что сторона обвинения должна всесторонне исследовать обстоятельства дела и, оставаясь объективной, опровергнуть доводы стороны защиты или, если этого сделать не удалось, отказаться от обвинения. Доказывание в деле об административном правонарушении – это не деятельность, направленная на объективное установление обстоятельств предмета доказывания, как принято считать, а деятельность по обоснованию обвинения. Вызывает удивление, как при наличии такой правовой позиции высшей судебной инстанции России, хрестоматийно касающейся любого процесса доказывания события общественно-опасного деяния, могла появиться и развиваться практика привлечения к ответственности за превышение средней скорости?

Содержит ли превышение средней скорости обязательные признаки состава административного правонарушения, предусмотренного ст. 12.9 КоАП РФ?

В силу ч. 1 ст. 2.1. КоАП РФ общественную опасность представляет такое виновное действие, которое не соответствует закону, регулирующему охраняемые общественные интересы, против которых данное действие направлено. Согласно диспозиции ст. 12.9 КоАП РФ, общественную опасность представляет превышение установленной скорости движения, а не средней скорости движения.

Определить юридическую конструкцию общественно опасного деяния и сделать вывод о том, что это деяние является правонарушением, позволяет состав административного правонарушения. Административное правонарушение и его состав неразрывно связаны. С одной стороны, только административное правонарушение обладает набором юридических характеристик, образующих в своей совокупности его состав. С другой стороны, только наличие всех юридических признаков, совокупность которых образует состав административного правонарушения, может свидетельствовать о том, что оцениваемое с точки зрения КоАП РФ деяние является административным правонарушением [13].

Как уже неоднократно говорилось выше, обязательными признаками состава административного правонарушения по ст. 12.9 КоАП РФ являются место и время его совершения. Отсутствие данных признаков в действиях лица не только свидетельствуют об отсутствии состава административного правонарушения, но и в силу

ст. 24.5 КоАП РФ исключает производство по делу об административном правонарушении.

Признаки, образующие состав административного правонарушения, представляют не случайное сочетание, а органическое единство: отсутствие хотя бы одного из необходимых признаков означает отсутствие состава в целом. Поэтому состав нередко определяется не просто как совокупность, а как система признаков, чтобы особо подчеркнуть его неразрывное единство [13].

При фиксации превышения установленной скорости движения общественную опасность представляет движение транспортного средства по участку дороги с установленным ограничением скоростного режима. В другом месте в пределах участка поведение водителя может не представлять общественной опасности и являться правомерным, поскольку превышения скорости может и не быть. Поскольку расчет средней скорости не позволяет установить признаки общественной опасности на всем участке автомобильной дороги и противоправности в поведении водителя, производство по делу об административном правонарушении подлежит прекращению (статьи 24.5, 28.9 КоАП РФ).

Суды и сотрудники полиции, квалифицируя действия лиц по ст. 12.9 КоАП РФ, указанную позицию не разделяют и приходят к выводу, что общественную опасность представляет движение с превышением средней скорости или на всем контролируемом участке дороге, или в месте «фиксации» правонарушения (на выезде с контролируемого участка дороги).

Согласиться с данной позицией невозможно, поскольку она сознательно допускает административную ответственность за правомерные действия. Кроме того, она не позволяет определить, насколько в конкретном моменте была превышена разрешенная скорость движения для целей дифференциации размера штрафа.

Обращаясь к факту упоминаемого дела Н. С. Баусова, констатируем все основания для применения ст. 24.5 КоАП РФ при рассмотрении дела Вяземским судом Смоленской области. Как следует из судебного акта, «участок автодороги ... имеет несколько объездных путей, воспользовавшись любым из которых, автомобиль ... должен был двигаться с гораздо большей скоростью, чем указано в постановлении, а также двигаясь с превышением скорости в случае, если в пути имела место остановка транспортного средства на какое-то время»²⁵. Тем не менее в удовлетворении жалобы было «обоснованно» отказано. Как уже говорилось выше, принимая во внимание лишь такой расчет, нарушается презумпция правомерности действий граждан, соблюдающих установленный порядок поведения²⁶.

²⁴ По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 УПК РФ в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы. Постановление КС РФ от 29.06.2004 № 13-П // СПС КонсультантПлюс.

²⁵ Решение Вяземского районного суда Смоленской области от 18.12.2019 по делу № 12-97/2019 // СПС КонсультантПлюс.

²⁶ По делу о проверке конституционности ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» и ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобой гражданина Э. В. Савенко. Постановление КС РФ от 14.02.2013 № 4-П // СПС КонсультантПлюс.

Практика привлечения водителей за превышение средней скорости движения вынуждает нас задавать риторические вопросы. Является ли справедливым наказание за правомерное поведение? Соответствует ли оно целям, предусмотренным ст. 3.1. КоАП РФ? Ответы, к сожалению, не для всех очевидны. Допуская, что превышение средней скорости является противоправным действием, одновременно следует считать правомерным поведением движение с установленной средней скоростью. Но как тогда осуществлять постоянный контроль за средней скоростью движения? В какой период необходимо соблюдать установленный скоростной режим? С момента приобретения транспортного средства до его отчуждения? На каком отрезке пути? Или, может быть, ограничения скоростного режима вместо запрещающих дорожных знаков теперь устанавливают средства «фиксации» средней скорости? Мыслимые варианты привлечения водителей к административной ответственности за превышение средней скорости доводят рассматриваемую ситуацию до абсурда.

Как справедливо указал КС РФ, ответственность может считаться законно установленной и отвечающей требованиям статей 19, 54 и 55 Конституции РФ лишь при условии, что она адекватна общественной опасности преступления, признаки которого, отграничивающие его от иных противоправных и тем более от законных деяний, ясно и четко определены законом, встроенным в общую систему правового регулирования²⁷. В противном случае оценка поведения лица как запрещенного или разрешенного законом, по существу, основывается на расчете вероятности, а не на фиксации факта нарушения, что ведет к произвольному применению закона.

Сторонники применения САФ в один голос утверждают, что цель фиксации средней скорости – предотвращение правонарушений в области дорожного движения и устранение мест концентрации ДТП. Бесспорно, цель заслуживает уважения и поддержки, но выбранное средство ее не оправдывает. САФ устанавливает вероятность совершения правонарушения, но это в первую очередь вероятность без установления столь необходимого для вменяемого состава правонарушения юридического факта. В итоге государство не обеспечивает эффективное и безопасное состояние общественных отношений и нарушает конституционные права граждан.

Применение САФ для привлечения к ответственности за превышение средней скорости движения является интерпретацией эпизода повести «Гонки по вертикали» бр. Вайнеров с вором по кличке Батон, которого поймали с чужим чемоданом, но без потерпевшего. Объективное вменение известно даже искусству, но там, в отличие

от российской правоприменительной практики, сюжет пришел к логическому и процессуально справедливому завершению.

Какое значение для дела об административном правонарушении имеет правильное установление места превышения установленной скорости движения?

Основанием административной ответственности по ст. 12.9 КоАП РФ в силу ст. 2.6.1 КоАП РФ является фиксация превышения установленной скорости движения техническими средствами, работающими в автоматическом режиме. В силу п. 26 Постановления Пленума ВС РФ от 25.06.2019 № 20, материалы, формируемые такими техническими средствами должны содержать информацию о месте и времени совершения административного правонарушения²⁸.

Средства фиксации средней скорости не позволяют установить место совершения административного правонарушения, за которое суды обычно ошибочно принимают или контролируемый участок дороги, или место фиксации правонарушения на выезде с него.

Превышение установленной скорости движения не является длящимся правонарушением, следовательно, в постановлении об административном правонарушении должно быть точно указано время и место его совершения. Так, из разъяснений, содержащихся в пп. «з» п. 3 Постановления Пленума ВС РФ от 24.03.2005 № 5, местом совершения административного правонарушения является место совершения противоправного действия, независимо от места наступления его последствий, а если такое деяние носит длящийся характер – место окончания противоправной деятельности, ее пресечения²⁹.

Будучи нормативно не урегулированным, порядок расположения на дороге таких средств фиксации носит хаотичный, случайный характер. В результате на практике возникают ситуации, когда в постановлении административного органа в качестве места совершения правонарушения указан контролируемый участок дороги, а транспортное средство двигалось по объездной дороге. Конечно же, обязанность по опровержению этого обстоятельства в нарушение презумпции невиновности возлагается на водителя транспортного средства.

Как здесь еще раз не упомянуть обстоятельства, изложенные Вяземским районным судом Смоленской области, по показательному делу Н. С. Баусова: «В судебном заседании ... были предоставлены расчеты средней путевой скорости с учетом возможных объездов участка автодороги, указанного в обжалуемом постановлении, из которых

²⁷ По делу о проверке конституционности ч. 3 ст. 159 УК РФ в связи с жалобой гражданина М. А. Литвинова. Постановление КС РФ от 22.07.2020 № 38-П // Вестник КС РФ. 2020. № 5. С. 74–82.

²⁸ О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных гл. 12 КоАП РФ. Постановление Пленума ВС РФ от 25.06.2019 № 20 // Бюллетень ВС РФ. 2019. № 9. С. 23–39.

²⁹ О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении КоАП РФ. Постановление Пленума ВС РФ от 24.03.2005 № 5 // Бюллетень ВС РФ. 2005. № 6.

следует, что альтернативных дорог шесть...». Шесть альтернативных дорог! Видимо, САФ специально устанавливают так, чтобы невозможно было даже приблизительно установить участок дороги, на котором превышена установленная скорость движения. Как при указанных обстоятельствах определить место совершения правонарушения?

Установление места совершения правонарушения имеет принципиальное значение и при установлении юрисдикции спора, которая определяется по месту совершения правонарушения. Указание отдельного участка автодороги в качестве места совершения административного правонарушения является недопустимым, в том числе с учетом того, что на данный участок автодороги может распространяться юрисдикция разных судов³⁰. Недопустимо определять юрисдикцию спора и по месту фиксации правонарушения, поскольку оно не является делящимся. Кроме того, на указанном участке транспортное средство может двигаться с установленной скоростью движения, и в таком случае юрисдикция будет определена по месту совершения правомерного действия. Само нарушение при этом может быть допущено на территории, где установлено более серьезное наказание за данное правонарушение³¹.

Неправильное определение суда, компетентного рассматривать административное дело, умаляет право на справедливую и эффективную судебную защиту, гарантированное Конституцией РФ, и не подлежащее ограничению.

Допустимо ли введение в закон специального административного состава за превышение средней скорости движения?

При постановке проблемы мы обозначили, что действующее законодательство не содержит такого состава административного правонарушения, как Превышение средней скорости движения. Но что, если в отдельных случаях применение САФ допустимо? Представим участок дороги, который не имеет съездов и десятка объездных путей, где возможность остановиться отсутствует. Очевидно, что полученное в результате расчета значение средней скорости с большей вероятностью будет свидетельствовать о превышении установленной скорости движения. Более того, оно практически исключает возможность привлечения к административной ответственности невиновных лиц. Возможно, именно для этих случаев стоит предусмотреть в законе специальный состав административного правонарушения Превышение средней скорости движения?

Ответом на этот вопрос и хотелось бы завершить проведенное исследование. Полагаем, что даже при таких идеальных условиях САФ является несовершенной системой, применение которой для целей привлечения лиц к административной ответственности недопустимо. Главный

аргумент «за» введение такого состава административного правонарушения – это высокая степень вероятности установления правонарушения. Но есть целый ряд аргументов «против». Не повторяя приведенное ранее обоснование, кратко обозначим основные из них.

Во-первых, полученная посредством САФ информация о событии останется предположением, высокая вероятность которого позволит и установить нарушителя, и избежать более строгое наказание.

Во-вторых, пусть САФ и может с высокой степенью вероятности зафиксировать превышение скорости движения, это не значит, что транспортное средство постоянно двигалось с нарушением скоростного режима. Как минимум, на въезде или выезде с контролируемого участка дороги потенциальный нарушитель может, увидев камеру, снизить скорость движения и проехать какое-то время с соблюдением скоростного режима. Следовательно, превышение средней скорости нельзя рассматривать как делящееся правонарушение (длительное непрекращающееся невыполнение возложенных на лицо обязанностей, непрерывное осуществление противоправного деяния), и для установления события административного правонарушения нужно точно установить место и время его совершения. В ином случае водителей снова будут привлекать к ответственности и за правомерное поведение, и за противоправное.

В-третьих, расчет средней скорости не заменяет процесс доказывания и не является фиксацией события административного правонарушения. Следовательно, в отношении водителя должна применяться презумпция невиновности, обязанность по опровержению которой лежит на административном органе. Но САФ не приспособлена фиксировать событие административного правонарушения, а значит, и опровергнуть данную презумпцию административный орган не сможет! Одновременная фиксация средней скорости (вероятности) и события административного правонарушения (факта) не может сосуществовать!

Таким образом, даже если в законе будет специальный состав, водитель, въезжая под потенциальный запрещающий дорожный знак Ограничение максимальной средней скорости будет находиться в зоне, где его конституционные права являются «помехой слева» для государства, которое не уступит дорогу, двигаясь в сторону «справедливого» пополнения бюджета.

Заключение

Исследованный вопрос не является узкоотраслевым. Административная ответственность за превышение средней скорости движения лишь один из наглядных примеров того, как «упрощение», оптимизация процесса доказывания и фиксации некой информации о юридически значимом

³⁰ См., например, Решение Чеховского городского суда Московской области от 11.09.2020 № 13-252/2020; Решение Подольского городского суда Московской области от 08.07.2020 № 12-390/2020; Решение Тамбовского районного суда Тамбовской области от 11.06.2020 по делу № 12-95/2020.

³¹ По делу о проверке конституционности положений п. 6 ст. 8 ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», чч. 1 и 3 ст. 18.8 КоАП РФ и пп. 2 ч. 1 ст. 27 ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» в связи с жалобой гражданина Республики Молдова М. Цуркана. Постановление КС РФ от 17.02.2016 № 5-П // Вестник КС РФ. 2016. № 3. С. 58–72.

события может исказить смысл и дух закона. Это происходит вопреки пониманию того, что в вопросах ответственности не может быть вероятности, условности или абстракции. Справедливое наказание обречено на вечное сосуществование только с юридически достоверными фактами, установленными законными способами доказывания. В ином случае завтра мы столкнемся с формулами и алгоритмами, рассчитывающими факт нарушения в других отраслях права без обязательного доказывания наличия объективной стороны правонарушения.

Охватывая критическим взглядом складывающуюся ситуацию с ответственностью граждан за превышение средней скорости движения, полагаем возможным озвучить следующие выводы:

1. Превышение средней скорости как некое противоправное деяние не содержит определенных законом признаков общественной опасности. Складывающаяся практика привлечения к административной ответственности за превышение средней скорости допускает привлечение к административной ответственности за правомерное поведение.

2. Состав административного правонарушения, предусмотренный ст. 12.9 КоАП РФ, не охватывает превышение средней скорости движения. Понятие *превышение средней скорости движения* как признак противоправного поведения в законе отсутствует, а понятия *скорость* и *средняя скорость* в силу лингвистического толкования не являются тождественными. Поэтому квалифицировать превышение средней скорости по какой-либо статье КоАП РФ невозможно.

3. САФ не фиксирует место и время совершения правонарушения, не позволяет установить событие административного правонарушения даже по ст. 12.9 КоАП РФ.

4. Основой административной ответственности является доказанность состава административного правонарушения. Вычисление средней скорости является не доказыванием, а ординарным методом познания для установления вероятности события.

5. Бремя доказывания юридически значимых обстоятельств, в том числе времени и места совершения административного правонарушения, в силу действующей презумпции невиновности должно возлагаться не на лицо, в отношении которого возбуждено дело об административном правонарушении, а на административный орган, который благодаря САФ никакими доказательствами, предусмотренными законом, не располагает. Любые попытки применения объективного вменения стоит пресекать. САФ рассчитывает среднюю скорость, а не фиксирует правонарушение, поэтому исключения из презумпции невиновности на случаи превышения средней скорости движения не распространяются.

Следует признать, что практика привлечения к административной ответственности за превышение средней скорости движения порочна и подрывает основы справедливости наказания, состязательности и законности. Остается надеяться, что после того, как позиция о недопустимости привлечения к административной ответственности за превышение средней скорости движения по ст. 12.9 КоАП РФ была озвучена ВС РФ и поддержана рядом нижестоящих судов, правоприменительная практика обретет правоприменительные формы.

Литература

1. Кравченко А. Г. Деформации правовой ментальности в административной правоприменительной политике государства // Административное и муниципальное право. 2019. № 1. С. 7–16. DOI: 10.7256/2454-0595.2019.1.28549
2. Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М.: Норма, 2008. 238 с.
3. Алексеев С. С. Проблемы теории права. В 2 т. Т. 2: Нормативные юридические акты; Применение права; Юридическая наука. Свердловск: Б. и., 1973. 401 с.
4. Курс доказательственного права: гражданский процесс, арбитражный процесс, административное судопроизводство / под ред. М. А. Фокиной. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2019. 654 с.
5. Боннер А. Т. Избранные труды. В 7 т. Т. 5: Проблемы теории судебных доказательств. М.: Проспект, 2017. 556 с.
6. Ярков В. В. Юридические факты в цивилистическом процессе. М.-Берлин: Инфотропик Медиа, 2012. XXIV, 582 с.
7. Шейфер С. А. Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе. М.: Б. и., 1972. 130 с.
8. Михеенко М. М. Доказывание в советском уголовном судопроизводстве. Киев: Вища школа, 1984. 132 с.
9. Белкин А. Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. М.: Норма, 2005. 527 с.
10. Доля Е. А. Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности. М.: Спарк, 1996. 111 с.
11. Победкин А. В., Яшин В. Н. Следственные действия. М.: Юрлитинформ, 2016. 185 с.
12. Глушков А. И., Гриненко А. В., Григорьев В. Н. Уголовный процесс / отв. ред. А. В. Гриненко. М.: Норма, 2004. 465 с.
13. Уголовное право Российской Федерации: общая часть / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М; КОНТРАКТ, 2008. 553 с.

Responsibility for Exceeding the Vehicle Average Speed: Another Step away from Justice

Andrey V. Pereladov^{a, @}; Aleksandr A. Lichman^a

^a Bar Association "RegionServis", Russia, Kemerovo

@info@regionservice.com

Received 02.12.2020. Accepted 23.12.2020.

Abstract: The present research featured optimization of the proof and its effect on the meaning and spirit of the law as in the case of administrative liability for exceeding the vehicle average speed. The authors describe the legal opinions of administrative bodies, courts, and prosecutors on the issue of exceeding the vehicle average speed registered by traffic cameras. The authors believe that it cannot be used as a basis for administrative liability since the concept of "vehicle average speed" is absent from the law. Moreover, it violates the presumption of innocence and imposes unfair burden of proof on the driver. The article introduces the difference between the calculation of the vehicle average speed and the proof of the body of an administrative offense. The proof should include the exact place and time of speeding, whereas the evidence for their determination should be admissible and relevant. Traffic cameras have too many disadvantages to be used for establishing the event of an administrative offense and bringing people to administrative sanctions.

Keywords: administrative offense, means of automatic recording, exceeding the speed limit, offense, event of an administrative offense, presumption of innocence, objective imputation

For citation: Pereladov A. V., Lichman A. A. Responsibility for Exceeding the Vehicle Average Speed: Another Step away from Justice. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2020, 4(4): 353–364. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-4-353-364>

References

1. Kravchenko A. G. Deformation of the legal mentality in administrative law-enforcement state policy. *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo*, 2019, (1): 7–16. (In Russ.) DOI: 10.7256/2454-0595.2019.1.28549
2. Sheifer S. A. *Evidence and proof in criminal cases: problems of theory and legal regulation*. Moscow: Norma, 2008, 238. (In Russ.)
3. Alekseev S. S. *Problems of the theory of law. Vol. 2: Normative legal acts; Application of the law; Legal science*. Sverdlovsk: B. i., 1973, 401. (In Russ.)
4. *Evidence course: civil procedure, arbitration process, and administrative legal proceedings*, ed. Fokina M. A., 2nd ed. Moscow: Statut, 2019, 654. (In Russ.)
5. Bonner A. T. *Selected works. Vol. 5. Problems of the theory of forensic evidence*. Moscow: Prospekt, 2017, 556. (In Russ.)
6. Iarkov V. V. *Legal facts in the civil procedure*. Moscow-Berlin: Infotropik Media, 2012, XXIV, 582. (In Russ.)
7. Sheifer S. A. *The essence and methods of collecting evidence in the Soviet criminal process*. Moscow: B. i., 1972, 130. (In Russ.)
8. Mikheenko M. M. *Proofing in Soviet criminal proceedings*. Kiev: Vishcha shkola, 1984, 132. (In Russ.)
9. Belkin A. R. *Evidence theory in criminal proceedings*. Moscow: Norma, 2005, 527. (In Russ.)
10. Dolya E. A. *Use in proving the results of operational-search activities*. Moscow: Spark, 1996, 111. (In Russ.)
11. Pobedkin A. V., Yashin V. N. *Investigative actions*. Moscow: Iurlitinform, 2016, 185. (In Russ.)
12. Glushkov A. I., Grinenko A. V., Grigorev V. N. *Criminal procedure*, ed. Grinenko A. V. Moscow: Norma, 2004, 465. (In Russ.)
13. *Criminal law of the Russian Federation: general part*, ed. Inogamova-Khegai L. V., Rarog A. I., Chuchaev A. I., 2nd ed. Moscow: INFRA-M; KONTRAKT, 2008, 553. (In Russ.)

Правопонимание института возмещения потерь

Ангелина А. Севостьянова^{а, @}

^а Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия, г. Москва

[@] sevostyanovaw@mail.ru

Поступила в редакцию 01.09.2020. Принята к печати 21.09.2020.

Аннотация: С позиций философии права, принципов гражданского права и законодательного установления в Гражданском кодексе Российской Федерации рассматривается институт возмещения потерь, возникающих по причине предусмотренных в договоре обстоятельств. Исследование посвящено неоднозначному институту, который был введен 1 июня 2015 года с целью поддержания практики применения сторонами договорных условий, не входящих в обязательственную программу контрагентов. Анализируются дискуссионные моменты необходимости введения института возмещения потерь, оценивается принятое законодателем решение о сужении сферы применения данного института по сравнению с тем, как он урегулирован в странах англо-саксонского права. Сфера применения условия о возмещении потерь ограничивается по субъектному составу. Особый спрос в закреплении данного института существует у юридических лиц, обладающих сложной корпоративной структурой, и чем выше их риски (репутационные, внешнеэкономические, стратегические, состояние рынка и др.), тем нуждаемость в установлении условия о возмещении потерь больше. В работе не ставится цель пересказа и повторения всех статей, монографий или научных комментариев по данной тематике, в большинстве которых отражен критический взгляд на необоснованное заимствование института возмещения потерь из права Англии. Кроме того, мы не описываем подробно процесс формирования *indemnity* в договорном праве Англии, так как качественный материал, на наш взгляд, представлен в научной литературе в большом количестве. Работа направлена на анализ причин законодательного установления, выявление проблем в практике применения и формирование моделей эффективного правового понимания данного института.

Ключевые слова: определенные в договоре обстоятельства, индемнити, обязательственные отношения, договорные условия, ограждение от вреда

Для цитирования: Севостьянова А. А. Правопонимание института возмещения потерь // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2020. Т. 4. № 4. С. 365–375. DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-4-365-375>

Введение

Постепенное развитие гражданского права в Германии привело к устоявшимся принципам, многолетней практике, единообразному пониманию отдельных институтов, формальной определенности поведения участников оборота и блестящей гражданско-правовой догматике, несмотря на реформу Германского гражданского уложения (ГГУ) в 2002 г.¹, которая привнесла новые веяния из общего права Англии. Разработанность доктрины немецкого обязательственного права подтверждает и А. В. Егоров [1].

Отличное можно сказать о духе цивилистического развития в России. Реформа российского обязательственного гражданского права отчасти была вызвана продолжительным современным кризисом правового понимания, который был неминуем в условиях, диктуемых совокупностью идей постмодерна. Впервые идеи постмодерна, развитие которых было непродолжительным, были отражены немецким автором Р. Панвицем в книге «Кризис европейской культуры» в 1917 г. [2, с. 123].

Смена политических режимов, создание ГК РФ на стыке формирования новых взглядов, подходов и еще не ушедших в прошлое советских постулатов привели к тому, что нормы

современного ГК РФ создавались «вслепую». Истинных представлений о законах развития рыночной экономики еще не было. Строгое следование букве закона, выявление смысла воображаемой воли законодателя, формируемой в условиях политических потребностей, создали жесткие рамки правового регулирования. Единственно верный выход виделся в анализе зарубежной практики развития институтов гражданского права.

Осознанная интеграция зарубежных норм с учетом национальных принципов, сложившейся судебной практики и наработок новой позволит выработать алгоритм применения норм ГК РФ. Но, как верно высказывался В. С. Нерсесянц, «чужими плодами сыт не будешь, необходимо осознанное и терпеливое возделывание своей правовой культуры» [3, с. 12]. Достичь этой цели можно только путем наработки правовых позиций судов высших инстанций. В связи с длительными дискуссиями о необходимости закрепления в ГК РФ новых норм, заимствованных из общего права, считаем необходимым провести анализ института возмещения потерь, возможности и целесообразности его законодательного закрепления в обязательственном праве Германии.

¹ Gesetz zur Modernisierung des Schuldrechts. Vom 26.11.2001 // Bundesgesetzblatt Jahrgang. 2001. Т. I. № 61. S. 3138–3218.

Дальнейшее обсуждение поставленного вопроса предлагается осуществить через три уровня: оценка влияния совокупности взглядов и идей метамодерна на обязательственное гражданское право, рассмотрение института возмещения потерь в аспекте принципов гражданского права и непосредственно анализ ст. 406.1 ГК РФ.

Влияние эпохи метамодерна на институт возмещения потерь

Эпоха метамодерна, вступающая на смену парадигме постмодерна, подразумевает понимание права как добра и справедливости, поиска баланса интересов, а не мнимости воображаемой воли законодателя, видимой в каждой букве закона. Релятивность, многомерность права, создание правовой реальности первичным «произволом», где нет чисто правовых явлений, неопределенность уходят в прошлое [4]. На смену хаосу приходят истинные ценности человека, не абстрактная воля, а конкретный индивид, существующий сегодня, здесь и сейчас в сложившейся экономической, общественной, культурной реальности, что напрямую способно улучшить правовое качество практики². Данные суждения не являются чем-то отдаленным от цивилистики, т. к. в конкретный период времени философия права выступает во взаимодействии с гражданским правом, что приводит к истинному пониманию того, как необходимо применять действующие нормы, а не критиковать букву закона. Тем самым мы можем задать верные ориентиры для формирования судебной практики [5, с. 8].

В условиях кардинальных изменений способов передачи информации, цифровизации, ускоренных процессов коммуникации обогащается содержание многих прав человека³. В результате возникает проблема, которую описывал Ж. Бодрийяр: фрустрация сознания, когда человек не успевает воспринимать весь поток информации, не успевает проводить *upgrade* своих знаний, бизнеса, чтобы отвечать всем требованиям, предъявляемым ему меняющимся миром [6]. Отсюда появляется потребность в ограждении себя от рисков (их перераспределение) или возмещении утраченной имущественной массы. Предусмотреть все потери, застраховать которые не всегда возможно, эффективно и целесообразно – затруднительно. Это может быть личное нежелание контрагентов привлекать третьих лиц, дополнительно нести материальные затраты в виде уплаты страховой премии, невозможность или отсутствие интереса в соблюдении ряда императивных требований страхового законодательства при последующем обращении за получением страхового возмещения.

Проведение *Due diligence* для выявления всех рисков требует внушительных временных, материальных и иных ресурсов, впрочем, как и внедрение системы *Compliance*,

результаты которого могут не оправдать надежды стороны на заключение, например сделок M&A. Подобные механизмы могут послужить основой для выявления всех рисков и дальнейшего заключения соглашения о возмещении потерь в случае наступления определенного обстоятельства. Параллельно можно поставить вопрос о включении в сумму возмещения потерь стоимости проведенного *Due diligence*. На наш взгляд, если контрагент добровольно по своей инициативе или инициативе другой стороны не раскрыл возможные рискованные случаи, а в результате проверки таковые были выявлены, то нет каких-либо политико-правовых оснований для запрета. Таким образом, объективное желание стороны получить возмещение понесенных ею потерь ввиду того, что риск возмеще к контрагенту, является оправданным.

Для Германии эпоха метамодерна в научных трудах, исследованиях существует достаточно давно, поэтому, на первый взгляд, самодостаточность ГГУ не нуждается в отдельных институтах, существующих в странах общего права. Но даже здесь опыт зарубежного законодательства (*source of inspiration*) является источником нововведений. Именно в Германии существует активное судебное правотворчество (*extra legem*), и именно оно занимает лидирующую позицию, когда законодательство отстает от динамики социального развития. Всеобъемлющая, имеющая достаточно высокий уровень научности доктрина права, на которую опираются суды при толковании норм права, позволяет все новые потребности сторон урегулировать без внесения каких-либо изменений в законодательство [7, с. 257].

В поиске новых механизмов для качественного правового регулирования гражданского оборота, учета интересов его участников, что является аксиоматичным для метамодерна, осуществляется толкование через ГК РФ, но дальше его буквального содержания. В этом аспекте российский законодатель все чаще стал обращаться к опыту зарубежных стран, осуществляя поиск правовых конструкций и механизмов регулирования за рамками буквы действующего национального закона. Между тем, изучая с целью имплементации зарубежное право, нужно помнить о национальной идентичности гражданского права России, чтобы не сформировать из него «лоскутное одеяло».

Позволим себе процитировать точно отражающее сущность всех зарубежных нововведений в отечественное законодательство высказывание В. Д. Зорькина о том, что метамодерн «отнодь не исключает рецепцию хорошо зарекомендовавших себя правовых институтов, сформировавшихся в иных правовых системах, он лишь предполагает, что такое "заимствование" не должно навязываться»⁴.

² Зорькин В. Д. Право метамодерна: постановка проблемы // Российская газета. 16.05.2019. Режим доступа: <https://rg.ru/2019/05/16/zorkin-priverzhennost-vernoj-filosofii-prava-pozvoliaet-tvorit-dobro.html> (дата обращения: 02.01.2020).

³ Зорькин В. Д. *Providentia* или о праве будущего в эпоху цифровизации // ПМЮФ. 21.05.2020. Режим доступа: https://spblegalforum.com/cm/userfiles/file/Chairman_of_the_Constitutional_Court_of_the_Russian_Federation.pdf (дата обращения: 23.05.2020).

⁴ Так же.

Возмещение потерь в аспекте принципов гражданского права

В гражданском праве России понимание принципа свободы договора имеет свои характерные черты. Существует позиция, согласно которой участники гражданских правоотношений в силу их диспозитивной природы должны иметь явное и однозначное представление о наличии ограничений договорной свободы⁵. Поэтому в сложившейся правовой реальности стороны, структурируя тот или иной договор, используют диспозитивные нормы только в тех пределах, вариативность которых всегда ограничена другими нормами ГК РФ, судебной практикой, опасаясь включения в договор новых условий. При отсутствии определенно выраженного дозволения на возможность применения неизвестного для закона условия участники гражданского оборота не готовы рисковать. Данное утверждение применимо при анализе эпохального Постановления Пленума ВАС РФ «О свободе договора и ее пределах»⁶. Несмотря на то, что границы свободы усмотрения сторон были расширены, в сложившейся практике стороны не решались включать в договоры условия, которые могли бы быть одобрены ГК РФ и судебной практикой.

К сожалению, до сегодняшнего дня гражданское право остается в поле постмодерна, а это значит, что любая договорная свобода в любом случае проходит тест на очерченные законодательные запреты – предписания, поиск смысла того, что же имел в виду законодатель, какова цель существования законодательного регулирования. Безусловно, установление условий о перераспределении рисков и материальное возмещение в случае их реализации стороне договора в силу ст. 421 ГК РФ могло бы стать обычной правоприменительной практикой, но, как отмечает А. Г. Карапетов, суды с настороженностью относились к подобным сложным конструкциям и не признавали их [8]. Многие не включали в договор подобные условия, боясь, что они «не устоят в суде», поэтому чаще всего стороны прибегали к поручительству.

При анализе принципа свободы договора в Германии мы пришли к выводу, что подходы к пониманию идентичны тем, которые существуют в российском гражданском праве, но границы действия иные. В немецком правовом порядке они расширены, несмотря на детальное правовое регулирование. Так, ст. 2 Конституции ФРГ содержит правило об общей свободе действий (*allgemeine Handlungsfreiheit*). Положения ГГУ, как комментирует Я. Шапп, подразумевают под свободой обязательственного договора свободу его заключения и свободу его содержания [7, с. 94]. Свобода не является безграничной, т. к. существует ряд предписаний, которые направлены на защиту интересов более слабой стороны. Чаще всего это происходит в сферах кредитования, найма жилых помещений, использования наемного труда [9, с. 40]. Но в общем и целом потребность

сторон в новом, ранее неизвестном договорном условии исчерпывается его включением в договор и формированием дальнейшей практики применения при условии соблюдения ограничений. Например, в параграфе 242 ГГУ устанавливаются лишь общие правила должного понимания обязательства, что приводит к стиранию границ правового регулирования и широкой возможности использования принципа свободы договора, но стоит отметить, что это не общее правило [10; 11]. Именно данный параграф позволит нам в дальнейшем обосновать расширенные возможности принятия обязательств сторонами договора, которые прямо не закреплены на законодательном уровне.

В России же принято иное решение: чтобы не допустить утечку сделок в зарубежные правовые порядки, а также с учетом следования букве закона, а не духу закона, мы стараемся включить в ГК РФ все возможные институты, в которых так или иначе нуждаются участники гражданского оборота, с учетом узкой сферы действия принципа свободы договора и опасением злоупотребления правом, обхода закона. В результате происходит ситуация, которую точно описывал в своих трудах Дж. С. Милль [12, с. 12]. Свобода воли сторон начинает ограничиваться законодателем в их же интересах для того, чтобы ошибочные суждения о своих «истинных» интересах не повлекли принятия должником на себя обязательств, вредоносность которых очевидна. Поэтому все неоправданные риски должны быть урегулированы законом, а не усмотрением сторон, хотя с этим можно поспорить, т. к. патернализм не может быть бесконечным.

Новая статья 406.1 ГК РФ «Возмещение потерь, возникших в случае наступления определенных в договоре обстоятельств» явилась следствием причин, которые были описаны нами ранее с точки зрения взглядов метамодерна. Какие же правовые проблемы породили необходимость появления института возмещения потерь? Во-первых, в некоторых случаях режим обычной договорной ответственности не отвечает интересам сторон. Это может происходить в ситуации, когда к кредитору предъявляются требования третьими лицами по основаниям, возникшим до того, как сделка была совершена. Логично предположить, что риск предъявления требований третьими лицами ближе всего находится к должнику, но обычные договорные условия исходят из правила о том, что убытки лежат на той стороне, которая их понесла. Имущественные потери ложатся на собственника, что соответствует принципу *casus sentit dominus* [13, с. 118]. Во-вторых, в ряде случаев нецелесообразно взыскивать убытки, соблюдая все правила, предусмотренные ст. 15 и ст. 393 ГК РФ, учитывая всю сложность их доказывания, даже несмотря на либерализацию данных норм и признания доктрины «утраты последнего шанса».

⁵ Обзор практики рассмотрения судами дел, связанных с выполнением функций содействия и контроля в отношении третейских судов и международных коммерческих арбитражей. Утв. Президиумом ВС РФ 26.12.2018 // СПС КонсультантПлюс.

⁶ О свободе договора и ее пределах. Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 // СПС КонсультантПлюс.

Многие юристы отмечают непродуманность и несвоевременность ст. 406.1 ГК РФ⁷, другие же подчеркивают ее значимость и важность [14, с. 45]. В данной работе термины *возмещение потерь* и *индемнити* будут использоваться как равнозначные, учитывая, что в зависимости от страны объем их правового регулирования различен. Институт возмещения потерь (*indemnity*) имеет свое начало в английском праве. В Германии и во Франции он отсутствует, поскольку законодательством разработаны иные концепции: преддоговорная ответственность (*culpa in Contrahendo*), право гарантий, введение в заблуждение, раскрытие всех недостатков на стадии заключения договора, гарантии балансовой стоимости и иные.

По этой причине возникла рассогласованность на предмет необходимости континентального правопорядка, т. е. гражданскому праву России, Германии нужно было заимствовать институт из англосаксонской системы, тогда как в близких нам правовых системах индемнити отсутствует. А. В. Егоров считает, что институт возмещения потерь является излишним: в праве Англии он имеет долгую историю развития, а его существование обосновывается отсутствием правовых механизмов, которые существуют у нас на законодательном уровне (ответственность за качество, деликтное право, преддоговорная ответственность, свобода договора, страхование и т. д.)⁸.

Позволим себе не согласиться с приведенной позицией. Например, в Германии институт возмещения потерь используется сторонами в качестве договорного механизма, который позволяет профессиональным сторонам формулировать условия сделки в полном соответствии с их интересами. Отсутствие института индемнити в ГГУ не помешало выработать данный механизм на практике при заключении сделок слияния и поглощения. Кроме того, в параграфе 284 ГГУ напрасно произведенные расходы подразделяются по объективным критериям на расходы, связанные с оформлением договора (*vertragskosten*), связанные с исполнением договора (*vertragsdurchführungskosten*), и расходы по использованию предоставления по договору (*vertragsverwertungskosten*), что не вполне способно защитить кредитора в ситуациях, когда расходы объективно не связаны с предметом договора, но в будущем сторона может их понести. Так, если в законе об охране окружающей среды от вредного воздействия содержится норма о том, что на предприятии обязательно должно быть оборудование для очистки воздуха, а продавец компании никогда его не приобретал, то в случае дальнейшего предъявления требования к покупателю компании со стороны органов публичной власти о выплате ущерба за предшествующие периоды продавец должен быть готов к их возмещению или выплате расходов, связанных с приобретением данного оборудования. С одной стороны, произведенные расходы не связаны с исполнением обязанностей

по договору купли-продажи, с другой стороны, покупатель понес потери, которые являются необходимыми для дальнейшей деятельности компании, но возникшие по вине или без таковой предыдущего собственника.

Иные законодательные механизмы, такие как право гарантий и преддоговорная ответственность, чаще всего используются участниками правовой системы Германии. Они являются взаимоисключающими, т. к. право гарантий не требует доказательств умысла (виновности) контрагента, а преддоговорная ответственность, наоборот, обязывает сторону доказать умысел или неосторожность. Право гарантий используется при купле-продаже товаров, прав, но не применимо для купли-продажи акций и компаний. Гарантии являются договорными условиями, закрепляющими обязательства продавца передать вещь свободной от правовых и качественных недостатков. Гарантии в ГГУ имеют весьма ограниченную сферу применения, но в силу принципа свободы договора, следующего из параграфа 311 ГГУ, сторона может предоставить независимую гарантию. Тем не менее данный институт применяется в отношении тех обстоятельств, которые возникли ранее или существовали на момент заключения договора. При нарушении гарантии у стороны есть право требовать компенсации, может быть установлен предел возмещаемых убытков.

Договорные условия в Германии выражаются в наличии договорных гарантий, в утверждениях о фактах, возмещении потерь (*freistellungen*), ковенантах, ограничении мер правовой защиты. После введения новых концепций в ГГУ, накопленных благодаря судебным прецедентам, появились расширенные возможности. Например, концепция дефекта качества используется вне зависимости от того, была ли это сделка купли-продажи материального актива или права, она также применима в отношении отдельного актива. В случае нарушения возникает обязанность по устранению выявленных недостатков или возможность отказа от договора с возмещением убытков. Данные условия применимы тогда, когда покупатель не знал о наличии дефекта, в обратной же ситуации ему не предоставляется защита, поскольку у каждого покупателя есть право на проведение углубленной проверки актива, если есть основания полагать, что дефекты существуют.

С 1922 г. в немецком гражданском праве введен институт преддоговорной ответственности, который не требует признания наличия дефектов качества, но рассчитан на добрую совесть продавца. Если он своим злым умыслом не раскрыл значимые характеристики при продаже компании, то должен возместить негативный интерес покупателя.

При использовании института обмана (параграф 123 ГГУ) необходимо наличие закрепленной обязанности по раскрытию информации о соответствующих характеристиках в законе, а также доказанности умысла. Утрата основания договора

⁷ Кучер А. Н. Заверения об обстоятельствах и условия о возмещении потерь в новой редакции ГК РФ // Логос. Режим доступа: https://m-logos.ru/img/Tezis_AKucher_02072015.pdf (дата обращения: 12.12.2019).

⁸ Lextorium. Заверение об обстоятельствах, возмещение потерь и ответственность // YouTube. 19.04.2019. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=МСoQННEd0o> (дата обращения: 10.12.2019).

(аналог института существенного изменения обстоятельств, предусмотренного ст. 451 ГК РФ), деликтная ответственность (требует доказывать наличие умысла или неосторожности) приводят к обязанности по доказыванию умысла, при наличии которого возмещаются убытки. Но как быть в ситуации, когда стороны хотят сохранить договорные позиции, при этом получить возмещение в определенных случаях независимо от вины и долгой процедуры доказывания возникших убытков?! Договорные условия – единственный способ в ситуации, когда стороне известен возможный риск, он раскрыт, но факт возможности его наступления неизвестен, при этом включение данного обязательства является существенным для сторон, без наличия которого договор не будет заключен, т. к. не будет обеспечена чистота сделки.

Таким образом, дефект качества, гарантии, обман, аннулирование договора, деликтная ответственность, преддоговорная ответственность не охватывают институт возмещения потерь, в связи с этим индемнити активно используется сторонами на практике. Все вышеприведенные аргументы подтверждают необходимость и значимость института возмещения потерь либо на уровне законодательства (путь ГК РФ), либо на уровне договорных условий, выводимых из принципа свободы договора в сложившейся практике (путь ГГУ).

Как мы упоминали ранее, из принципа свободы договора вывести принцип индемнити в российском праве затруднительно, что подтверждается судебной практикой, активно квалифицирующей такие условия как дефект качества, право на отказ от договора и пр., за наступление которых предусматривается возмещение убытков или отказ в защите права в случае непризнания данного условия.

Заключение любого договора – это определенный риск, взять который готовы не все. Если это типичная потребительская сделка или сделка, заключение которой носит лишь формальный характер, чтобы оформить юридически давно сложившиеся отношения сторон, то риски отсутствуют вовсе или патернализм со стороны законодателя уже распределил несение потерь между сторонами.

Коммерческие сделки, являющиеся судьбоносными для компании, требуют проведения углубленной проверки *Due diligence*, по результатам которой будут выявлены все риски, определяющие возможность дальнейшего заключения договора. Как правило, сторона будет готова заключить договор, приняв риск, если он является разумным. Данную классификацию в свое время предложил Дж. Файнберг, используя пять критериев:

- 1) степень вероятности наступления вреда;
- 2) серьезность потенциального вреда;
- 3) обоснованность риска (вероятность достижения того результата, на который рассчитывает сторона);
- 4) характер и значение цели, ради которой принимается риск;
- 5) наличие альтернативных и менее рискованных мер для достижения поставленной цели [15, р. 110].

Считается, что разумные риски в гражданском праве характерны для предпринимательской деятельности

(ст. 2 ГК РФ). В случае их наступления сторона сама несет все наступившие негативные последствия, отсюда выводится принцип ответственности без вины. Некоторые виды рисков уже распределены между сторонами законом (ст. 390 ГК РФ) или определяются существом договора, обычаями, обстоятельствами, исходя из которых риск лежит на заинтересованной стороне (ст. 451 ГК РФ). Неразумный риск сторона может принять на себя только при отсутствии полной информации о нем, когда сторона даже не подозревала, что такой риск возможен. При таких обстоятельствах сделка чаще всего признается недействительной (ст. 179 ГК РФ).

Институт возмещения потерь позволяет при наличии обещания возместить все потери или оградить контрагента от необоснованного риска заключить сделку. Возможность перераспределения законных рисков определенной стороной с помощью индемнити представляется затруднительной, если они носят императивный характер, в иных ситуациях – допустимой. Кроме того, в случае взятия такой обязанности происходит сигнализирование (*signaling*) о том, что у стороны по сделке есть реальный интерес в заключении договора, степень надежности становится выше.

Теория когнитивного диссонанса, предложенная Л. Фестингером [16, с. 46], объясняет необходимость закрепления института возмещения потерь в ГК РФ. Когнитивный диссонанс между сторонами при заключении сделки может возникать по поводу знаний о себе и знаний о реальности, если в дальнейшем происходит ситуация расхождения, появляется желание рационализировать сложившуюся ситуацию, например, компенсаторным методом. Когнитивный диссонанс является побудителем к правовому регулированию. Отсюда в силу объективной невозможности предусмотреть и рассчитать все риски может сложиться ситуация, при которой картина, сложившаяся относительно сделки у стороны договора, может подвергнуться полному разрушению в связи с наступлением обстоятельств, за которые ни одна из сторон не несет ответственности. Точка отсчета (момент возникновения данных обстоятельств) всегда должна быть до факта заключения договора. Таким образом, лицо, которое взяло на себя обязанность по возмещению потерь, является неким «компенсаторным фондом». Если данная функция не преследуется, следует говорить о наличии иных институтов. Возможность получения возмещения наступает при возникновении оговоренных обстоятельств, при этом неважна причина их наступления. Несомненным плюсом является то, что фонд связывает только стороны сделки, т. к. именно они обладают истинными знаниями об обстоятельствах, которые важны для них. Не требуется произведение затрат, которые могли бы быть понесены при привлечении, например, страховщика. Затраты рассчитываются только по принципу *Pound by pound*.

Нерациональность рынка, желание достичь поставленных целей приводит к тому, что большинство компаний в договорных отношениях готовы покупать все возможные страховые механизмы, в том числе индемнити, чтобы избежать риска. Единственное, что нельзя купить, – это страховку от нарушения договора [17, р. 1341].

Анализ статьи 406.1 ГК РФ

Можно выделить три основных ограничения в применении института возмещения потерь. В соответствии с п. 1 ст. 406.1 ГК РФ, соглашение о возмещении потерь является каузальным, т. к. только стороны уже существующего между ними обязательства могут предусмотреть условие о возмещении потерь. Кроме того, п. 15 Постановления Пленума ВС РФ от 24 марта 2016 г. № 7 (далее – ПП ВС № 7)⁹ закрепляет положение о том, что данное соглашение должно быть связано с исполнением, изменением или прекращением обязательства либо его предметом. Существующие положения ограничивают сферу применения индемнити, что не свойственно английскому праву: индемнити в Англии может быть заключен без наличия между сторонами уже действующего обязательства или в случае нарушения договора, но такое ограничение вполне объяснимо для права России. Необходимость сужения области применения института вызвана тем, что по общему правилу в гражданском обороте недопустимо принимать на себя абстрактные обязательства, если они прямо не предусмотрены законом, например вексель.

На наш взгляд, в случае отказа от данных ограничений, суды с еще большей настроенностью будут относиться к условиям о возмещении потерь, каждый раз требуя от сторон привести обоснования: наличие экономической заинтересованности у стороны, цели соответствующего поведения, эквивалентность встречного предоставления и т. п. Отчасти подобные ограничения вызваны публичными интересами (налоговыми, антикоррупционными и др.), например, в целях недопущения использования института возмещения потерь в качестве инструмента для необоснованного перераспределения имущественной массы. С другой стороны, указание на то, что возмещение потерь должно быть связано с основным обязательством, приводит к смешению его с иными институтами гражданского права (в частности с платой за отказ от договора) сторонами и судами. Правовая природа платы за односторонний отказ от договора (п. 3 ст. 310 ГК РФ) долгое время обсуждалась в доктрине и рассматривалась в судебной практике. В результате в отечественной цивилистике были выработаны три точки зрения на ее сущность: 1) она представляет собой неустойку (мы данный подход не разделяем, поскольку односторонний отказ нельзя признать нарушением обязательства, если такая плата установлена – налицо правомерное поведение); 2) это компенсация; 3) это цена права.

На наш взгляд, институтом возмещения потерь односторонний отказ от договора не охватывается, т. к. нет цели в перераспределении рисков, устанавливается лишь плата за реализацию права. При одностороннем отказе потерь может и не быть вовсе, тогда как наступление обстоятельства, по поводу которого предусмотрено возмещение, всегда влечет уменьшение имущественной массы кредитора. Например, арендатор, воспользовавшись правом на односторонний отказ

от договора, должен в соответствии с условиями договора заплатить соответствующую цену за реализацию права, даже в том случае, если арендодатель тут же сдал в аренду помещение и никаких потерь не понес, что противоречит логике ст. 406.1 ГК РФ. Хотя стоит отметить, что судебная практика идет по неправильному пути, признавая данное условие даже при отсутствии прямого указания сторон условием возмещения потерь¹⁰. Следует признать, что подобное ограничение не способно обеспечить правовое регулирование надлежащим образом, т. к. необходимость в возрастании саморегулирования коммерческих отношений (отношений из автономии воли сторон) существует.

В Германии обязанность по возмещению потерь также должна быть связана с основным договором, ее предметом, иначе сторона рискует оказаться под действием нормы параграфа 138 ГГУ – противоречие добрым нравам, обход закона. Потребность в возмещении потерь возникает при защите контрагента от коммерческих и юридических рисков. К коммерческим относятся репутационные риски, которые могут быть никак не связаны с предметом обязательства, его исполнением, изменением или прекращением.

Возмещение потерь не должно быть связано с нарушением обязательства. Подобный законодательный запрет критикуется А. Н. Кучер, поскольку в практике английского договорного права данный ограничитель отсутствует ввиду того, что возмещение потерь в большинстве случаев устанавливается именно при нарушении обязательств [13]. Тем не менее избранный подход направлен на установление четкого разграничения между мерами ответственности и возмещением потерь, что опять же поможет избежать неправомерного освобождения или снижения ответственности стороны, прикрыв индемнити.

Таким образом, стороны при заключении соглашения об индемнити значительно ограничены в сфере его применения. С одной стороны, такое положение не обеспечивает цель введения данного института в ГК РФ, потому что значительное число ситуаций, при которых условие о возмещении потерь могло бы обеспечить интересы сторон, просто выпадает из сферы правового регулирования возмещения потерь. С другой стороны, имеется определенное политико-правовое обоснование, учитывается идентичность российского гражданского права. Данные ограничения направлены на обеспечение соблюдения действительного правомерного интереса стороны по договору, а не на потенциально возможное обогащение от любых обстоятельств. Такое положение приводит к выводу, что ограничения позволяют определить в соглашении только те обстоятельства, которые каким-либо образом связаны с деятельностью должника, на которые он каким-либо образом повлиял или может повлиять.

Так сложилось, что в существующей парадигме российского права к обязательствам, исполнение которых

⁹ О применении судами некоторых положений ГК РФ об ответственности за нарушение обязательств. Постановление Пленума ВС РФ от 24.03.2016 № 7 // СПС КонсультантПлюс.

¹⁰ Апелляционное определение Новосибирского областного суда от 13.06.2017 по делу № 33-5617/2017 // СПС КонсультантПлюс.

должник проконтролировать не может, догматические учения и судебная практика относятся с весьма высокой настороженностью. Например, большинство позитивных ковенантов суды ограничивают по ст. 168 ГК РФ. Говоря условно, нельзя принять на себя обязательство – подарить звезду с неба. Хотя в литературе на данную точку зрения существует множество споров. Многие правовые порядки, в том числе Германии, данные обязательства допускают [3, с. 17]. Поэтому считается, что неограниченное применение индемнити привело бы к еще большей путанице в судебной практике, злоупотреблениям, обходу закона, возможности принятия стороной на себя слишком отдаленных обязательств – риска, уменьшить который не сможет даже суд в силу п. 2 ст. 406.1 ГК РФ.

Стороны в соглашении должны конкретно установить размер возмещения или порядок его определения в отношении потерь, которые сторона понесет в будущем, что противоречит здравому смыслу. Потери возмещаются тогда, когда сторона уже понесла их, или в случае, когда их наступление неизбежно, на что указывают разъяснения п. 15 ПП ВС № 7. Соответственно, представляется достаточно трудным заранее определить их размер, особенно в отношении тех обстоятельств, которые подлежат быстрому изменению (волатильность) по истечении определенного времени (например, изменения котировок на бирже).

Определять размер понесенных потерь целесообразно в момент их фактического наступления, а до этого может существовать возможность лишь в установлении предела, как это было изначально заложено в законопроекте при введении ст. 406.1 ГК РФ. В ПП ВС № 7 используются слова в настоящем и прошедшем времени (*возмещает, возникшие потери*), что подтверждает возможность их определения только в настоящем времени, а не на будущее. Размер возмещения не должен превышать фактически понесенные потери, поэтому стороны должны предусмотреть в договоре предельный размер возмещения, а в некоторых случаях даже нижний, чтобы избежать необоснованных и многочисленных требований со стороны контрагента. Так, в соглашениях *tern shipt and letter of intent* в вопросах коммерческо-юридического характера сделок M&A устанавливается общий принцип рубль за рубль, но продавцы чаще всего ограничивают возмещение, вводя *Soft Cap* (минимальный порог) и *Hard Cap* (максимальный порог).

На практике непродуманность законодательных положений приводит к тому, что стороны устанавливают размер возмещения, ключевое условие, совершенно формально. Цель института возмещения потерь была изначально направлена на упрощение процедуры возмещения без применения ст. 15 ГК РФ и необходимости доказывания причинной связи между поведением стороны и подлежащими возмещению потерями, вызванными наступлением определенных сторонами обстоятельств. Данный подход является господствующим и в судебной практике. Ст. 15 ГК РФ определяет

ответственность за нарушенное право. Институт возмещения потерь не является ответственностью, несмотря на то, что статья размещена в главе об ответственности за нарушение обязательств. Здесь налицо несовершенство законодательной техники. Следовательно, при определении размера возмещения потерь не будет учитываться вина должника и иные обстоятельства, которые могли бы уменьшить размер возмещения.

Формулировка п. 2 ст. 406.1 ГК РФ позволяет нам сделать вывод о возможности дальнейшего изменения установленного соглашением сторон размера возмещения потерь или порядка его определения. Если будет доказано умышленное поведение, предполагается, что возмещение подлежит увеличению, которое нужно будет определить в будущем. Получается, что единственной возможностью, допускающей изменение суммы возмещения потерь, является умышленное содействие стороны их увеличению.

В судебной практике мы столкнулись с иными возможными вариантами допустимости вмешательства суда в определение размера договорного условия. Арбитражным судом Северо-Западного округа было верно указано на ошибку суда первой инстанции, который применил ст. 10 ГК РФ для определения справедливого размера возмещения имущественных потерь Предприятия с учетом баланса интересов сторон¹¹. Применяя ст. 10 ГК РФ, суд исходил из того, что ответчик был поставлен в положение, затрудняющее согласование иного содержания условий соглашения, и был лишен возможности заключения аналогичного соглашения с иным лицом. Решение суда первой инстанции было полностью неверным. Во-первых, суд первой инстанции признал условие о неустойке договорным условием о возмещении потерь, хотя на момент согласования условий ст. 406.1 ГК РФ еще не была введена в действие (договор, из которого возникли спорные правоотношения, заключен до 1 июня 2015 г.). Во-вторых, в условиях неверного применения нормы о возмещении потерь суд первой инстанции снизил размер возмещения на основании ст. 10 ГК РФ, что нивелирует сущность института возмещения потерь. Ошибки суда первой инстанции были исправлены в апелляционной инстанции. Данное условие было признано недействительным, но уже в рамках правового регулирования неустойки.

Возмещение потерь осуществляется не только тогда, когда они уже понесены, но и в случае, если они с неизбежностью будут понесены в будущем. Подобное разъяснение содержится в п. 15 ПП ВС № 7. В судебной практике сформировался подход о возможности возмещения потерь, которые будут понесены в будущем при условии обязательного предоставления многочисленных доказательств. В Решении Арбитражного суда г. Москвы было указано, что потери, которые будут понесены с неизбежностью, – это только те потери, которые сторона не имеет возможности избежать с учетом разумной осмотрительности

¹¹ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 25.09.2018 № Ф07-10986/2018 по делу № А56-70176/2017 // СПС КонсультантПлюс.

и презюмируемым добросовестным поведением сторон гражданского оборота¹².

При определении размера потерь стороны должны установить правильность и разумность расчетов, адекватные методы для конкретного случая, значение, полученное в результате применения метода, которое не должно приводить к неосновательному обогащению. Возможен учет мнения финансового эксперта.

Обязательство по возмещению потерь не является акцессорным, что прямо следует из п. 3 ст. 406.1 ГК РФ, и это еще одно отличие от возмещения убытков. Оно не зависит от признания договора незаключенным или недействительным, что помогает обеспечить интересы кредитора, особенно в тех случаях, когда недействительность договора связана с действиями третьих лиц. Иное бы искажало смысл и природу института возмещения потерь. В п. 17 ПП ВС № 7 указано, что соглашение о возмещении потерь может быть признано недействительным самостоятельно по основаниям ст. 168–179 ГК РФ. Анализируя немногочисленную практику, мы пришли к неутешительным выводам. Суды, признавая недействительным основной договор сторон, автоматически признают недействительность соглашения о возмещении потерь со ссылкой на п. 17 ПП ВС № 7, должным образом не мотивируя свое решение¹³. Подобные правила можно усмотреть в независимой гарантии по праву Германии (*Selbstständige Garantie*).

Особо хотелось бы уделить внимание п. 4 ст. 406.1 ГК РФ, который вызывает у нас немало вопросов и возражений. Данный пункт установил за должником право на суброгацию, т. е. переход права требования кредитора к должнику, имеющему право требовать возмещение убытков от третьего лица в связи с его неправомерными действиями в части, не превышающей размер осуществленного возмещения.

Во-первых, суброгация подразумевает собой перемену лиц в обязательстве, что не соотносится с обязанностью должника возместить потери и совершенно иным обязательством третьего лица по уплате убытков. Они могут существенно превышать размер возмещенных потерь или, наоборот, их размер может быть ниже суммы потерь, возмещенных кредитором. При этом на сумму превышения потерь над убытками лицо, возместившее потери, претендовать не может. Данное положение приводит к ограничению ответственности третьего лица, что не согласуется с принципом соразмерности ответственности.

Во-вторых, правила, описанные в п. 4 ст. 406.1 ГК РФ, имеют общий характер, что позволяет сделать вывод о субсидиарном применении норм о страховании в части суброгации.

В-третьих, на наш взгляд, в п. 4 ст. 406.1 ГК РФ следует рассматривать в качестве регрессного требование лица, возместившего потери к третьему лицу, а не суброгацию по ряду причин. При суброгации лицо, возместившее

потери, заменяет кредитора в старом требовании, а при регрессе получает новое. Исходя из этого, сумма, которую может потребовать должник с третьего лица, должна быть равна сумме убытков, причиненных кредитором, что не соотносится с разъяснением, данным в ПП ВС № 7 об ограничении суммы требования к третьему лицу суммой потерь.

Именно на данном примере проявляется вся несостоятельность нормы о необходимости согласовывать заранее сумму возмещения потерь, т. е. если стороны согласовали сумму в размере 100 денежных единиц, а убытки были причинены на 110, возникает вопрос о возможности кредитора взыскивать с должника сумму 110, учитывая фактические потери, вопреки согласованной сумме. Безусловно, если сумма убытков была доказана и равна 70, а сумма возмещаемых потерь – 100, то должник не может взыскать с третьего лица 100 в силу принципов относительности обязательств, восстановительного характера ответственности. При установлении механизма определения суммы возмещения потерь возникает необходимость в подсчете убытков, проистекающих из договорных или деликтных оснований, причиненных третьим лицом, что, по сути, приравнивает упрощенный механизм ст. 406.1 ГК РФ к сложному механизму определения убытков по ст. 15 ГК РФ. При таком подходе стороны согласовывают условие о порядке определения возмещения потерь, указывая на равенство убыткам, причиненным третьим лицом. Подобный механизм подтверждается и судебной практикой, например Решением Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области¹⁴. В большинстве случаев суды не исследуют обоснованность взыскиваемой суммы с третьего лица, а взыскивают столько, сколько выплатило лицо, возместившее потери, со ссылкой на регрессное требование.

На наш взгляд, для лица, возместившего потери необходимо устанавливать следующую конструкцию: лицо, возместившее потери, несет денежную ответственность (сумма потерь), требование к третьему лицу – регрессное. Лицо, возместившее потери, и третье лицо являются должниками кредитора по разным обязательствам, правовая природа которых различна изначально, т. е. возмещение потерь – это не мера ответственности. Кроме того, у должника при регрессе отсутствует возможность начислять на сумму долга проценты и неустойки, предусмотренные основным обязательством, что соотносится с ограничением суммы взыскиваемых убытков. Иное привело бы к возможности должника получить большую сумму от третьего лица, нежели ту, что он возместил кредитором, приводя его к обогащению.

В деле, рассмотренном Арбитражным судом Белгородской области, при обосновании необходимости возмещения убытков третьим лицом, привлеченным во исполнение договора транспортно-экспедиционных услуг, суд без каких-либо разъяснений указал на право экспедитора

¹² Решение Арбитражного суда г. Москвы от 04.02.2019 по делу № А40-164730/18-15-1220 // СПС КонсультантПлюс.

¹³ Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 04.06.2019 № Ф08-3114/2019 по делу № А53-17092/2018 // СПС КонсультантПлюс.

¹⁴ Решение Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 26.05.2016 по делу № А56-290/2016 // СПС КонсультантПлюс.

требовать возмещение убытков с третьего лица, которым был утерян груз на основании п. 4 ст. 406.1 ГК РФ. Такая позиция суда не может считаться правильной ввиду того, что экспедитор отвечал перед клиентом на основании ст. 803 ГК РФ. Соглашение о возмещении потерь между ними предусмотрено не было, но суд применил правила ст. 406.1 ГК РФ. Таким образом, перевозчик (третье лицо) отвечает перед экспедитором в соответствии со ст. 796 ГК РФ, но ни в коем случае не по правилам ст. 406.1 ГК РФ¹⁵. В другом деле Арбитражный суд г. Москвы применил норму п. 4 ст. 406.1 ГК РФ уже после возмещения убытков третьим лицом должнику, обязанному по возмещению потерь¹⁶.

Практика судов Германии, к сожалению, недоступна по причине того, что сделки, в частности M&A, в которых стороны включают договорные условия о возмещении потерь, обладают конфиденциальностью, решения не подлежат опубликованию [18].

В российской практике одна из ключевых проблем – самостоятельная квалификация судьями условий договора, из которых явно не следует договоренность об установлении обязательства о возмещении потерь. Данный патернализм, который противоречит разъяснениям, данным в ПП ВС № 7, является необоснованным. Суды признают условие договора о возмещении потерь, руководствуясь нормами ст. 431 и ст. 406.1 ГК РФ, даже в тех случаях, когда стороны в договоре используют слова *убытки*, *полная материальная ответственность*, *штраф* и др. Иногда данные понятия смешиваются в одном пункте договора. Часто стороны прописывают условие о возмещении потерь, а в скобках упоминают слово *убытки*. Так, Арбитражным судом Западно-Сибирского округа условие о штрафе за нарушение срока отправки вагонов было квалифицировано как возмещение потерь¹⁷.

Соглашение о возмещении потерь должно быть явным и недвусмысленным. Возмещение потерь – это условие о перераспределении рисков, используемое среди профессиональных участников. Оно требует явного волеизъявления сторон, чтобы не допустить необоснованных взысканий сумм со стороны, учитывая еще и тот факт, что к размеру суммы потерь не применяются правила митигации, а необходимость доказывания по правилам ст. 15 ГК РФ отсутствует. Соответственно, такие распорядительные действия суда могут привести к ущемлению прав и интересов сторон. Как нам видится, наиболее верным будет следующее решение. Если суд признает, что условие не является явным и однозначным, из него нельзя

сделать вывод об установлении сторонами обязательства по возмещению потерь, то его необходимо признавать неустановленным. Данное решение позволит привить большую ответственность профессиональным участникам гражданского оборота к структурированию сделок, что не менее важно, когда типизация договоров, заимствуемых с любого интернет-сайта, распространена, а это приводит к еще большим проблемам, т. к. договор не отражает действительные интересы сторон.

К счастью, подобная позиция судов отражена в ряде дел, например, в Постановлении Восьмого арбитражного апелляционного суда было указано: «применение судом к спорным отношениям сторон положений статьи 406.1 ГК РФ, на которую ссылается истец, исключается. Из материалов дела усматривается, что условие договора о возмещении расходов и условие дополнительного соглашения согласованы сторонами в один день, без применения в пункте термина о возмещении потерь и без ссылки на норму ГК РФ, предусматривающую возмещение потерь, а также без определения условий, позволяющих ограничить основания для наступления последствий, предусмотренных обоими указанными пунктами, а также без каких-либо уточнений, ограничивающих возмещение потерь, если оно согласовано, от условий гражданско-правовой ответственности»¹⁸. Аналогичная позиция прослеживается в Постановлении Арбитражного суда Западно-Сибирского округа¹⁹, Решении Арбитражного суда Омской области²⁰, где в материалах дела указано, что пункт включен сторонами в раздел договора, поименованный как «Ответственность сторон».

Учитывая, что многие юристы-практики рассчитывали на применение условия о возмещении потерь в случаях невозмещения налога на добавленную стоимость контрагенту, следовало ожидать этого, но на практике все происходит иначе. Суды признают такие условия, как обход закона, злоупотребление правом по ст. 10 ГК РФ во всех случаях, что, наш взгляд, не может не вызывать критику. Так, Арбитражным судом Волго-Вятского округа было указано, что налоговым органом была установлена недобросовестность истца при заключении договора купли-продажи и выявлены признаки схемы, направленной на ведение налоговой политики по минимизации налоговых обязательств и, как следствие, получение необоснованной налоговой выгоды, что явилось основанием для отказа в возмещении суммы НДС, заявленной к возмещению²¹. Такие действия расцениваются как недобросовестные²².

¹⁵ Решение Арбитражного суда Белгородской области от 03.02.2017 по делу № А08-8252/16 // СПС КонсультантПлюс.

¹⁶ Решение Арбитражного суда г. Москвы от 06.10.2017 по делу № А40-9251/17-31-91 // СПС КонсультантПлюс.

¹⁷ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 23.04.2019 № Ф04-897/2019 по делу № А27-28423/17 // СПС КонсультантПлюс.

¹⁸ Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 18.12.2019 № 08АП-14596/2019 по делу № А46-8368/2018 // СПС КонсультантПлюс.

¹⁹ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 12.12.2019 № Ф04-5564/2019 по делу № А03-21164/2017 // СПС КонсультантПлюс.

²⁰ Решение Арбитражного суда Омской области от 14.10.2019 по делу № А46-7659/2019 // СПС КонсультантПлюс.

²¹ Постановление Арбитражного Волго-Вятского округа от 07.12.2017 № Ф01-5227/2017 по делу № А43-35433/16 // СПС КонсультантПлюс.

²² Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 16.09.2019 по делу № А43-35433/16 // СПС КонсультантПлюс.

Заключение

Не вызывает сомнений, что институт возмещения потерь необходим российскому праву, но спустя пять лет после его легализации судебная практика, к сожалению, еще не выработала единообразные подходы. Существует множество ошибок от неправильной квалификации до слишком узкого толкования условий о возмещении потерь или ссылок в решениях судов на ст. 406.1 ГК РФ без каких-либо обоснований.

При данных обстоятельствах считаем необходимым внести некоторые разъяснения при применении ст. 406.1 ГК РФ. Условие о возмещении потерь, как указано в п. 17 ПП ВС № 7, не подлежит применению, если стороны явно не сформулировали его, судам не следует переqualificировать установление условий о возмещении убытков в условие о возмещении потерь, что происходит на практике. В развитие ст. 406.1 ГК РФ необходимо предусмотреть возможность сторон возмещать не только потери, которые будут понесены, но и условие об ограждении от таких потерь (*hold harmless*). В практике Германии *hold harmless* используется сторонами достаточно активно, если обстоятельство,

по поводу наступления которого наступает обязанность по возмещению потерь, касается комплаенс-системы организации. В американской практике *hold harmless* является самостоятельным отдельным соглашением. В английской практике подобное условие включается автоматически, поэтому в ряде работ можно встретить мнение, что *hold harmless* как таковой отсутствует в Англии, потому что является неотъемлемой частью *indemnity*. Вместо установления размера и порядка возмещения потерь следует дать сторонам возможность предусматривать лишь пределы таких возмещений или устанавливать по факту их наступления.

Таким образом, возмещение потерь – это не способ защиты права, не способ защиты от правонарушений, т. к. оно не связано с виновными действиями. Сфера применения условия о возмещении потерь достаточно широкая, особый спрос существует у юридических лиц, обладающих сложной корпоративной структурой. Чем выше их риски (репутационные, внешнеэкономические, стратегические, состояние рынка и др.), тем нуждается в установлении условий о возмещении потерь больше.

Литература

1. Егоров А. В. Структура обязательственного отношения: наработки германской доктрины и их применимость в России // Вестник гражданского права. 2011. Т. 11. № 3. С. 241–274.
2. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н. А. Шматко. М.: Ин-т эксперим. социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 159 с.
3. Нерсесянц В. С. Философия права. М.: Норма, 2005. 656 с.
4. Честнов И. Л. Постклассическая теория права. СПб.: АЛЕФ-Пресс, 2012. 649 с.
5. Арановский К. В. Право существует в человеке // Закон. 2019. № 12. С. 8–18.
6. Бодрийяр Ж. Город и ненависть // Логос. 1997. № 9. С. 107–117.
7. Шапф Я. Система германского гражданского права. М.: Международные отношения, 2006. 357 с.
8. Карапетов А. Г. Условие о возмещении потерь: комментарий к статье 406.1 ГК РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. № 5. С. 80–98.
9. Кетц Х., Лорман Ф. Введение в обязательственное право // Проблемы гражданского и предпринимательского права Германии / пер. с нем. Р. И. Каримуллина, А. А. Лизунова, К. Нама, Е. В. Степановой; под общ. ред. Т. Ф. Яковлевой. М.: БЕК, 2001. С. 37–74.
10. Wieacker F. Die forderung als mittel und gegenstand der vermögenszuordnung // Kleine juristische schriften. Eine sammlung zivilrechtlicher beitrage aus den jahren 1932 bis 1986. Göttingen: O. Schwartz, 1988. S. 255
11. Markesinis B. S., Unberath H., Johnston A. Ch. The German law of contract: A comparative treatise. 2nd ed. Oxford, UK: Hart Publishing, 2006. 1040 p.
12. Миль Дж. С. О свободе / пер. с англ. А. Фридмана // Наука и жизнь. 1993. № 11. С. 10–15.
13. Дернбург Г. Обязательственное право / пер. П. Соколовского. 3-е изд. М.: Печатня А. Снегиревой, 1911. XVI, 396 с.
14. Карапетов А. Г. Заверения об обстоятельствах и условия о возмещении потерь в новой редакции ГК РФ // Закон. 2015. № 6. С. 43–56.
15. Feinberg J. Legal paternalism // Canadian Journal of Philosophy. 1971. Vol. 1. Iss. 1. P. 105–124.
16. Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса / пер. с англ. А. А. Анистратенко, И. Знаешевой. М.: Эксмо, 2018. 251 с.
17. Ben-Shahar O., Porat A. Foreword: Fault in American contract law // Mich. L. Rev. 2009. Vol. 107. Iss. 8. P. 1341–1348.
18. Mellert C. R. Selbstständige garantien beim unternehmens-kauf – auslegungs- und abstimmungsprobleme // Betriebs-Berater. 2011. B. 66. № 27. S. 1667.

Legal Understanding of the Institution of Indemnity

Angelina A. Sevostyanova^{a, @}

^a National Research University Higher School of Economics, Russia, Moscow

@ sevostyanovaw@mail.ru

Received 01.09.2020. Accepted 21.09.2020.

Abstract: Indemnity is considered in three aspects: the philosophy of law, the principles of civil law, and the legislative establishment in the Civil Code of the Russian Federation. This study focuses on this ambiguous institution that was introduced on June 1, 2015, in order to maintain the practice of parties applying contractual terms that are not part of the counterparty's mandatory program. The article analyzes the controversial issues of the need to introduce the institution of indemnity, for instance, the decision to narrow its scope of application in comparison with the Anglo-Saxon law countries. The scope of application of indemnity is limited by its subject composition. Legal entities with a complex corporate structure are especially interested in this institution: the higher their risks connected with reputation, foreign economy, market conditions, strategy, etc., the greater the need for establishing indemnity. The present research does not cover all scientific publications on this subject, as most of them demonstrate a critical view of the fact that the institute of indemnity was borrowed from the English law. Similarly, the paper does not describe the indemnity formation process in the contract law of England, as scientific literature on this matter is abundant. This work is aimed at analyzing the causes of legislative establishment, identifying problems in the practice of application, and forming models of effective legal understanding of indemnity.

Keywords: circumstances defined in the contract, indemnity, obligation relations, contractual terms, indemnifying

For citation: Sevostyanova A. A. Legal Understanding of the Institution of Indemnity. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2020, 4(4): 365–375. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-4-365-375>

References

1. Egorov A. V. The structure of commitment: developments in German doctrine and their applicability in Russia. *Civil Law Review*, 2011, 11(3): 241–274. (In Russ.)
2. Lyotard J.-F. *La condition postmoderne*, tr. Shmatko N. A. Moscow: In-t eksperim. sotsiologii; St. Petersburg: Aleteia, 1998, 159. (In Russ.)
3. Nersesians V. S. *Philosophy of law*. Moscow: Norma, 2005, 656. (In Russ.)
4. Chestnov I. L. *Postclassical theory of law*. St. Petersburg: ALEF-Press, 2012, 649. (In Russ.)
5. Aranovsky K. V. Right exists in a person. *Zakon*, 2019, (12): 8–18. (In Russ.)
6. Baudrillard J. City and hate. *Logos*, 1997, (9): 107–117. (In Russ.)
7. Schapp J. *Einführung in das bürgerliche recht*, trs. Korolev S. V., Arslanov K. M. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 2006, 357. (In Russ.)
8. Karapetov A. G. Indemnity clause: commentary on article 406.1 of the Civil Code of the Russian Federation. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiia Rossiiskoi Federatsii*, 2016, (5): 80–98. (In Russ.)
9. Kötz H., Lormann F. Introduction to the law of obligations. *Problems of civil and business law in Germany*, trs. Karimullin R. I., Lizunov A. A., Nam K., Stepanova E. V.; ed. Iakovleva T. F. Moscow: BEK, 2001, 37–74. (In Russ.)
10. Wieacker F. Die forderung als mittel und gegenstand der vermögenszuordnung. *Kleine juristische schriften. Eine sammlung zivilrechtlicher beitrage aus den jahren 1932 bis 1986*. Göttingen: O. Schwartz, 1988, 255.
11. Markesinis B. S., Unberath H., Johnston A. Ch. *The German law of contract: A comparative treatise*, 2nd ed. Oxford, UK: Hart Publishing, 2006, 1040.
12. Mill J. S. On liberty, tr. Fridman A. *Nauka i zhizn*, 1993, (11): 10–15. (In Russ.)
13. Dernburg H. *Law of obligations*, tr. Sokolovskii P., 3rd ed. Moscow: Pechatnia A. Snegirevoi, 1911, XVI, 396. (In Russ.)
14. Karapetov A. G. Representations and provisions for recovery of losses in the new version of the civil code of the Russian Federation. *Zakon*, 2015, (6): 43–56. (In Russ.)
15. Feinberg J. Legal paternalism. *Canadian Journal of Philosophy*, 1971, 1(1): 105–124.
16. Festinger L. *A theory of cognitive dissonance*, trs. Anistratenko A. A., Znaesheva I. Moscow: Eksmo, 2018, 251. (In Russ.)
17. Ben-Shahar O., Porat A. Foreword: Fault in American contract law. *Mich. L. Rev.*, 2009, 107(8): 1341–1348.
18. Mellert C. R. Selbstständige garantien beim unternehmens-kauf – auslegungs- und abstimmungsprobleme. *Betriebs-Berater*, 2011, 66(27): 1667.

**Указатель статей, изданных за 2020 г. в журнале
«Вестник КемГУ. Серия: Гуманитарные и общественные науки»**

	Стр.	№
Педагогика		
<i>Алмазова Н. И., Попова Н. В., Евтушенко Т. Г.</i> Организационно-методические аспекты создания профессионально-ориентированных дидактических ресурсов по иностранному языку в техническом вузе	1	1
<i>Боброва Т. В., Дранишников С. А.</i> Развитие идентичности и толерантности личности иностранных студентов в условиях образовательного процесса	187	3
<i>Брель Е. Ю.</i> Развитие эмоциональной сферы детей старшего дошкольного возраста в условиях педагогической поддержки	95	2
<i>Голованева М. А.</i> Дуализм принципа аппроксимации в лингводидактике	287	4
<i>Дзвоник В. П., Муханов Г. И.</i> Развитие волевых качеств личности юных футболистов в тренировочном процессе	297	4
<i>Дмитриева И. А., Морозова И. С., Елькина О. Ю.</i> Особенности психологической готовности студентов педагогических направлений к профессиональной деятельности	107	2
<i>Крецан З. В., Морозов Е. В., Семке А. В.</i> Параметры личности как предикторы развития синдрома эмоционального выгорания у педагогов школы	12	1
<i>Кузнецова Е. В.</i> Развитие связной речи детей старшего дошкольного возраста средствами проектной деятельности	198	3
<i>Морозова И. С., Борисенко А. В.</i> Развитие социально-психологической адаптированности личности детей из замещающих семей в условиях техникума	207	3
<i>Мукамбетова А. С.</i> Новые концепции обучения предметным знаниям и необходимость их учета в содержании учебников	117	2
<i>Невзоров Б. П., Невзоров Т. Б., Семченко А. С., Фомин А. Г.</i> Пути совершенствования профессионального мастерства педагогического работника образовательной организации высшего образования	26	1
<i>Портнова А. Г., Лесникова С. Л., Русакова Н. А.</i> Использование математических методов для мониторинга качества успеваемости студентов	218	3
<i>Рябокоть Е. А., Крецан З. В., Шмакова Л. Е.</i> Визуализация учебной информации как средство активизации познавательной деятельности обучающихся	126	2
<i>Симкин М. А., Мальцева И. А.</i> Развитие связной речи у детей младшего школьного возраста с нарушением слуха	38	1
<i>Тимофеева И. Г.</i> К проблеме разработки модели формирования навыков волевой саморегуляции обучающихся в учреждениях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей	306	4
Философия		
<i>Ахматов В. В.</i> Типология отступничества (апостасии) в христианском историко-культурном контексте	137	2
<i>Гаврилов Е. О.</i> Цифровой суверенитет в условиях глобализации: философский и правовой аспекты	146	2
<i>Гаврилов О. Ф.</i> Синергия истории и религии в процессах трансформации гражданской религии современной России	227	3
<i>Думов А. В.</i> Метафора в структуре познания сложности	315	4
<i>Золотухин В. М.</i> Социально-философский и культурологический аспекты деятельности человека в рамках цифровой реальности	323	4
<i>Золотухин В. М., Семина Д. И., Семина М. И.</i> Социокультурный и аксиологический аспекты экономического поведения человека и реализация его потребностей	47	1
<i>Казаков Е. Ф., Кутовая Д. А.</i> Антропоидентичность: от обретения – к потере	53	1

	Стр.	№
Каргаполов Е. П. Цивилизационная идентичность России: проблемы и решения	61	1
Красиков В. И. Гендерная ненависть в Рунете: маскулисты и радфемки	235	3
Лалуев В. Я. Корреляция жанра видения XIX века с протестантской и православной культурой: философско-религиоведческий анализ	330	4
Яцевич М. Ю. Онтологические аспекты власти в западноевропейском дискурсе	338	4
Юриспруденция		
Бирюкова О. В., Бондаренко И. С., Винниченко О. Ю. Историко-правовой анализ развития института адвокатуры в России	346	4
Буняк Д. В. Конституционные меры защиты от гендерной дискриминации в европейской модели прав человека	245	3
Волгин Ю. Г. Организационно-тактические меры по выявлению и документированию преступлений, связанных с незаконной добычей угля	70	1
Гаврилов С. О., Гаврилова А. В., Козлова Н. В. Особенности губернского управления в Сибири в условиях реформы М. М. Сперанского	153	2
Гурбанова Н. Х., Распопин С. В., Юртаев Н. С., Бардокин Д. А. Актуальные вопросы квалифицированной юридической помощи на постсоветском пространстве	257	3
Казьмин В. Н., Казьмина М. В., Юзупкина Е. С. Законодательная база регулирования физкультуры и спорта в Кузбассе (1985–2008 гг.)	161	2
Кичигин С. В. Проблемы аннулирования служебного контракта	270	3
Переладов А. В., Личман А. А. Неправильный мёд соседского права	78	1
Переладов А. В., Личман А. А. Ответственность за превышение средней скорости движения: еще один шаг в сторону от справедливости	353	4
Радов В. В. Конфигурация причинной связи при бездействии обязанного лица	278	3
Россиев В. В. Цензы для лиц, оказывающих квалифицированную юридическую помощь	168	2
Севостьянова А. А. Правопонимание института возмещения потерь	365	4
Трезубов Е. С., Исакова Е. Г. Новеллы судебного примирения в контексте судебно-правовой политики современной России	88	1
Трезубов Е. С., Розе М. А. «Гонорар успеха»: старая песня на новый лад	177	2

**Index of articles published in 2020 in the journal
"Bulletin of Kemerovo State University. Humanities and Social Sciences"**

	Pages	No
Jurisprudence		
<i>Biryukova O. V., Bondarenko I. S., Vinnichenko O. Yu.</i> Historical and Legal Analysis of the Development of the Institute of Defence Attorneys in Russia	351	4
<i>Buniak D. V.</i> Constitutional Gender Anti-Discrimination Measures in European Model of Human Rights	255	3
<i>Gavrilov S. O., Gavrilova A. V., Kozlova N. V.</i> Provincial Administration in Siberia in the Context of M. M. Speransky's Reform	159	2
<i>Gurbanova N. H., Raspopin S. V., Iurtaev N. S., Bardokin D. A.</i> Current Issues of Qualified Legal Assistance in the Post-Soviet Space	268	3
<i>Kazmin V. N., Kazmina M. V., Yuzupkina E. S.</i> Legal Framework for Regulating Physical Education and Sports in Kuzbass (1985–2008)	166	2
<i>Kichigin S. V.</i> Cancellation of Service Contract	276	3
<i>Pereladov A. V., Lichman A. A.</i> Responsibility for Exceeding the Vehicle Average Speed: Another Step away from Justice	364	4
<i>Pereladov A. V., Lichman A. A.</i> The Law of Neighboring Tenements: "The Wrong Sort of Honey"	86	1
<i>Radov V. V.</i> Chain of Causation: Omission Committed by the Obligor	285	3
<i>Rossiev V. V.</i> Qualifications for Legal Advisors	175	2
<i>Sevostyanova A. A.</i> Legal Understanding of the Institution of Indemnity	375	4
<i>Trezubov E. S., Isakova E. G.</i> Mediation Innovations in the Context of the Judicial Policy of Modern Russia	94	1
<i>Trezubov E. S., Roze M. A.</i> "Success Fee": Old Song, New Tune	185	2
<i>Volgin I. G.</i> Organizational and Tactical Measures to Identify and Document Crimes Related to Illegal Coal Mining	77	1
Pedagogics		
<i>Almazova N. I., Popova N. V., Evtushenko T. G.</i> Organizational and Methodological Aspects of Developing Profession-Oriented Foreign Language Didactic Resources in a Technical University	9	1
<i>Bobrova T. V., Dranishnikov S. A.</i> Development of Identity and Tolerance in Foreign University Students	196	3
<i>Brel E. Yu.</i> Development of the Emotional Sphere of Senior Preschoolers in Conditions of Pedagogical Support	105	2
<i>Dmitrieva I. A., Morozova I. S., Elkina O. Yu.</i> Psychological Readiness for Professional Activity in Students of Pedagogical Departments	115	2
<i>Dzvonik V. P., Mukhanov G. I.</i> Developing Volitional Qualities in Young Football Players during Training	304	4
<i>Golovaneva M. A.</i> Dualism of Approximation Principle in Linguadidactics	295	4
<i>Kretsan Z. V., Morozov E. V., Semke L. V.</i> Personality Parameters as Predictors of the Burnout Syndrome Development in School Teachers	24	1
<i>Kuznetsova E. V.</i> Development of Coherent Speech in Children of Senior Preschool Age by Means of Project Activities	205	3
<i>Morozova I. S., Borisenko A. V.</i> Development of Socio-Psychological Adaptation of Personality in College Students from Substitute Families	216	3
<i>Mukambetova A. S.</i> New Concepts of Teaching Subject Knowledge and the Need for Their Consideration in the Content of Textbooks	124	2
<i>Nevezorov B. P., Nevezorov T. B., Semchenko A. S., Fomin A. G.</i> Ways to Improve the Professional Skills of Academics	36	1

	Pages	No
Portnova A. G., Lesnikova S. L., Rusakova N. A. Mathematical Methods in Monitoring the Quality of Student Performance	224	3
Ryabokon E. A., Kretzan Z. V., Shmakova L. E. Visualization of Educational Information as a Means of Enhancing the Cognitive Activity in Students	135	2
Simkin M. L., Maltseva I. A. Coherent Speech Development in Primary School Children with Hearing Impairments	45	1
Timofeeva I. G. Developing a Model for the Volitional Self-Direction Formation in Orphans and Abandoned Children	313	4
Philosophy		
Akhmatov V. V. Typology of Apostasy in the Christian Historical and Cultural Context	144	2
Dumov A. V. Metaphor in the Structure of Exploring Complexity	321	4
Gavrilov E. O. Digital Sovereignty in the Context of Globalization: Philosophical and Legal Aspects	151	2
Gavrilov O. F. Synergy between History and Religion in the Transformation of the Civil Religion of Modern Russia	233	3
Kargapolov E. P. Civilizational Identity of Russia: Problems and Solutions	68	1
Kazakov E. F., Kutovaia D. A. Anthropoidentity: from Gaining to Losing	59	1
Krasikov V. I. Gender Hatred in RuNet: Masculists and Radical Feminists	243	3
Laluev V. Ya. How the Visions Genre Correlates in the Protestant and Orthodox Christian Culture of the Nineteenth Century: a Theological and Philosophical Analysis	336	4
Yatsevich M. Yu. Ontological Aspects of Power in Western European Discourse	345	4
Zolotukhin V. M. Socio-Philosophical and Cultural Aspects of Human Activity in the Framework of Digital Reality	328	4
Zolotukhin V. M., Semina D. I., Semina M. I. Socio-Cultural and Axiological Aspects of Economic Behavior and Satisfaction of Human Needs	51	1

16+

Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. Научный журнал

Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences. Scientific Journal

Контакты для сотрудничества:

Морозова Ирина Станиславовна, главный редактор
ishmorozova@yandex.ru

Митько Наталья Викторовна, редактор
8(384-2)58-13-01; vestnik@kemsu.ru; vs-seriya@yandex.ru

Contacts for co-operation:

Irina S. Morozova, Editor-in-Chief
ishmorozova@yandex.ru

Nataliya V. Mitko, Editor
8(3842)58-13-01; vestnik@kemsu.ru; vs-seriya@yandex.ru

Редакторы выпуска:

Лоншакова К. А., Митько Н. В., Рабкина Н. В., Старикова А. С.

Подписано к печати 28.12.2020.

Дата выхода в свет 31.12.2020.

Печать офсетная. Бумага Sveto Copy.

Формат А 4. Усл. печ. л. – 12. Уч.-изд. л. – 11.

Тираж 500 экз. Заказ _____

Цена свободная.

ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет».

Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6,
<http://kemsu.ru>.

Адрес типографии: Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово,
пр. Советский, 73.